

БАРГРАДСКИЙ СБОРНИК
№ 1

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ Г. БАРИ ИМ. АЛЬДО МОРО

BARGRADSKIJ
SBORNIK
I.

A cura di Michail G. Talalay

БАРГРАДСКИЙ
СБОРНИК
№ 1

Под редакцией М.Г. Талалая

“INDRIK”
MOSCA 2019

*По благословению
настоятеля Патриаршего подворья в Бари
протоиерея Вячеслава Бачина*

Барградский сборник. № 1.

Под ред. М.Г. Талалая.

М.: Индрик, 2019. – 240 с, ил.

ISBN 978-5-91674-000-0

Сборник статей посвящен почитанию святителя Николая Чудотворца, истории барийской базилики, где почивают его мощи, традициям православного паломничества, судьбе русского Подворья в Бари, связям региона Апулия с Россией.

*На обложке: фрагмент серебряного
алтаря базилики св. Николая в Бари,
фото Антонио Тартальяне*

© Составление, научная редакция,
перевод, подбор иллюстраций,
М.Г. Талалая, 2019

© Авторы статей, 2019

© Оригинал-макет, оформление,
Издательство «Индрик», 2019

ISBN 978-5-91674-000-0

Вступление. Оргкомитет Первых Барградских чтений	7
Приветствие. Проф. Франческо Фиорентино	8
<i>о. Джерардо Чоффари. Серебряный алтарь в базилике св. Николая в Бари</i>	<i>9</i>
<i>о. Стефано Каприо. Не только Бари. Почитание св. Николая в Апулии за пределами ее столицы</i>	<i>21</i>
<i>А.А. Кара-Мурза. Русские посланцы Петра I у мощей св. Николая в Бар-граде</i>	<i>45</i>
<i>о. Роман Цуркан. Один из «путников»-продолжателей дела Григоровича-Барского — кн. А.Н. Волконский и его воспоминания о Бари</i>	<i>69</i>
<i>М.В. Шкаровский. Участие русского монашества в возобновлении храма свт. Николая Чудотворца в Мирах Ликийских</i>	<i>99</i>
<i>О.А. Жукова. Барградские храмы: история русской культуры и святости</i>	<i>111</i>
<i>М.А. Бирюкова. Чудесный дар маркиза де Лука императору Николаю II по «поручению» св. Николая</i>	<i>139</i>
<i>М.Г. Талалай. Барградское подворье в 1920-е годы</i>	<i>154</i>
<i>Марко Каратоццоло. Профессор-эмигрант Павел Соколов, между Апулией и Россией</i>	<i>169</i>
<i>Е.С. Заика-Войвод Трубецкая. Паломничество в Бари в 1973 году</i>	<i>183</i>
<i>М.Н. Громов. Философская интерпретация паломничества</i>	<i>191</i>
Документы	
<i>Проф. Луиджи Мартино. Анатомическое освидетельствование и антропометрическое изучение костных останков св. Николая Чудотворца</i>	<i>209</i>
<i>Договор о временном предоставлении частицы мощей св. Николая Русской Церкви</i>	<i>217</i>
Рецензии	
<i>Евстратова М.В., Колузаков С.В. «Храм Святителя Николая в Бари. Проект архитектора А.В. Щусева». Е.К. Пиотровская ..</i>	<i>220</i>
<i>Сб. «Принесение мощей мощей святителя Николая Чудотворца в Россию. 21 мая – 28 июля 2017 года»</i>	<i>231</i>
Сведения об авторах	235

INDICE

Introduzione. <i>Il Comitato organizzativo del Convegno</i>	7
Saluto del Prof. Francesco Fiorentino	8
<i>Fra Gerardo Cioffari</i> (Bari). L'altare d'argento nella Basilica di San Nicola di Bari	9
<i>Don Stefano Caprio</i> (Foggia). Non solo Bari. Il culto di San Nicola in Puglia oltre il capoluogo pugliese	21
<i>Aleksej A. Kara-Murza</i> (Mosca). I diplomatici russi di Pietro I presso le reliquie di San Nicola Taumaturgo a 'Bargrad'	45
<i>Padre Roman Zurkan</i> (Tallinn). Uno dei «viandanti» ed emuli dell'impegno di Grigorovič-Barskij: il principe A.N. Volkonskij e suoi ricordi su Bari	69
<i>Michail V. Škarovskij</i> . Il contributo dei monaci russi alla ristrutturazione del santuario di San Nicola Taumaturgo a Myra	99
<i>Olga A. Žukova</i> (Mosca). Le chiese di 'Bargrad': una storia della cultura e della santità russa	111
<i>Margarita A. Birjukova</i> (Mosca). Il dono miracoloso del marchese Giulio de Luca all'imperatore Nicola II «su commissione» di San Nicola Taumaturgo	139
<i>Michail G. Talalay</i> (Monopoli). La Chiesa russa di Bari negli anni '20 ..	154
<i>Marco Caratozzolo</i> (Bari). Il professore ed emigrato Paolo Sokoloff, tra Puglia e Russia	169
<i>Elizaveta S. Zaika Voivod Troubetzkoy</i> (London, Canada). Il nostro pellegrinaggio a Bari nel 1973	183
<i>Michail N. Gromov</i> (Mosca). L'interpretazione filosofica del pellegrinaggio	191
Documenti	
<i>Prof. Luigi Martino</i> . La perizia anatomica e lo studio antropometrico dei resti ossei di San Nicola Taumaturgo	209
Accordo sul temporaneo trasferimento di una parte delle reliquie di San Nicola alla Chiesa Russa	217
Recensioni	
<i>Evstratova M.V., Koluzakov S.V.</i> «La Chiesa di San Nicola a Bari. Progetto dell'architetto A.V. Ščusev». <i>E.K. Piotrovskaja</i>	220
<i>Aa.Vv.</i> «Il trasferimento della reliquia di San Nicola Taumaturgo in Russia: 21 maggio – 28 giugno 2017»	231
Notizie sugli autori	235

ВСТУПЛЕНИЕ

В середине сентября 2018 г. в Апулии – в Бари и Монополи – состоялась серия встреч русских и итальянских ученых, получившая название *Первые Барградские чтения*. Их главной темой стала «Философия паломничества», а ядром – конференция в стенах Университета г. Бари им. Альдо Моро.

Сама барийская земля, хранящая великую святыню христианского мира – мощи св. Николая Чудотворца, обусловила выбор темы и необходимость ее разработки с различных философских, исторических, культурологических и богословских позиций. Помимо истории почитания св. Николая и традиции паломничества, в сфере интересов *Чтений* вошли вопросы, посвященные историко-культурным связям Апулии и России.

Инициатором *Чтений* выступил нижеподписавшийся Оргкомитет, уже наладивший прочное сотрудничество, как внутреннее, так и с коллегами, на ниве исследования и продвижения практик культурного взаимодействия между Россией и Италией.

Чтения вызвали определенный резонанс, свидетельствующий о том, что они должны стать не единичным событием в апулийско-российском диалоге, а началом новой научно-общественной традиции – тем, что в итальянском языке называют punto di riferimento («ориентир», «точка отсчета», «референтная точка»).

В публикуемый конференциальный сборник, кроме статей участников *Чтений*, включено также несколько работ авторов, которые специально подготовили для нас результаты своих исследований по барградской тематике.

Пользуясь случаем, выражаем признательность протоиерею Вячеславу Бачину, настоятелю Патриаршего подворья в Бари, благословившего нашу научно-культурную инициативу, и проф. Франческо Фиорентино, директору Департамента литературы, языков, искусств, итальянистики и сравнительных культур Университета г. Бари, за предоставленную престижную площадку для проведения *Чтений*.

Оргкомитет Первых Барградских чтений:
О.А. Жукова (НИУ «Высшая школа экономики»)
А.А. Кара-Мурза (Институт философии РАН)
М. Каратоццо (Государственный университет г. Бари)
М.Г. Талалай (Институт всеобщей истории РАН)

ПРИВЕТСТВИЕ

С большим удовольствием, в качестве директора Департамента литературы, языков, искусств, италянистики и сравнительных культур Университета г. Бари, я приветствую публикацию этого ценного сборника, куда вошли доклады участников Первых Барградских чтений, прошедших в сентябре 2018 года и имевших своей основной темой философию паломничества.

Как исследователь французской литературы, я всегда с восхищением интересовался русской культурой, которая имела, как известно, многовековые развитые и крепкие связи с Парижем, восприняв многое от Франции и, в свою очередь, сумевшая дать ей важные научные и культурные стимулы. В особенности, изучая французских путешественников разных эпох, направлявшихся в Иерусалим, я обратил внимание на их свидетельства о постоянном, порой даже преобладающем присутствии на Святой Земле русских паломников, что мне позволило осознать важность паломничества в русской духовности и культуре.

При нашем Департаменте преподавание и изучение русского языка и культуры – важнейший элемент, который мы стараемся развивать с помощью наших увлеченных преподавателей, при постоянном внимании к русской литературе, классической и современной, в уверенности, что Россия сегодня играет первостепенную роль в политической, научной и культурной панораме Европы и всего мира. Выражая радость по поводу выхода конференциального сборника, желаю, чтобы научная встреча, которая его породила, стала началом доброй традиции при нашем Университете.

*проф. Франческо Фиорентино,
директор Департамента литературы, языков,
искусств, италянистики и сравнительных культур
Университета г. Бари*

о. Джерардо Чоффари

СЕРЕБРЯНЫЙ АЛТАРЬ В БАЗИЛИКЕ СВТ. НИКОЛАЯ В БАРИ

Самый высокий момент межхристианского сближения в Бари под знаком св. Николая – еще задолго до экуменических решений Второго Ватиканского Собора – это пожертвование сербского короля Стефана Уроша II Милютина 1319 г. Речь шла не об обычном дарении, которые делали многие другие князья, короли и императоры и которые обогащали ризницу Базилики или Зал реликвий. Дар Стефана Уроша II Милютина имел абсолютный и непревзойденный престиж. Серебряный алтарь, им заказанный и исполненный сербскими и апулийскими мастерами в течении 1319 г., в действительности представлял собой накладной массив из серебра, предназначенный для полного покрытия первоначального алтаря с ракой св. Николая¹. Когда это произведение было закончено, в 1320 г. Милютин завершил свое дарение сооружением сени, также из серебра, которая была предназначена окончательно сформировать придел во имя вящей славы Чудотворца.

Прошло уже почти сорок лет, как Милютин царствовал в Сербии, непрерывно воюя ради укрепления и расширения своих владений. Когда он заказывал алтарь, он уже отдавал себе отчет о своем близком конце и желал поэтому быть готовым к нему достойным образом, навсегда связывая свое имя с гробницей святителя Николая. Несмотря на его весьма беспокойный земной путь, Сербская Церковь посчитала нужным включить его в Святцы. И Русская Церковь поставила его имя в свой календарь (под датой 30 октября). Экуменический аспект дарения для гробницы св. Николая выглядит еще более значительным, если учесть тогдашний исторический период.

¹ Первое архивное упоминание дарения встречается в описи 1578 г., составленной Франческо Нитти ди Вито; см.: *Nitti di Vito F. Il Tesoro di San Nicola di Bari. Appunti storici*. Trani, 1903. P. 48, № 165.

Серебряный алтарь базилики св. Николая.
Фото А. Тартальоне

Уния между Римско-Католической и Греко-Православной Церквами, подписанная на Лионском Соборе 1274 г., не выдержала исторических перипетий. После смерти Михаила VIII Палеолога его сын, Андроник II, по существу свел на нет труды своего отца, возобновив репрессии католиков на территории Византийской империи. Таким образом, дарение Стефана Уроша II следует отнести к моменту наибольших трений между двумя Церквами. Этот его жест был высоко оценен как духовенством Базилики Св. Николая, так и королем Неаполитанским: пожертвованный алтарь был оценен как «католико-православный» – во времена, когда церковное разделение ощутимо переживалось.

И в Сербии поступок ее короля был прекрасно воспринят – его сын (Урош III) и его внук (Стефан Душан)

проявили себя щедрыми жертвователями, также как и многие другие сербские знатные люди, чьи дарения зарегистрированы на пергаменте Сокровищницы в 1361 г. (однако ризничий не записал имена этих жертвователей).

С 1320 по 1682 г. алтарь короля Милютина красовался в крипте Базилики, вызывая восхищение как у тогдашней элиты, так и у простых паломников. На дощечке, помещенной с тыльной стороны, стояла надпись на латыни, процитированная Беатилло:

В год Господень 1319, в месяц июнь, второго индикта, Урош, король Рашки [т.е. Сербии], Диоклеи, Албании, Болгарии и всего Адриатического берега, от моря вплоть до великого Дуная, повелел исполнить сей великий алтарь, как и великую серебряную икону и великую серебряную сень сего алтаря, лампы и большие серебряные подсвечники в честь Господа Бога и его блаженнейшего Николы, под руководством верного и опытного Обрада из Котора, сына Сиславы, специально посланного королем, а мы, Руггерий из Инвидии, главный мастер, и Роберт из Барлетты, мастер, начали весь труд в упомянутом месяце июня и верно довели работу до завершения в последние дни месяца марта следующего года, третьего индикта².

² См. *Beatillo A. Historia della Vita, Miracoli, Traslatione e Gloria dell'illustrissimo Confessore di Christo San Nicolò, Arcivescovo di Mira e patrone della città di Bari. Napoli, 1620. P. 958:*

Anno Domini millesimo trecentesimo decimo nono / Mense Iunii, secunda indictione, / Urosius, Rex Rasiae, Ediocliae, Albaniae, Bulgariae et totius / Maritimae de Gulfo Andriano a Mari usque ad flumen Danubij magni, / Praesens opus Altaris, Yconam magnam argenteam, / cooperaturam tribunalem supra hoc altare de argento, / lampades, et candelabra magna de argento fieri fecit, / ad honorem Dei ac beatissimi Nicolai eius, / Obrado adstante de Catara filio de Sislava fideli et experto, / a predicto Rege super dicto opere deputato, / et nos Rogerius de Invidia protomagister, / et Robertus de Barolo magister / in omnibus praefatis opus de praedicto Mense Iunii inaecepimus / et per totum Mensem Martij anni sequentis, tertia indictione, / fideliter complevimus (лат.).

Любовь к святителю Николаю уже тогда соединяла католиков и православных, в то время как среди их священноначалия царила атмосфера, весьма далекая от гармонии. То же самое можно сказать и о первом русском паломнике, о котором до нас дошли сведения – о Варлааме Ростовском, основателе монастыря на реке Улейма (существующем до сих пор), близ Углича³. Этот первый паломник предпринял свое необыкновенно долгое путешествие в Бари спустя 20 лет после Флорентийского Собора, то есть в то время, когда на Руси возникали самые жесткие нападки на Римскую Церковь: достаточно вспомнить полемический богословский трактат «Слово избрано от святых писании, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго», составленный как раз во время паломничества Варлаама.

В любом случае, алтарь Уроша II (в отличие от подсвечников и сени, которые были изъяты королем Ферранте Арагонским в 1480 г. ради оплаты войску, посланному против мусульман, захвативших Отранто в Апулии) достойным образом украшал раку св. Николая целых 362 года. Потом – как всему в этом мире – пришел его конец.

Впрочем, нет. Случилось его преобразование.

В самом деле, тот алтарь в верхней базилике, которым мы сегодня любуемся, изваян по большей части из серебра короля Милютина. Да, многие из пожертвованного им серебра было продано, но самая главная его масса осталась – это старый алтарь великого короля Сербии, имя которого окончательно утвердилось в святцах и Сербской, и Русской Церкви.

³ См. Сказание о явлении за р. Улеймою в 1460 г. образа Св. Христова Николая, об основании на месте явления его Николо-Улейм. монастыря и о последующих за два с полов. века судьбах его. Ярославль, 1894.

Фронтальная часть алтаря, ангелы с миром.
Фото А. Тартальоне

Шедевр неаполитанского барокко, современный серебряный алтарь св. Николая (он тоже веками покрывал раку с мощами святителя) был изваян по желанию настоятеля Базилики Алессандро Паллавичино (1676–1707)

в русле великих барочных преобразований, которые переживал храм во второй половине XVII в. Они начались еще в первой декаде столетия, благодаря деятельности приора Фабио Гризоне (1600–1620), занимавшегося, в первую очередь, обновлением литургической утвари и реликвариев⁴. Также и приор Томмазо Мастрилло (1641–1653) в 1652 г. разработал программу по замене старого амвона новой резной с золочением кафедры, окруженной фигурами святых. Однако этот проект довел до конца уже его преемник, приор-испанец Хуан Монтеро де Спиноса (1655–1674), одно из главных действующих лиц возрождения художеств в Базилике. Ужасная эпидемия, поразившая город и всю Южную Италию в 1656 г., не остановила этого энергичного мецената: в 1658 г. он освятил новую кафедру, и в том же году принял дарение семьи Дануши – прекрасную серебряную статую с отроком Василием-Адеодато (ныне в Свято– Николаевском музее). В 1660 г. к декорированию был подключен Никола Глири, один из самых известных апулийских живописцев той эпохи – вместе со своими подмастерьями он исполнил полукруглые люнеты, установленные в крипте на стене напротив раки св. Николая. Апофеозом убранства тогда стал грандиозный золоченный плафон, созданный Карло Розой из Битонто (1661–1673).

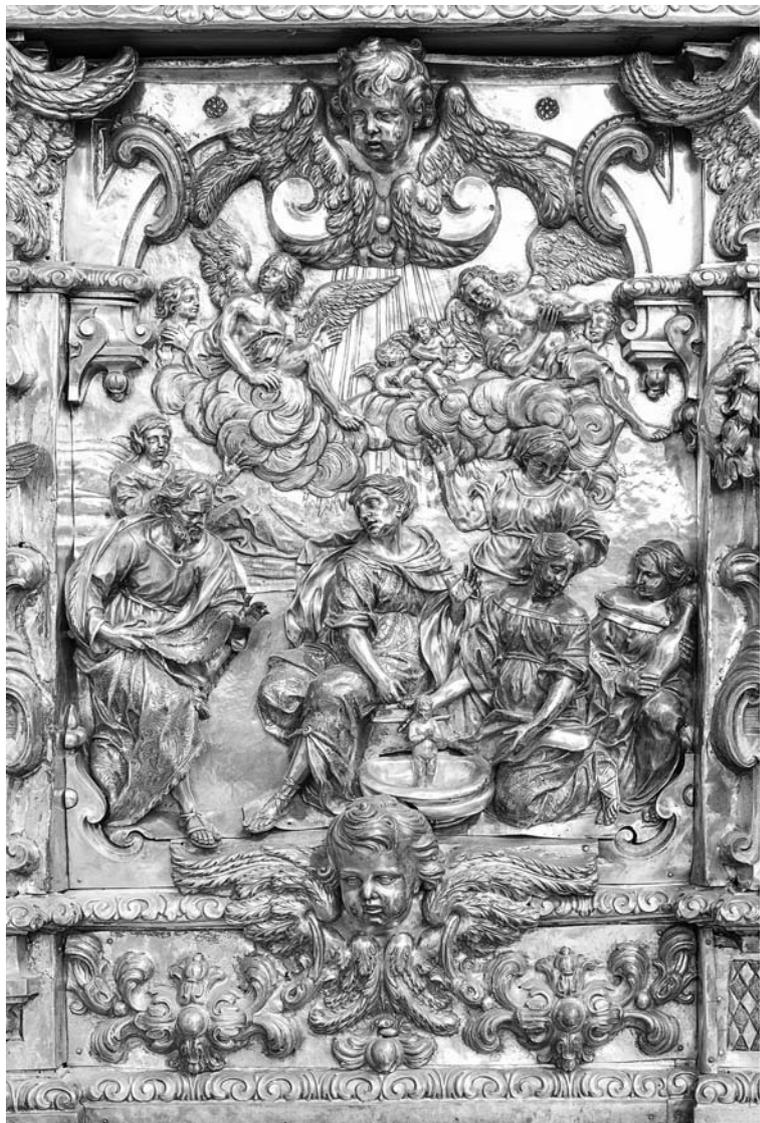
От всего этого не хотел отставать и преемник падре Хуана, Алессандро Паллавичино – он решился на переделки в самом священном месте Базилики, в приделе с мощами святителя. Вероятно, это было трудное решение – ведь шла речь о переплавке знаменитого серебряного алтаря короля Уроша II, замечательного как своими историко-художественными достоинствами (сохранилось описание Беатилло 1620 г.), так и религиозной ценностью (он покрывал мощи

⁴ Сведения о создании нового алтаря взяты из: *Melchiorre V.A. L'altare d'argento di S. Nicola nei protocolli dei notai baresi // Nicolaus. Studi storici, 1993/1. P. 149 ss.*

св. Николая более 350 лет). Однако в итоге возобладала воля к новому художественно-церковному деянию, в русле неаполитанского барокко. В начале 1682 г. Паллавичино послал вице-королю Фердинандо Джоаккино Фахардо, маркизу де лос Велец, предложение переделать серебряный алтарь над мощами святителя. Прежний алтарь, дарение 1319 г. православного сербского царя Стефана Уроша II Милютина, уже не подходил динамичности и пышности барочного декора, который бы соответствовал такому храму, как Свято-Николаевский в Бари.

Вице-король, только что назначивший королевского комиссара Стефано Каррилло де Сальзедо разобраться в трениях между приором Паллавичино с епископом Бари, с одной стороны, и с капитулом Базилики, с другой, попросил того же комиссара осмотреть алтарь и сообщить свое мнение по проекту приора. Каррилло, который тогда находился в Барлетте, прибыв в Бари, осмотрел алтарь и присоединился к мнению Паллавичино. 8 июня 1682 г. перед нотариусом Джованни Джузеппе Морено четыре каноника-хранителя Святого Алтаря передали двум представителям капитула – с тем, чтобы они передали неаполитанскому ювелиру Доменико Маринелли – 257 фунтов и 6 унций серебра, в состав которого входили 65 лампад, 2 плиты в форме корабликов от старых ступеней алтаря, 17 небольших обетных табличек. Со своей стороны ризничий Пьетро Пезоле передал еще 26 фунтов серебра (два больших креста, два малых и много иных расплюснутых серебряных предметов). Серьезный вклад сделал также и испанский король, через все того же вице-короля. Присутствие Маринелли в Бари уже в самом начале проекта позволяет думать, что приор связался с ним в Неаполе еще ранее, и что новый заказ Базилики св. Николая приостановил все другие ее заказы в Неаполе.

Маринелли обязывался закончить работу к концу ноября, но несмотря на то, что приор добился от капитула

Житийный эпизод с рождением св. Николая.
Фото А. Тартальоне

завершающих пожертвований серебра и золота, сроки не были соблюдены. Известно, что 29 апреля 1684 г. алтарь еще находился в Неаполе, где его решили взвесить (оказалось 515 фунтов серебра) и подвергнуть экспертизе других известных ювелиров, так как, к примеру, Дженнаро Монте. Они аттестовали готовность алтаря – за исключением табернакля и статуи. Если судить по срокам (полтора года), становится ясно, что Маринелли должен был привлечь к работе многих помощников – и не только своего коллегу Антонио (Эннио) Авитабиле, чье имя встречается в разных контрактах. Несмотря на это, панно алтаря отличаются высочайшим художественным уровнем. В мае месяце того же года великолепный алтарь был доставлен из Неаполя в Бари. Не хватало табернакля и статуи, и стали раздаваться голоса, что желательна и сень, поэтому Маринелли и Авитабиле передали и другие серебряные предметы, в том числе две статуи Святителя, одну с гербом Карла II Анжуйского и другую с гербом Боны Сфорцы.

Несмотря на дискуссию по поводу гонорара, Маринелли – ради личного почитания святителя – пообещал также изваять статую, что однако не успел сделать, так как в начале 1693 г. скончался. Капитул пытался вернуть в Бари серебро, переданное Маринелли и Авитабиле, однако несмотря на судебные тяжбы с наследниками, сделать это, похоже, не удалось. У нас нет сведений относительно этой новой статуи, а та, что мы видим сегодня, вероятно, была изваяна по обету 1651 г. Джузеппе Караччоло, князя ди Торелла, и водружена на прежний серебряный алтарь в 1670 г. приором Джованни Монтеро. Статую, естественно, не раз переделывали в XVIII в. (как, к примеру, нимб), и поэтому историки искусства дают разную датировку (середина XVII в. многим кажется слишком ранней), но преимущественно относят ее к XVIII в. Наконец, в 1792 г. ее снабдили новой базой, которая гармонировала с барочным изделием.

Житийный эпизод с воскрешением трех младенцев.
Фото А. Тартальоне

Неясности касаются не только статуи, но и сени, которая была изваяна позднее и имеет меньшую художественную ценность. Самой большой загадкой остается тонкая пластина, которая прикрывает престол перед табернаклем и имеет на своих краях надпись из 650 букв, ряд которых не читается. Конкурс, объявленный ради расшифровки этой криптограммы к 900-летию перенесения мощей из Мир Ликийских в Бари, не привел ни к каким результатам.

Что касается иконографии алтаря, то Маринелли (как прежде и Карло Роза в картинах на плафоне) опирался на данные, биографические и легендарные, из Жития св. Николая, составленного в 1620 г. Беатилло.

На лицевой стороне алтаря устроены две створки, предназначенных для обряда извлечения миро от мощей. На каждой из них помещено изображение ангела с флаконом миро. Направо идет серия красивых панно с эпизодами Жития св. Николая: спереди (справа) – Рождение святого, затем с правой стороны – святой, спасающий Василия-Адеодато из дворца турецкого эмира на Крите. На тыльной стороне – 6 панно, три малых и, внизу, три побольше. В верхнем регистре помещен святой в момент воскресения христианина, оказавшегося неплатежеспособным иудею-ростовщику; святой в темнице из-за заушения Ария, утешаемый Божией Матерью и ангелами; святой, рубящий бесовское древо. Внизу: святой, посетивший Бари с пророчеством «Тут упокоятся мои останки»; положение мощей святого в крипту Базилики папою Урбаном II (1 октября 1089 г.); и, наконец, прибытие мощей из Мир Ликийских в Бари. На левом фланге алтаря помещена легенда о воскрешении святым трех отроков, зарезанных хозяином харчевни, а оказавшись снова перед лицевой стороны, слева можно осмотреть сцену преставления святого.

Несмотря на декоративное богатство, этот шедевр неаполитанского барокко не кажется тяжелым. Изваянные

серебряные статуи филигранно отточены и отличаются замечательной выразительностью. После недавней реставрации, сцены вновь обрели блеск, который им придали в 1682–1684 гг. руки Доменико Маринелли и Антонио Авитабиле. Реставрация была осуществлена благодаря финансовому пожертвованию россиянина Константина Голощапова.

Перевод Михаила Талалая

Расширенный и уточненный
текст, впервые опубликованный
в «Православном календаре
Базилики св. Николая» за 2016 год

НЕ ТОЛЬКО БАРИ. ПОЧИТАНИЕ СВ. НИКОЛАЯ В АПУЛИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕЕ СТОЛИЦЫ

Южная Италия веками была местом встречи и столкновения цивилизаций Востока и Запада, а так же различных традиций византийского и латинского христианства. История перенесения мощей св. Николая, епископа и чудотворца, из Мира Ликийского в город Бари, возможно, является самым мощным символом этого историко-культурного динамизма. Соперничество между двумя общинами, греческой и латинской, привело к озарению относительно «кражи реликвий» из уходящего в руки мусульман городка, где они хранились, тридцать лет спустя после того, как верховные главы двух основ христианства, Римский папа и Константинопольский патриарх предали друг друга анафеме, спровоцировавшей великий раскол 1054 г., который до сих пор разделяет католиков и православных, несмотря на отмену отлучений от церкви во время Второго Ватиканского Собора в 1965 г.

Всемирная слава святителя Николая

Предание о св. Николае относит его ко временам константиновского «освобождения» Церкви от гонений, строительства имперской Церкви, обусловившего все будущее развитие христианства и догматические споры, приведшие к совершению древних Вселенских соборов, начиная с Никейского в 325 г., против ариан. Святой, согласно Житию, будучи в числе святых отцов-участников Собора, якобы публично дал пощечину еретику Арию, желавшему ограничить божественность Христа, чтобы способствовать ее частичному наложению на имперское обожествление, государственную идеологию со времен Юлия Цезаря, которую Константин намеревался переработать в свете христианского богословия.

Таким образом святитель Николай вошел в славное поколение епископов IV века, протагонистов того времени, когда Церковь поднималась как наследница греко-римской древности, сопротивляясь притязаниям имперской власти и обращаясь к народу, сбитого с толку разделением великой политики (вспомним о создании двух империй и о «двух Риммах», Востока и Запада) и наступлением новых «варварских» народов, которые вскоре изменят смысл истории, положив конец истории древней, и определив многострадальный бесконечный путь Средневековья.

Всемирная слава епископа Николая идет бок о бок с известностью его географических и временных соседей, таких как Кирилл Иерусалимский, Евсевий Кесарийский и Диодор Тарский, или святые каппадокийцы Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский, александрийцы Афанасий и Антоний Великий или самые далекие святые Запада, такие как Амвросий Медиоланский и Иларий Пиктавийский, если хотим упомянуть некоторых из самых влиятельных отцов Церкви, которые внесли свой вклад в разработку Никео-Константинопольского символа веры, до сих пор исповедуемого на всех христианских богослужениях различных обрядов и традиций.

Тем не менее, фигура Николая Мирликийского со временем приобрела собственное символическое измерение, отчасти восходящее к древней славе, но еще более возрожденное в новых ипостасях, которые сделали из него вселенский образ на всех широтах и во все времена, почти отдельное божество народной религии или, по крайней мере, движущую силу культуры и фольклора от Средиземноморья до северной и восточной Европы.

Образ Николая, заботящегося о бедных и детях, человека, приносящего дары и радость всем, несомненно выделяется на фоне епископов своего времени, которые

приняли на себя «заместительство» имперского государства, зачастую отсутствующего, разделенного и постоянно разоряемого многочисленными сражениями армии, которая призывала в свои ряды всякого дееспособного мужчину и порабощала бесконечные массы людей. Самым ярким примером, спустя несколько десятилетий после Николая, был Василий Кесарийский, великий организатор «народной» Церкви, позаимствовавший у имперской администрации капиллярную структуру «приходов» и «епархий» (термины не евангельские, а географически-политические) и организовавший столовые, больницы, школы и все самое необходимое для выживания и благополучия людей.

Величие древнего епископа-чудотворца отмечалось с самых ранних времен после его смерти, и особенно начиная с IX века, «золотой эпохи» для святого из Мир, когда его имя уже распространилось по всей Европе до такой степени, что панегирист Никита из Пафлагонии к 890 г. мог утверждать, что Николай был сверх-святым, *вторым искомителем*, а другой автор X века добавлял, что после Христа и Богородицы Николай был тем святым, к которому больше всего обращались в своих молитвах верующие.

Его фигура была заново открыта в конце первого тысячелетия, как объединяющее начало территории, разоренной столетиями феодальных и этнических нашествий и разделений. Его мощи прибыли в 1087 г. в порт Бари, где был возведен собор на месте, на котором еще несколько лет назад находился дворец Катапана, византийского наместника, и которое норманн Роберт Гвискар пожаловал за год до этого Урсону епископу Каносы и Бари. Спустя менее десяти лет, по просьбе византийского императора Алексея II Комнина, папа Урбан II объявил первый крестовый поход, прославленный Петром Отшельником.

Совпадение по времени этих двух событий, принесения мощей святого и крестовых походов, стало той

искрой, которая сделала славу св. Николая поистине безграничной. Вся Европа ринулась в Святую Землю, проходя в основном через Бари, где почитание святых мощей мирликийского епископа сделало его покровителем и вдохновителем новой эпохи. Крестовые походы оказались тем революционным событием, которое дало Европе основание для того, чтобы стать истинным континентом христианства, реализацией той Священной Римской империи, столь желаемой Карлом Великим и его преемниками, и духовно руководимой римским папством, местом *translatio imperii*, которое вверило всему миру и потомкам великую задачу строительства вечной цивилизации, предвосхищения Царства Божьего на земле.

Паломники, монахи и рыцари, авантюристы и князья со всех концов земли проходили через Бари и колена-преклонялись у раки св. Николая, неся затем его память и вдохновение не только в странствии в Антиохию и Иерусалим, проходя через земли, где святой жил, но и после, по возвращении в свои страны, превратив его святость в идеал жизни и древних и новых ценностей. Именно провал военных кампаний, приведший к уступке Саладину священных земель в конце 1100 г., стал еще одной причиной безграничной славы св. Николая: недоступность Гроба Господня сделала Бари суррогатом памяти Христа, тем этапом, который хотя бы отчасти мог удовлетворить потребность в духовности и прощении, сделав Барийского святого новым апостолом христианской Европы.

Эта роль «культового наместника» Христа особенно очевидна в избрании Николая покровителем русских, народа, который сильнее других ощущал настоятельную необходимость соединиться с подлинными христианскими истоками. Последняя из древних Церквей, или первая из новых, Киевская Русь пыталась стать «Святой Русью», призванной к спасению мира, что и произойдет после падения Константинополя в 1453 г. в руки

турок-османов. Не менее впечатляющим является превращение святого из Бари в языческо-христианского кумира северных народов, которые тоже поздно присоединились к христианству. *Николаус* или кельтско-саксонский *Санта Клаус* сегодня по-прежнему является величайшим символом естественной религии, освященной христианской традицией. В Германии культ св. Николая зародился еще в конце первого тысячелетия. Со временем сформировалась фигура юноши-епископа, который ходил по улицам, напевая «*Sunner Klaus de grote Mann*», получая подарки от прохожих. Вероятно, именно норманны принесли культ св. Николая в Англию, где его приняли с воодушевлением, и посвятили ему множество церквей. Одним из самых особенных в Нидерландах является праздник *Sinterklaas*, который отмечается 5 декабря; во Франции и в Лотарингии есть много селений, которые носят имя св. Николая. В Бельгии и Фландрии культ св. Николая является одним из самых распространенных на Западе, почти в каждом городе и селении есть посвященные ему церкви и произведения искусства.

Святой Николай и Апулия

Распространение культа св. Николая, как это ни парадоксально, можно считать скорее «международным», чем местным. Отнюдь не из апулийского округа слава святого добралась до самых далеких регионов, напротив, в контексте селений Апулии, или, лучше сказать «Апулий», поклонение Николаю всегда оставалось прежде всего явлением исключительно барийским, местным в строгом смысле этого слова, связанным с динамикой жизни города, который лишь в относительно современную эпоху начал играть доминирующую роль в регионе.

Бари сегодня является столицей региона Апулия, административного подразделения такого молодого государства, как Италия, которое в действительности

объединяет очень отличающиеся друг от друга области, в том числе с историко-культурной точки зрения, такие как Гаргано, Капитаната, Саленто и Иония. Город в Средние века оказался в руках сарацин, и на протяжении нескольких десятилетий был столицей маленького независимого мусульманского государства. Оспариваемый лангобардами, византийцами и норманнами Бари обрел центральную роль в жизни региона благодаря св. Николаю и крестовым походам. Затем именно Фридрих II присвоил городу первенство в регионе, которое, однако, постепенно сошло на нет при анжуйцах и арагонцах.

Не только относительная важность города Бари сделала почитание св. Николая менее привлекательным в других населенных пунктах Апулии. Святому пришлось соперничать с такой древней и непобедимой традицией, как воспоминание об «апулийском» путешествии апостола Петра в Рим и почитание его брата Андрея Первозванного, а также с древними и повторяющимися явлениями Архангела Михаила на горе Гаргано. Различные и важные города Апулии, такие как Таранто, Галлиполи, Отранто, Бриндизи, Веноза, Сипонто, Каноса, Эка/Троя, Асколи-Сатриано и другие, помимо апостолов и ангелов, почитали знаменитых святых мучеников и епископов еще более древних, чем сам Николай или являвшихся его современниками.

Подробности присутствия св. Петра и его путешествия через Апулию и Даунию основаны главным образом на традиции, согласно которой апостол высадился в одном из южных портов, откуда затем отправился в Рим по Аппиевой дороге. На легендарную высадку апостола претендуют четыре города: Отранто, Сан-Пьетро-ин-Галатина, Леука и Мандурия. Следы *святого петровского прохода* присутствуют во многих других городах и селениях Апулии. Например, недалеко от Мандурии в местечке Сан-Пьетро-ин-Беванья находится храм, посвященный апостолу Петру, который, согласно древней

местной легенде, впервые причалил к берегу Италии в этом месте вместе со св. Марком и св. Андреем. Внутри церкви выставлено изображение апостола, написанное по дереву. Вне всякого сомнения, очень важна благодаря свежести своих вод река Кидро, протекающая недалеко от церкви, в которой по преданию апостолы Петр и Андрей крестили первых христиан в Италии, и воды которой считались чудодейственными и целебными. Культ «князя апостолов», повсеместно распространенный и засвидетельствованный с ранних времен, впоследствии поддерживался деяниями как пап, таких как св. Григорий Двоеслов, что явствует из его посланий духовенству и верным Саленто (где более всего раннехристианских памятников св. Петру), так и монахов-бенедиктинцев, главных действующих лиц литургической и культурной «романизации» края.

Самым главным «конкурентом» святителя Николая, которого не мог бы затмить ни один земной святой, был, конечно же, князь Архангелов и Психопомп св. Михаил, чье появление на вершинах Гаргано в VI веке ознаменовало окончательную победу апулийского христианства над язычеством и ломбардским арианством. Святой Архангел Михаил – символическая фигура, которая проходит через всю историю Европы, и не только религиозную, объект почитания мусульман (вместе с Гавриилом они наставляли Мухаммеда в откровении Корана), византийцев и лангобардов, сравниваемый последними с богом Одином, воинской доблести которого он подражал, а другими с Геркулесом, Митрой, Гермесом. Его культ распространился на Востоке и Западе, что привело к возведению мест почитания, расположенных вдоль прямой линии, так называемой *Via michaelitica* или *Via Sacra Longobardorum*, которая соединяет Ирландию с Израилем, проходя через Англию, Францию, Италию, Грецию. На средневековых картах, чтобы указать апулийскую территорию, часто делали надпись *Mons Sancti Angeli*, и независимо

от вселенского почитания Архангела, северные земли Апулии всегда оставались верными михаило-архангельским истокам веры и местной культуры.

На Никейском Соборе, на котором по преданию Николай Мирликийский был одним из главных действующих лиц, в числе 318 епископов был и некий Марк Калабрийский, вероятнее всего, епископ Бриндизи или, может быть, Эка, один из немногих «западных» участников Первого Вселенского собора. Память о св. Марке Эканском сохраняется до сих пор в городе Бовино-суй-Монти-Дауни, в торжественного вида часовне, где находятся его мощи, которые по результатам освидетельствования 1989 г. были признаны принадлежащими «человеку IV века». Другие древние епископы вспоминаются так или иначе по всей Апулии: на Сардикийском Соборе 343 г. принял участие Стеркорий Каносский, который выступил в защиту Никейского символа веры. После Халкидонского Собора 451 г., где апулийские епископы не присутствовали, каносский епископ Проб был направлен уладить от имени папы Льва I дисциплинарные проблемы, вызванные решениями самого Собора; его миссия, согласно посланию папы Геласия епископам Дардании, имела положительные результаты. И еще один епископ первоначальной церкви Каносы (Канозы), великий Савин (Сабино), в 525 г. отправился в Константинополь в качестве далеко не второстепенного члена дипломатической миссии папы Иоанна I, которую призвал король Теодорих, дабы убедить императора Юстина отказаться от радикальных мер, направленных против ариан и, следовательно, против самих готов. Тот же святитель Савин Каносский участвовал в Римском Соборе 531 г. бок о бок с папой Бонифацием II, тогда как папа Агапит в 535 г. поставил его во главе делегации, направленной в Константинополь (его сопровождал другой епископ тогда апулийского Эклано, Епифаний).

Базилика Сан Сабино в Каносе

Апулийские епископы были вместе с папой Вигилием в Константинополе примерно в середине VI века, когда речь шла о вопросе о «Трех глав»: это были Доминик Галлипольский и Венанций из Лечче (Лупиае). И век спустя в 649 г. апулийские прелаты присутствовали на торжественной ассамблее героического папы Мартина I, которая устраивалась для осуждения Ekthesis восточного императора Гераклия и *Tyros* его преемника Константа II. Там были Иоанн Галлипольский, Калунноизий из Лезины, Андрей Отрантский и Иоанн из Таранто.

Одним из самых древних и почитаемых святых епископов Апулии был, несомненно, святой Леуций Бриндизийский, который во времена великого Афанасия из Александрии Египетской отправился проповедовать Евангелие в один из важнейших портов Средиземноморья. Он умер, вероятно, при императоре Феодосии I, или, более

вероятно, при Феодосии II, в любом случае до 400 г. После лангобардского вторжения, в 768 г. его мощи были сначала перенесены в Трани, а затем в столицу герцогства Беневенто. Его культ приобрел особое значение после официального обращения лангобардов в конце VII века и широко распространился по всей Апулии. Многие селения носят его имя, его почитают в Трани, Лечче, Беневенто, Казерте и Капуе.

В целом, южная Италия долгое время была византийским владением, и почитание святых греческого или сирийского происхождения, от мучеников до епископов первых веков, было вполне естественным. Затем Апулия стала важным центром развития византийского монашества, превратившись между V и VI веками, особенно в Саленто, в своего рода «Фиваиду» в уменьшенном масштабе, с очень важными свидетельствами иконографического искусства (особенно «наскального», в монастырских пещерах), характерного для византийского Востока. Не случайно Апулия является одним из немногих регионов, которые признают различные иконы в качестве «покровителей» селений и епархий, такие как Иконаветере в Фодже или Мадонна делла Мадия в Монополи, Мадонна делло Стерпетто в Барлетте или Мадонна ди Рипальта в Чериньоле.

Церкви и святыни святого Николая

Как бы там ни было, Апулия остается одним из регионов со значительным количеством церквей и святынь, посвященных св. Николаю, учитывая центральность почитания святого с момента принесения мощей в 1087 г. Впрочем это регион не с самым большим числом церквей, посвященных святому (их тут 31), такими регионами на самом деле являются Кампания с 126, Калабрия с 121 и Сицилия с 70 церквями. В Италии при наличии в общей сложности около 880 церквей

официально посвященных св. Николаю, существуют такие регионы, где их число с учетом территории и населения не менее значимо, чем у древних византийских предков (Абруццо 60, Тоскана 64, Сардиния 14, а также 39 в Пьемонте, 11 в Лигурии и 48 в Венето). Первым итальянским городом, принявшим культ св. Николая, был Рим в конце VI века. Здесь в начале VII века Николай входил в пантеон 50 наиболее почитаемых святых. Вторым городом Италии, принявшим св. Николая, была конечно же Равенна, центр византийского экзархата; задолго до принесения мощей в Бари почитание святого распространилось также в северных областях Италии. Несколько лет спустя после предприятия барийский мореплавателей, венецианцы отправились в Миры, и забрали оставленные барийцами в спешке останки. Венецианцы перевезли эти останки в аббатство Сан-Никола-дель-Лидо, хвалясь тем, что и они обладают мощами святого. Они объявили его покровителем венецианского флота и посвятили ему множество произведений, например, кафедральный собор в «Венецианском саду» (город Сачиле во Фриули, святым покровителем которого он является). В 1992 г. с помощью анализа ДНК было установлено, что останки, хранящиеся у венецианцев и барийские принадлежат одному и тому же человеку.

Апулийские свидетельства о почитании св. Николая, на самом деле, более поздние чем сицилийские, калабрийские и неаполитанские. Первые упоминания о церквях относятся к первой половине XI века: Таранто (уже существовавшая в 1029 г.), Бари (основана в 1026 г.), затем Бриндизи (в 1054 г.), Монополи (1059 г.) и Троя (1067 г.). Естественно, перенесение мощей в Бари возродил уже существующий культ. Так уже существовали церкви святого в Терлицци (1102), Барлетте (1102), Андрии (1120), Сант-Агата-ди-Пульья (1092), Орсаре-ди-Пульья (1127), Сальпи (1148). Следует отметить, что, в Трое (Фоджа),

как в Бари, церквей святого было очень много. Некоторые монастыри имели славную историю, например, греческий монастырь св. Николая в Казоле, неподалеку от Отранто (Лечче), основанный в XI веке, от которого остались лишь руины, но был опубликован *Turikon*, хранящийся в Турине, и бенедиктинский монастырь святых Николая и Катальда из Лечче, основанный графом Танкредом ди Лечче (1179). Очень активной, хотя и в более поздний период, была церковь Торре-Маджоре (Фоджа), которую не следует отождествлять с бенедиктинской церковью XII века, существующей в этом районе. Заслуживает особого упоминания церковь св. Николая ди Сквинцано (близ Лечче) за ее изящный фасад эпохи Возрождения. Но что действительно дает представление о распространении почитания святого в Средние века, так это, как и в случае с Базиликатой, большое количество изображений святого в пещерных церквях, разбросанных по всей Апулии, которые были заселены и часто посещались в основном с XII по XV века. Сегодня в Апулии почитание святого не очень активно, даже если есть некоторые признаки его восстановления. Большинство мест, связанных со св. Николаем, посещают паломники из Абруццо, Молизы и Кампании.

Одно из самых древних свидетельств почитания св. Николая мы находим в городе Таранто, где 7 и 10 мая чествуются два Небесных покровителя, Николай и Катальд. Последний был ирландским монахом VII века, который, как гласит предание, прибыл в Италию и стал «по воле Божьей» епископом города Таранто. Св. Катальд на самом деле является примером почитания, рожденного Крестовыми походами: согласно средневековому жизнеописанию он сам отправился на Святую Землю, где ему, павшему ниц перед Гробом Господним, явился Иисус, и повелел ему отправиться в Таранто, чтобы снова принести благую весть в город, находящийся в руках язычников. Таранто был одним из тех городов, где долгое время,

до середины XIV века, сохранялся греческий обряд. Тело св. Катальда было обретено в 1094 г., спустя лишь несколько лет после перенесения мощей св. Николая, во время работ по реконструкции собора.

К X веку восходит и церковь св. Николая в Бриндизи, в одном из самых процветающих городов византийской Апулии, где находилось множество монахов-калугеров из Византии. Церковь св. Николая, расположенная в районе Сан-Пьетро-дельи-Скьявони, была центром совершения греческого обряда, который сохранялся здесь вплоть до конца XIII века. Сегодня церковь св. Николая в Бриндизи является центром местной греческой православной общины; она была восстановлена в 1891 г. под покровительством русского царя Александра III в контексте организации русской миссии в Бари.

В Монополи церковь св. Николая де Пинна, или в Пинне, расположена в подземелье Замка Карла V и, вероятно, была основана в IX-X веках монополитанцем Сассоном (сыном Калолеоне). Он, уже женатый, а затем, вероятно, оставшийся вдовцом, решил подстричься в монахи и уйти в монастырь. В одном документе (*Syllabus graec. Membranarum* и т.д., Napoli, 1865, Docum. XLII 1054 г.) указывается, что монастырь был посвящен «нашему Святому Отцу и архиепископу Николаю» и расположен в пределах городских стен Монополи в месте, называемом Промонторио (мыс). Сан-Никола-ин-Пинна или де-Пинна был тогда общим названием вершины или конечного мыса полуострова, на котором возвышался древний Монополи, и дал название *pittagio* (квартал) Пенны окрестностям, которые его окружали. Сассон освободил монастырь от всякого возможного права наследования собственности, на которую могли бы претендовать его дети, и для этого он составил и оставил на хранение в монастыре так называемый «инструмент свободы». Церковь, безусловно, была частью базилианского монастыря: она состоит из одного нефа

с апсидой и центральным куполом. Кроме того, можно заметить помещение в виде полости, извлеченной из уже существующих ранее стен и арочную дверь. На левом внешнем фасаде, частично видимом из зоны прибытия центральной лестницы замка, сохранились следы оригинальных романских кронштейнов. По-видимому, это типология сельских церквей XI–XII в. В 1054 г. монастырь, уже богатый и знаменитый, получает от Аргира, сына Мелуса Барийского, подтверждение своих привилегий и разрешение занять оставшуюся часть мыса. В 1086 и в 1119 г. граф Конверсано, Гоффрид, передал некоторые земли *venerabilis Laurentis*, настоятелю монастыря. И, наконец, церковь и монастырь упоминаются в Булле Папы Бонифация IX 1393 г., и еще раньше, в Булле Папы Александра III 1180 г., где церковь и монастырь числятся в подчинении у епископа Монополи Стефана.

Древним является и почитание св. Николая в городе Терлицци, где до сих пор сохранился праздник сошествия святителя с Часовой башни. Этот праздник, который очень любят дети, приходится на вечер 5 декабря. Каравелла св. Николая, вечером в день праздника, отправляется от церкви св. Иосифа, бывшей ректории св. Николая, в сопровождении собратства, нагруженная письмами, собранными в церкви и на площади. Прибыв на центральную площадь Кавур, каравелла встречается запуском писем и схождением св. Николая и преданного Адеодата с Часовой башни, после чего следует раздача конфет детям.

В Мольфетте также Никола-зимний имеет детский «акцент»: ежегодно в ночь с 5 на 6 декабря улицы, балконы и площади города украшены огнями, деревьями, рождественскими сценами в честь Чудотворца. В соответствии с местной традицией в эту самую волшебную ночь года святитель приносит детям подарки, шоколад, конфеты. В дни перед Никольским праздником дети пишут письма св. Николаю с просьбой об играх, сладостях,

Замок Карла V в Монополи,
возникший на месте Никольского монастыря

книгах, а в центре города проходит базар «Сан-Никола» со множеством киосков. В сам праздник город наряжается: начинается также подготовка к Рождеству, домохозяйки готовят тесто для блинов и готовят типичные апулийские сладости. Утром 6 декабря детям раздают подарки с музыкальным сопровождением рождественских гимнов Мольфетты. Многие эмигранты возвращаются сюда в эти дни, чтобы отметить праздники с семьей.

В самом сердце средневековой цитадели Сант-Агатади-Пулья, на южном Даунском предгорье Апеннин, находится посвященная св. Николаю церковь норманнского происхождения, перестроенная в стиле барокко в XVI веке и постоянно вплоть до 1901 г. дополнявшаяся деталями. Церковь сегодня демонстрирует свои формы в стиле рококо, а интерьер представляет собой

блестящий триумф лепных украшений, от имитации коринфских колонн до овалов, с головами ангелов, медальонами с пальмами вокруг ниш и картин. Кроме того, широкий и основательный венчающий карниз украшает стены и служит основой для обширного арочного свода. Очаровывает и интригует крипта, разделенная на три части: первая, самая большая, с бочарными сводами и изображениями Страстей и Смерти Иисуса Христа, вторая, четырехугольная, с четырьмя ребрами, опирающимися на низкие колонны, и третья, образованная единым бочарным сводом и обильно украшенная барочными элементами. В богатом убранстве заметно выделяются картина XVII века Пачеко де Роза, изображающая св. Гаэтана, статуи святых Анны, Лукии (Лючии), Агафии (Агаты), Вита, Рока и Лаврентия, деревянные хоры из черного ореха 1700 г., триптих из дерева и чистого золота, вертеп XVI века и восьмиугольная кафедра из розового гранита.

Церковь св. Николая в Барлетте – это небольшое строение каменной кладки, в котором сохранился древний пол, вероятно, от первоначальной церкви начала XII века. Боковые арки открывают пространства для хора или верующих во время самых посещаемых богослужений, в то время как скамьи и сиденья сосредоточены перпендикулярно алтарю. В городе была построена и современная церковь, где расположен приход св. Николая, который организует торжественные процессии в честь святителя и Мадонны делла Страда каждый год 14–15 июля.

К 1104 г., норманнской эпохе, восходит церковь св. Николая Мирликийского в Андрии. В тот год епископ Дезидий позволил жителями Тримоджа перебраться в более центральный район Сант-Андреа. Первое расширение церкви в 1349 г. произвел Бертрандо дель Бальцо, муж Беатриче Анжуйской. В конце XVIII века местный историк Джованни Пасторе писал, что гостеприимство

жителей способствовало увеличению населения города, и церковь была посвящена святому, «почитание которого по всей Апулии возрастало и распространялось». В церкви до сих пор хранится серебряный бюст св. Николая XVIII века, который ежегодно верующие носят во время процессий.

Похоже, что церковь св. Николая в апулийской Орсаре была построена в конце XI века, на волне воодушевления, вызванного известием о перенесении мощей Чудотворца в Бари, но первые точные сведения о ней датируются 1303 г., когда она упоминается в одном тексте как бенефиций, отличный от аббатства Ангела. Церковь св. Николая обрела значение в 1590 г., когда туда был перенесен приход, что означало, что город Орсара разросся и его основой уже не являлось аббатство. Из аббатства были перенесены в новую церковь картина Антонио Соларио, известного как Ло Зингаро («Цыган»; 1382–1445), крестильная купель и монументальные деревянные хоры. В 1622 г. в приходской церкви были произведены работы по расширению и реконструкции, которые превратили ее в церковь в стиле барокко, что особенно заметно в интерьере, где сегодня сохранилась монументальная Голгофа из двулитого камня, датируемая XVI веком и отсылающая к контексту Арагонского двора Неаполя, вдохновленного опытом французского толка.

Расположенный в нескольких километрах к югу от Отранто, монастырь Сан Никола ди Казоле является одним из самых важных мест в Саленто, как на историческом, так и художественном и культурном уровнях. Традиция гласит, что монастырь был основан в 1098 г. Богемоном I Антиохийским. Там были алтари, склепы и лачуги (casole, на диалекте Саленто, отсюда и название Сан Никола ди Казоле), куда монахи ходили молиться. Позднее Богемон подарил его группе отцов-василиан во главе с Иосифом, который стал первым игуменом будущего монастыря. Но археологические исследования

показывают что, место монастыря было занято еще с VIII или IX века. Монастырь приютил кружок грекоязычных поэтов во главе с аббатом Нектарием, в который входили также Джорджо ди Галлиполи, Джованни Грассо и Никола ди Отранто. В монастыре была создана библиотека с многочисленными греческими и латинскими книгами. Одно время это была одна из самых богатых библиотек в Европе. Библиотека была разорена в 1480 г. после битвы при Отранто, в результате которой город оказался во власти турецких захватчиков. Сегодня от нее остались лишь руины. Однако кое-что удалось спасти благодаря Серджо Стизо, философу-эллинисту, и кардиналу Виссариону (Джованни-Бессарионе), бывшему архиепископу Никейскому, изгнанному православными, который часто «забирал» (или, скорее, «похищал», поскольку книги никогда не возвращались на свое место) различные греко-византийские рукописи в монастырях и библиотеках, которые он посещал. В этом монастыре, вероятно, сформировался греко-идрунтинский мозаичник Панталеон, который оставил нам одно из самых важных и с богословской точки зрения противоречивых свидетельств, такое как напольная мозаика кафедрального собора Отранто, шедевр апулийской мозаики XII века. Руины находятся недалеко от одной *массерии* (фермы), если идти вдоль прибрежной дороги в направлении Санта-Чезареа-Терме. Еще угадывается прямоугольная планировка с остатками периметральных стен и апсиды, почти целой. Углы стен были изящно украшены ребрами, характерными для готики; апсида полукруглая. Сохранилась маленькая таинственная фреска, изображающая бородатого персонажа, который в гневе возносит руки к небу.

Церковь святых Николая и Кательда в Лечче – это средневековое строение. Вместе с прилегающим монастырем она была заложена в 1180 г. норманном Танкредом Алтавилла. Он пожаловал комплекс бенедиктинским

монахам, после которых в 1494 г. пришли по воле Альфонса II Неаполитанского, отцы-оливетанцы, остававшиеся там до 1807 г. В этом году Наполеон основал лицей, и комплекс превратился в Лицей Пальмиери (в свое время «Национальный Лицей»). В 1870 г. ансамбль превратился в приют для нищих, а начиная с 1980-х гг. здесь размещается факультет культурного наследия. Фасад демонстрирует как строгость апулийского романского стиля, так и изобилие барокко. В 1716 г. отцы-оливетанцы начали радикальную перестройку здания. Фасад был перестроен Джузеппе Чино в стиле леччийского барокко, оригинальным остался лишь ценный портал и круглое окно. Фасад оснащен десятью каменными статуями и монументальной верхом, на котором возвышается герб оливетанцев, состоящий из креста и оливковых ветвей. Боковые стороны церкви удлиняются, справа, в монастырском дворе XVI века, творении Габриэле Риккарди, украшенном навесом XVII века над колодцем, расположенным на четырех витых колоннах, и слева, в области кладбища XIX века. На этой стороне можно наблюдать вереницу свисающих арок, проходящую вдоль стен церкви, парусную колокольню с солнечными часами и купол. Особую художественную ценность представляют собой статуя благословляющего св. Николая, в левом нефе церкви, и две чаши для святой воды – произведения XVI века, приписываемые Габриэле Риккарди. XVII веком датируются надгробный памятник эпического поэта Асканио Гранди и фрески хора (1619).

На улице доктора Олива, недалеко от церкви св. Георгия, в старом городе Локоротондо, известном средневековом поселении в районе Бари, можно посетить церковь св. Николая, маленькое художественное великолепие, возвращенное в общественное пользование после недавней реставрации. На протяжении многих веков заброшенная церковь не выделялась на фоне жилых домов, и лишь небольшое круглое резное

окно в тимпане указывало на священное место. Храм датируется второй половиной XVII века и был возведен *intra moenia* [лат.: внутри городских стен] на месте ранее существовавших часовен, посвященных Святому из Мира, почитание которого в Локоротондо имеет древнюю историю. На самом деле, в период позднего средневековья существовала еще одна церковь, посвященная Святому Николаю, *extra moenia* [лат.: вне городских стен], с прилегающим монастырем, в городской зоне нынешнего проспекта XX сентября, позднее она была снесена.

Структура повторяет архитектурную модель сельских церквей, распространенных на территории Мурджа-дей-Трулли, начиная с позднего Средневековья до XIX века, находящихся в массериях и в контрадах (предместьях) для селян. Простой портал, тимпан с небольшим круглым окном и парусная колокольня (реконструированная) украшают фасад. Крутая скатная крыша покрывает единственный неф, облицованный камнем *chiancarelle*. Внутренняя часть с одним бочарным сводом заканчивается алтарной частью, приподнятой на две ступени, разграниченной четырьмя колоннами, на которые опираются небольшой полусферический купол, барабан и паруса; речь идет о скромной ссылке на классические стили, которая снаружи завершается более популярной конусной крышей *трулло*. Асимметричный трансепт открывается справа от алтаря в двух смежных помещениях, одно из которых выходит на неф, возможно, когда-то это были хоры или кафедра. Представляется интересным сочетание в одном и том же священном здании двух наиболее распространенных архитектурных моделей в Мурдже и, в частности, в Валле д'Итриа – это трулль и куммерса. Последнюю некоторые историки связывают с латинским *cum vertice*, в форме наконечника. *Сummersa*, по-итальянски *conversa*, указывает на функцию сбора воды ската крыш: в самом деле крыши этих зданий,

церквей или жилых домов, – остроконечные. В соседних странах эти же крыши называются *pignon*, что по-французски означает тимпан.

Интерьер церкви поражает взгляд посетителя циклами сохранившихся настенных росписей с яркими после недавней реставрации цветами. На сводчатых потолках нефа представлены истории из жизни св. Николая и некоторые его чудеса: *Чудотворная колонна*, чудесным образом прибывшая из Мир в Бари, следуя по морю за мощами святого; *История о трех освобожденных мирликийцах*, повествующая об освобождении трех осужденных в Мирах благодаря вмешательству епископа Николая; *Св Николай и Нолийское чудо*, совершенное святым, спасшим двух осликов, его спутников, варварски обезглавленных и им воскрешенных; *Св. Николай и Адеодат*, история подростка, похищенного у его близких сарацинами и возвращенного св. Николаем домой в день его именин; *История с тремя дочерьми*, где рассказывается о ночном появлении св. Николая в доме одного обедневшего дворянина, когда он подбросил мешочки с монетами для приданного девушкам, чтобы те имели возможность выйти замуж, и тем самым спас их от необходимости зарабатывать на пропитание своей красотой, к чему принуждал их отец; *Голод в Мирах*, который напоминает о голоде в Ликийи, когда св. Николаю удалось уговорив торговцев перевозивших зерно, пожертвовать его народу; *Paxis de Stratelatis*, повествует о спасении св. Николаем трех воевод, приговоренных к смертной казни; *«В час смерти»* – чудо святого, спасшего несчастного возничего, попавшего под колесницу и оставшегося невредимым благодаря его молитве; *Трое спасенных юношей* – история о трех учениках, которые были убиты, разрезаны на куски и засолены хозяином таверны, словно это было мясо для посетителей: св. Николай, проходя мимо таверны, обнаружил обман и спас юношей; *Thauma de Artemide*, разрушение святым языческого храма Артемиды, самой красивой и самого большого в Мирах.

Базилика Сан Никола в Трани, гравюра (1898 г.)

Очень интересен цикл ангелов-музыкантов, прославляющих св. Николая, его жизнь и его чудеса. Речь в данном случае идет о человекоподобных ангелах, в длинных

туниках и высокой обуви. Ангелы, уподобленные людям, потому что они являются посредниками между Богом и человеком, есть образы, которые напоминают о некоторых изображениях раннего христианского искусства. Нет ничего странного в ассоциировании музыки со св. Николаем, поскольку некоторые важные эпизоды из его жизни со времен Средневековья вдохновляли на создание музыкальных произведений, драм, а также многих народных баллад, которые исполнялись во время празднования Чудотворца. Духовые инструменты, струнные щипковые, орган, смычковые инструменты, ударные и поющие ангелы – этого достаточно, чтобы представить в церкви концерт в честь св. Николая.

Не задерживаясь на многих других апулийских церквях, посвященных св. Николаю, более поздней или совсем недавней постройки, стоит упомянуть один из величайших архитектурных шедевров Апулии, также посвященный св. Николаю, но не чудотворцу из Мир и Бари. Речь идет о великолепной базилике св. Николая Паломника в Трани, которая стоит на площади, расположенной напротив морского причала, окруженная потрясающей панорамой.

Это превосходный пример апулийской романской архитектуры, исторически связанный с жизнью святого паломника норманнского периода по имени Николай, возведенный с использованием камня Трани, известкового туфа, добытого из городских карьеров, для которого характерен бледно-розовый, практически белый цвет. Церковь является почти современницей базилики св. Николая в Бари; ее возведение началось в 1099 г., и хранит она мощи древнего святителя Леуция, похищенные из Бриндизи в VIII веке, и св. Николая Паломника. Время и символизм почитания в Трани идут бок о бок с почитанием барийским.

От Востока до Запада находит убежище в Апулии память всей христианской Европы.

Литература

- M. Loconsole. *La Puglia e l'Oriente. Storia di una relazione inclusiva*. Bari, 2006.
- A. Papagna. *Il cristianesimo in Puglia fino all'avvento dei Normanni (1071)*. Bari, 1993.
- L. Capone. *Puglia. I luoghi della fede*. Lecce, 2006.
- C.D. Fonseca. *Cattedrali di Puglia. Una storia lunga duemila anni*. Bari, 2001.
- F. Dell'Aquila, A. Messina. *Le chiese rupestri di Puglia e Basilicata*. Bari, 1998.
- M. Di Gioia. *Foggia sacra ieri e oggi*. Foggia, 1984.
- G. Maruotti. *S. Agata di Puglia nella storia medievale*. Foggia, 1981.
- G. Cioffari. *San Nicola di Bari*. Milano, 1997.
- V. Maurogiovanni. *San Nicola nel mondo*. Bari, 1983.
- M. Bacci. *San Nicola di Bari. Il corpo e l'immagine tra Oriente e Occidente*. Bari, 2006.
- E. Napoli. *Confraternite. Arte e devozione in Puglia dal quattrocento al settecento*. Bari, 1994.
- F. Monteleone. *Il pellegrinaggio nel Mezzogiorno medievale*. Fasano, 2012.

РУССКИЕ ПОСЛАНЦЫ ПЕТРА I У МОЩЕЙ СВ. НИКОЛАЯ В БАР-ГРАДЕ

В 1697–1698 гг. в апулийском Бар-граде, хранящем мощи св. Николая Мирликийского и находящемся в те годы под властью испанской короны¹, побывало сразу три группы русских дворян, посланных с различными заданиями в Италию молодым царем Петром Алексеевичем Романовым. Об обстоятельствах пребывания этих трех групп (автор условно назвал их «группой Толстого», «группой Куракина» и «группой Шереметева» – по именам главных мемуаристов этих путешествий) и пойдет речь в публикуемой ниже статье.

В начале 1697 г., указом царя Петра Алексеевича, в Венецию, связанную с Русским царством военным договором «Антитурецкой лиги», были направлены на обучение морским наукам 40 русских дворян, главным образом из числа комнатных стольников недавно скончавшегося «старшего царя» Иоанна (сына Алексея Михайловича от первого брака с Марией Милославской) и правившего теперь в одиночку 24-летнего Петра, направлявшегося в те же дни с «Великим посольством» в Европу, но «северным маршрутом»².

¹ В Испании в те годы правил последний из Габсбургов на испанском престоле Карл II Околдованный (Hechizado). Испанские владения в Италии входили тогда в состав Неаполитанского королевства под управлением вице-короля Луиса Франциско де ла Серда и Арагон (9-го герцога Мединаселли).

² «Великое посольство» под руководством Лефорта, Головина и Возницына (и при участии царя Петра в скромном качестве «бомбардира Петра Алексея») выехало из Москвы по дороге на Тверь в начале марта 1697 г. В его составе находилось около 300 человек, а обоз составлял до тысячи саней [см. *Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698*. СПб.: Изд-во Дм. Буланина, 2008]. Общий сбор был

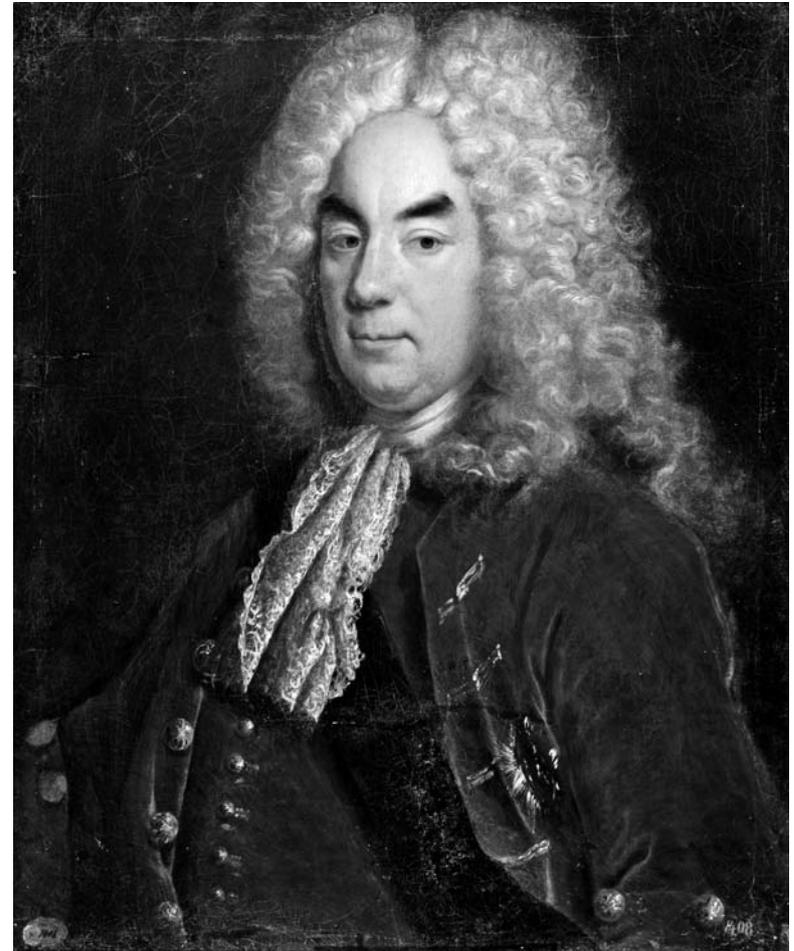
Многие стольники «комнаты Иоанна», оказавшись не у дел после смерти патрона, были пристроены в «потешные», а затем гвардейские полки Петра, и принимали участие в Азовских походах. Однако их значительная часть продолжала держать скрытую фронду по отношению к победившему «клану Нарышкиных» и симпатизировать заключенной в Новодевичий монастырь (но еще не постриженной в монахини) бывшей правительнице-регентше Софье. Назначение недавних стольников Иоанна Алексеевича в число отъезжающих в Европу было во многом принудительным и вызвало сопротивление как их самих, так и их влиятельных родственников – это обстоятельство стало одной из главных пружин раскрытого в конце февраля 1697 г. антипетровского заговора, вошедшего в русскую историю как «заговор Циклера-Соковнина-Пушкина»³.

Самым известным из стольников из «клана Милославских», отосланных царем Петром в Венецию, стал Петр Андреевич Толстой (1645–1729) – сын окольного Андрея Васильевича Толстого и Соломонида Милославской – родственницы первой жены царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны⁴.

объявлен в сельце Никольском, расположенном на тверском тракте на правом берегу речки Ржавки. В те времена в сельце имелся небольшой деревянный храм во имя св. Николая Мирликийского, образ которого и благословил участников небывалого на Руси «путешествия» – в «еретические земли» с участием самого монарха. В наши дни, примерно на этом же месте, входящем ныне в черту города Зеленограда, стоит большой каменный храм св. Николая Чудотворца во Ржавках, построенный в начале XIX в. Разоренный при большевиках, он был возрожден в 1990-х гг.

³ См.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., тип. II-го Отделения Е.И.В. канцелярии, 1858. С. 20 и след.

⁴ Подробнее см.: Кара-Мурза А.А. Петр Андреевич Толстой // Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Венеции. М., Изд-во Ольги Морозовой, 2019. С. 94–116.

Петр Андреевич Толстой, ок. 1720 г.
(худ. И.-Г. Таннауер)

Придворная служба Петра Толстого началась не вполне обычным для родственника Милославских образом. В 1671 г. он был причислен ко двору второй жены Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны Нарышкиной, которая через год родила царю сына Петра. Однако в 1676 г., при вступлении на престол старшего сына Марии Милославской, царя Федора Алексеевича, Толстой покинул Нарышкиных (те, разумеется, восприняли это как предательство) и перешел под покровительство своего двоюродного дяди, Ивана Милославского – влиятельного главы Приказа Большой казны. После смерти царя Федора тот же И.М. Милославский привлек весной 1682 г. стольника Толстого к участию в стрелецком бунте против Нарышкиных: утром 15 мая⁵ они вместе бунтовали стрельцов, «на лошадях скачучи, кричали громко, что Нарышкины царя Иоанна Алексеевича задушили», что послужило сигналом для стрелецкой расправы над Нарышкиными, прямо на глазах у 10-летнего Петра и его матери.

После отстранения от власти в 1689 г. регентши Софьи влиянию Милославских пришел конец – именем царя Петра в Москве стали фактически править Нарышкины. Их притихший и внешне смирившийся недоброжелатель Петр Толстой был отослан из столицы подальше – воеводой в Великий Устюг⁶. В Азовских походах он принимал участие на низших офицерских должностях.

В начале 1697 г., когда возмужавший царь Петр собрался в длительное «Великое посольство» в Европу, Москву начали чистить от неблагонадежных: в их число,

⁵ Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

⁶ Все рассказы о том, что царь Петр якобы неоднократно посещал умелого воеводу Толстого, проезжая Великий Устюг речным путем по дороге в Архангельск и обратно, – не более чем легенда, придуманная впоследствии самим Толстым. Исторические документы свидетельствуют, что, проезжая Устюг, царь, наоборот, избегал встреч с опальным Толстым.

разумеется, в первую очередь попали Милославские, замешанные в заговорах в пользу Софьи. Вместе с тремя молодыми братьями Милославскими⁷ и некоторыми другими бывшими стольниками царя Иоанна 52-летний П.А. Толстой был включен в группу московских дворян, посылаемых на обучение морским наукам в Венецию. Возможно, немолодой Толстой, бывший к тому времени уже дважды дедом, сам вызвался ехать в Италию, ибо на родине его, скорее всего, ожидала незавидная участь: уезжая в Европу, царь Петр оставлял Москву на попечение родного дяди – Льва Кирилловича Нарышкина, известного своей мстительностью и, разумеется, не простившего Толстому активного участия в стрелецком бунте 1682 г. и расправе над своими братьями⁸.

Как бы там ни было, 30 января 1697 г. на двор к стольнику Толстому была прислана из Посольского приказа подписанная царем «проезжая грамота», в которой говорилось: «По нашему, Царского Величества, указу послан во европейские христианские государства, и княжества, и в волные города дворянин наш, урожденный Петр Андреев, для науки воинских дел...»⁹.

⁷ Существуют свидетельства, что во время своего пребывания в Италии братья Милославские, так и не простившие обид от новой власти, тайно приняли католичество.

⁸ Хотя в ходе следствия по «делу Циклера-Соковнина-Пушкина» причастность к заговору П.А. Толстого установлена не была, ход событий не сулил стольнику ничего хорошего. Так, было установлено, что покушавшиеся на жизнь царя заговорщики исполняли «старые заветы» несколько лет как умершего И.М. Милославского – некогда главного наставника Толстого. Царь Петр повелел достать гроб с телом Милославского из семейного склепа, притащить его в упряжке из свиней (!) в Преображенское, а заговорщиков казнить отсечением головы – да так, чтобы кровь их стекала в открытый гроб «идейного вождя».

⁹ См.: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., Наука, 1992. С. 8.

Князь Борис родился в семье Смоленского наместника, Ивана Григорьевича Куракина и Феодосии Алексеевны, урождённой княжны Одоевской. Крестным отцом Бориса Куракина стал только что вступивший тогда на престол царь Федор Алексеевич, а крестной матерью – его сестра, царевна Екатерина. С 1683 г., в правление регентши Софьи, юный Куракин попал в ближайшее окружение «младшего царя» Петра Алексеевича, был его спальником, принимал участие в военных «потехах», а с организацией «потешных полков» стал офицером-знаменосцем Семеновского полка, в составе которого участвовал в Азовских походах.

В пятнадцать лет Куракин женился на Ксении Лопухиной, сестре первой жены царя Петра Евдокии, – так он стал еще и царским «своёком». Однако после охлаждения Петра к царице и отставления от двора Лопухиных попал под подозрение и близкий к ним Куракин. Хворый с детства, он в самый разгар очередной болезни получил указ о фактической высылке из Москвы: «После Рождества Христова наипаче припала мне болезнь и теснила голову, и так мозг слышно было... И января месяца сказано ехать для наук навтичных (мореходных – А.К.), и так я заставлял в болезни своей той, аж по самой февраль, и с тем поехал в Италию»¹².

Перед отъездом князь Борис Куракин, вместе с беременной вторым ребенком женой Ксенией, ее братом Аврамом и другими остававшимися в Москве опальными Лопухиными был на прощальном молебне в церкви св. Николая Чудотворца в Турыгине – семейном храме Лопухиных в Малом Знаменском переулке¹³, рядом с их

¹² Записки кн. Б.И. Куракина о его болезнях и лечении в 1676–1718 гг. // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 3. СПб., 1892. С. 230.

¹³ Обветшавший со временем храм св. Николая Чудотворца в Малом Знаменском переулке будет разобран в 1776 г. в связи со строительством Пречистенского дворца для императрицы Екатерины II.

богатыми, а теперь пустеющими палатами, пожалованными некогда породнившимся с Лопухиными царем¹⁴.

Конечно, в составе стольников в Венецию можно при желании отыскать и близких, по-настоящему верных друзей царя Петра, начинавших службу ему еще в детских «потешных полках», а теперь мечтавших «повидать Италию» (это, например, будущий генерал, покоритель Кавказа М.А. Матюшкин¹⁵ или героически погибший в 1700 г. в битве под Нарвой князь Д.А. Гагин¹⁶), однако таковых среди отъезжавших зимой 1697 г. в Венецию было, похоже, меньшинство. Зато вполне характерными фигурами среди отправляющихся в Италию были не раз отличившиеся ранее буйством, непослушанием, а то и разбоем

¹⁴ Во время путешествия царя Петра в Европу в 1697–1698 гг. Евдокия Лопухина, как и подобало царице, продолжала жить с маленьким сыном Алексеем в Кремлевских палатах. Известно, однако, что, находясь за границей, Петр в своих посланиях неоднократно требовал от приближенных склонить нелюбимую жену к уходу в монастырь (это случится позже, с возвращением Петра из «Великого посольства»).

¹⁵ Михаил Афанасьевич Матюшкин (1676–1737) – троюродный брат Петра I, внучатый племянник царицы Евдокии Стрешневой. Семи лет от роду назначен к Петру комнатным стольником; одним из первых вступил в его «потешные войска». После командировки в Венецию поступил на воинскую службу; дослужился до генерал-аншефа (1727). После смерти императора Петра II (1730) Матюшкин стал одним из основных авторов знаменитого проекта ограничения императорской самодержавной власти (не был принят императрицей Анной Иоанновной).

¹⁶ Князь Иван Данилович Гагин (1670–1700) – сын воеводы в Пскове и Киеве Д.С. Великогагина. С шестилетнего возраста стольник царя Петра. Во время сидения Петра в Троице в решающие дни 1689 г. Гагин сыграл одну из главных ролей: «отправлен с грамотами по всем полкам стрелецким, которым повелено было прислать выборных стрельцов в Троицкой монастырь от всякого полку». Погиб в 1700 г. в битве под Нарвой.

братья Василий и Владимир Шереметевы¹⁷ или князь Яков Лобанов-Ростовский¹⁸, отправленные в Венецию фактически «на перевоспитание».

В конце февраля 1697 г. около сорока «посланцев Петра» были собраны на западе Москвы, у Дорогомиловской заставы, и двинулись с большим обозом на Смоленск, Варшаву, далее на Вену и – через австрийские Альпы – в Венецию. Каждый из участников поездки ехал за свой счет и мог взять с собой одного слугу и одного оплачиваемого из казны солдата.

Одной из первых остановок группы, на ночевку с 2 на 3 марта 1697 г., стал славный русский город Можайск, традиционно связываемый в отечественном сознании с именем св. Николая Чудотворца, русского «Никола Угодника».

В нашей культуре широко прославлен чудотворный образ святителя Николы Можайского, созданный по случаю чудесной помощи Святителя этому городу. Точное время события истерлось в памяти, но известно, что можайский собор, построенный во имя Святителя, существовал уже

¹⁷ По свидетельству авторитетного мемуариста И.А. Желябужского, весной 1696 г. младшие братья военачальника Б.П. Шереметева – Василий (1659–1733) и Владимир (1668–1737), были обвинены в тяжелых преступлениях: «На Москве они приезжали среди бела дня к посадским мужикам, и дома их грабили, и смертное убийство чинили, и назывались большими. И Шереметевы свобожены на поруки и даны для бережи боярину Шереметеву (старшему брату. – А.К.)» (*Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение Империи. М., Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 277*). Надо добавить, что учеба в Венеции «пошла впрок» по крайней мере Владимиру Шереметеву: вернувшись в Россию, он сделал хорошую военную карьеру.

¹⁸ Князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1660–1732), еще один командированный в Венецию, был в годы правления царевны Софьи судим за уголовные преступления (например, «грабеж государевой казны»), бит плетьюми, но также взят на поруки родственниками. После возвращения из Венеции служил офицером в Семеновском полку. В битве при Нарве, бросив полк, бежал с поля боя. Предстал перед военным трибуналом, был приговорён к смертной казни, замененной тюрьмой, а затем ссылкой в имение.

в начале XIV в. Историки единодушно полагают именно «можайский образ» (с мечом в правой руке) оригиналом всех подобных изображений Святителя¹⁹.

Историческое предание гласит, что когда враги задумали напасть на Можайск, в ответ на молитву осажденных жителей, на небесах явилось дивное знамение: в ободрение жителям Можайска и на страх его врагам, святитель Николай показался в грозном виде – стоящим «на воздушных» и держа в одной руке грозный меч, а в другой – макет обнесенного крепостью храма. Неприятель был так утрашен этим видением, что снял осаду Можайска и бежал. Тогда-то и создали благочестивые граждане резное изображение святителя – в том виде, как он им явился. Об особом почитании этого образа нашими предками можно судить по тому, что многие великие князья и цари Московские не раз ездили на поклонение чудотворному образу святителя Николая в Можайск.

Судя по городской Писцовой книге, резной образ Николы Можайского до начала XVII в. помещался в Никольском приделе надвратной церкви Воздвижения Креста Господня. Во время польской интервенции в 1612 г. образ святителя был увезен в Литву и возвращен после Деулинского перемирия в 1618 г. А после 1684 г. чудотворный резной образ Николы Можайского находился уже в новом надвратном Николаевском храме, построенном на основе церкви Воздвижения.

Именно таким увидели образ святителя Николая²⁰ русские стольники, достигнув Можайска в первых чис-

¹⁹ Изображение святителя Николая по образу Николы Можайского на Никольских воротах Московского Кремля относится к 1401 г. [Скульптурный образ Николы Можайского, работы Вяч. Клыкова, в 2001 г. был установлен перед Патриаршим подворьем в Бари. – *Прим. ред.*]

²⁰ В 1814 г. образ Святителя был помещен в иконостасе по правую сторону Царских врат в деревянном позолоченном

лах марта 1697 г. Можно представить себе, какое впечатление произвел образ «Николы Можайского» – покровителя моряков и путешественников – на русских «стажеров», отправляющихся в далекую Италию обучаться морскому ремеслу, а, возможно, и принять участие в морских сражениях против турок. К тому же немалая их часть считали себя незаслуженно обиженными властью – а ведь Никола Угодник традиционно считается на Руси и заступником за невинно осужденных.

В путевых записках стольника П.А. Толстого читаем: «Можайск – город каменной, на горе, в котором церковь на воротех чудотворца Николая. В той церкви образ Николая святого резной работы древней, от которого всегда верно приходящим изливаются чудеса неоскудно»²¹.

...По приезде в Венецию сорок посланцев царя Петра прошли базовый курс обучения в Морской академии в Венеции, а для дальнейшей учебы и прохождения морской практики были разделены на две группы. Одной из них (23 человека) предстояло пройти «морскую школу» непосредственно в Венеции, а другой (17 человек) – в специализированной морской школе «Наутика» в принадлежавшем Венецианской республике городке Пераст в Которской бухте (территория современной Черногории) под руководством известного ученого и опытного капитана Марко Мартиновича²².

киоте в виде сени, в новом Николаевском соборе, строившемся с 1802 по 1814 гг. по проекту ученика Матвея Казакова, Алексея Бакарева. В 1933 г., после закрытия собора, чудотворный образ святителя Николая был вывезен в Москву в Центральные государственные реставрационные мастерские, откуда был передан в Государственную Третьяковскую галерею.

²¹ Путешествие стольника П.А. Толстого в Европу. 1697–1699. М.: Наука, 1992. С. 8.

²² Подробнее об обучении «которской группы» в Перасте см.: *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. Т. 1. М.: Синодальная тип., 1913–1914. См. также: *Талалай М.Г.* Венецианская

Именно этой второй группе («которской» или, в нашей классификации, – «группе Куракина») и выпало первой из двух групп русских стажеров достичь Бар-града морским путем – уже осенью 1697 г.

«Группа Куракина» в Бар-граде: благодарение Николаю Чудотворцу

В дневниковых записях князя Б.И. Куракина за осень 1697 г. читаем: «И сентября [1697] в последних числах, поехали на корабле по морю, и были в Далмации и доехали до Рагузы [Дубровника]. Из Рагузы в филоге поехали чрез гольфу венецкую [Адриатическое море] в Бар-град, где мощи чудотворца Николая, и имели в том проезде великой страх, и так были в страхе, аж не потонули. И за противностию ветров, отъехав от Рагузы с тридцать верст, стояли 12 дней, и так пришли до такой трудности, что чуть было что стало есть. И быв в Баре у чудотворных мощей, потом были в Неаполе и в Риме, и, возвратившись в Венецию, жили до другого лета [1698]»²³.

Смертельные опасности в разбушевавшейся Адриатике («великой страх»), которые преследовали «которскую группу» на корабле Марко Мартиновича на морском пути к мощам св. Николая Чудотворца, чудесное спасение, однозначно увязанное участниками путешествия с покровительством Николая Угодника, оставили неизгладимый след в жизни князя Бориса Куракина. Незадолго до кончины, в августе 1727 г., в Париже, где Куракин занимал пост посла императрицы Екатерины I, князь составил «духовную», в которой

Черногория и петровская эпоха: памятные места // Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм: Мат-лы VII Международного петровского конгресса / сост. А.В. Кобак и О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 344–356.

²³ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим написанная // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 250.

завещал «купить место на большой улице в Москве, в Белом или Земляном городе, где пристойно найдется, так просторное, чтобы при том строении и сад мог быть, и на том месте построить церковь маленькую, с доброю архитектурю, во имя чудотворца Николая», а «при той Никольской церкви построить шпиталь (госпиталь)» для увечных воинов-офицеров²⁴. При этом, «на строение той церкви и того шпиталья» князь Куракин определил «доход двадцать тысяч рублей денег, а ежели того мало, тридцать тысяч рублей»²⁵.

В биографической литературе о князе Борисе Куракине и об истории знаменитой «куракинской богадельни» совершенно напрасно и, разумеется, без каких-либо серьезных оснований, утверждается, что идея построить в Москве госпиталь для увечных воинов пришла к Куракину в бытность его русским послом в Париже – по-видимому, под впечатлением от знаменитого «Дома Инвалидов», построенного в 1670-х гг. по указу короля Людовика XIV.

То, что это мнение ошибочно, и идея постройки в Москве храма во славу св. Николая Чудотворца, а при нем «инвалидного дома», возникла у Куракина не во Франции, а гораздо раньше, еще в далекой молодости, прямо следует из текста духовного завещания Куракина: «Пред многими годами (т.е. много лет назад. – А.К.) учинил обещание образу чудотворца Николая, который стоял в часовне, в богадельне, близ Ильинских ворот (а ныне где стоит тот образ, знать не могу), который образ надлежит приискать, и, приискав тот образ чудотворца Николая, купить одно место на большой улице в Москве, в Белом или Земляном городе...»²⁶.

²⁴ Куракин Б.И. Духовная князя Бориса Ивановича Куракина // Русский архив. 1893. Кн. 1, вып. 2. С. 152.

²⁵ Там же. С. 153. См. также: Скворцов Н.А. Княже-Куракинская Николаевская церковь в Москве, у Красных ворот, при Странноприимном Доме князей Куракиных: Исторический очерк. М., 1904.

²⁶ Куракин Б.И. Духовная князя Бориса Ивановича Куракина, с. 152.

У нас есть основания предполагать, что под «николаевской часовней близ Ильинских ворот» Куракин имел в виду и ныне существующий Никольский храм на углу Маросейки и площади Ильинских ворот. В «Окладных книгах» середины XVII в. этот храм (тогда деревянный) упоминается как «церковь Пресвятой Богородицы Казанския». Но с 1690-х гг., в связи с устройением нового каменного придела во имя св. Николая, храм стал называться «Богородицы Казанския и Николая Чудотворца на Покровке в Ближниках», а в начале XVIII в. получил окончательное название «церковь святителя Николая Чудотворца, что в Кленниках».

Дополнительным доказательством того, что куракинское завещание построить в Москве храм во славу св. Николая Чудотворца стало прямым отголоском драматических событий на Адриатике осенью 1697 г., служит, по нашему мнению, и тот факт, что своими душеприказчиками в реализации плана строительства Никольского храма Куракин назначил своего близкого родственника, а, главное, – еще одного участника «Бар-градской истории» тридцатилетней давности – князя Дмитрия Михайловича Голицына²⁷, а также его младшего брата Михаила и его сына Сергея²⁸.

²⁷ Князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737) – сын стольника Михаила Андреевича Голицына и Прасковьи Никитичны, урожденной Кафтыревой. В 1697 г. послан на обучение морским наукам в Венецию; участник «каторской группы». В 1730 г. – главный инициатор составления «Кондиций», призванных ограничить самодержавную власть императрицы Анны Иоанновны. Сослан в подмосковное имение Архангельское, где собрал богатейшую коллекцию европейской литературы и искусства. В 1736 г. арестован, обвинен в подготовке заговора и брошен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре умер (возможно, насильственной смертью).

²⁸ Куракин Б.И. Духовная князя Бориса Ивановича Куракина, с. 149.

**П.А. Толстой:
две попытки достигнуть Бар-града**

Судя по всему, в те же осенние дни 1697 г. в Бар-град, одновременно с «каторской группой» («группой Куракина»), должна была приплыть и вторая русская группа (условно «группа Толстого»), продвигавшаяся в те дни на другом учебном корабле из Венеции, вдоль побережья Далмации, по направлению к Задару к Корчуле.

Вот фрагмент из путевых заметок П.А. Толстого от 9 октября 1697 г.: «Стояли мы под тем городом Зарою [Задаром] октября до 7-го числа, а в 7-й день октября из-под Зары пошли, имея намерение итти во владение гишпанскаго короля в город Бар... И того дни отъехали от города Зары 18 миль италиянских и ночевали в том же канале, что и под Зарою, для того что тот канал велик и ветр в то время нам был неспособен, и стояли на том месте октября до 9-го числа... Потом ветр почел быть нам способной к надлежащему нашему пути в город Бар; тем ветром корабль наш шел на один час по 5 миль италиянских...»²⁹.

А вот следующая запись – от 11 октября 1697 г.: «Пришли мы в своем корабле под город Карсуль [Корчула] для того что имели мы намерение итти в город Бар, чтоб нам сподобитца видеть мощи великого чудотворца Николая. И, не дошед до города Барлета [Барлетта] за 80 миль италиянских, поворотились мы в своем корабле назад, для того что в сих числах турецкие воинские 5 кораблей, которые имели на себе каждый по 500 человек енычан [янычар] заступили нам дорогу до города Бару. Того ради не могли мы дойти до святых мощей чудотворца Николая, а стояли под Корсунем октября до 16-го числа, а в 16-м числе октября из-под Корсуля пошли назад к Венеции тем же каналом...»³⁰.

²⁹ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, с. 76.

³⁰ Там же, с. 77.

Итак, в отличие от «группы Куракина», «группа Толстого» не смогла осенью 1697 г. пробиться к Бар-граду из-за заслона турецких кораблей и вынуждена была вернуться в Венецию и повторить попытку лишь на следующий год, в конце июня 1698 г.

В путевом дневнике Толстого за 21 июня 1698 г. читаем: «С полудня ветер быть мал, которым наш фрегадон шел тихо; и почели там быть видны черни гишпанских берегов, на которых города Барлет [Барлетта] и Бар [Бари]... А в 16-м часе того дня приплыли мы в Гишпанию, под гишпанский город, которой между Барлетом и Барою, а называется тот город Трани»³¹.

Медленно продвигаясь вдоль побережья, Толстой со-товарищи достиг Бар-града 22 июня 1698 г.: «Июня в 22 день. За два часа до свету пошли мы с того места, где стояли, к городу Бару. Ветр был нам способной и немалой, и в 3-м часу того дни приплыли мы под город Бар. И, не пошед в порту, то есть в пристанища, стояли мы против города Бару на море без якоря, для того что тот порт, еже есть пристанища..., суть не знаем, и опасались в него войти, чтоб не разбить фрегадона. А на море против города Бару якоря кинуть было невозможно, для того что в том месте дно морское каменисто и якорь не может тут задержатися»³².

Впервые в русской литературе, стольник Петр Андреевич Толстой оставил достаточно подробное описание города Бари: «Город Бар стоит при самом море, фортеца [крепость] каменная и немалая, сделан новою модою, с белвардами, и на белвардах есть пушек, великих и малых, достаток. В городе Баре строение домовное, и костелы, и монастыри каменные и изрядные. Дом губернаторов сделан на городской стене при самом море, зело на веселом месте. В Баре живет арцыбискуп [архиепископ] римской веры, небогат гораздо. Город Бар многолюден, народ в нем гишпанской;

³¹ Там же, с. 119.

³² Там же, с. 120.

говорят по-итальянски, однако ж с венецианцами и с римлянами в языке имеют малую некоторую дифференцию, то есть розницу; платье носят гишпанской моды... Губернатор барской из Неаполя гишпанец, породы дворянской, носит на себе кавалерской крест)³³.

Получив разрешение сойти на берег, Толстой и его спутники вечером того же дня отправились в базилику св. Николая, где хранятся его мощи: «Того ж числа по обеде, как почели благовестить на vesper, то есть к вечерне, и я пошел в римскую церковь, в которой лежат мощи великого архиерея Христова Николы... В той церкви настоящей престол во имя чудотворца Николы, и иных престолов в той церкви много, как обыкновенно быть в римских костелах... Под олтарем тое церкви в земле низко сделана церковь ж римская ж, в которой лежат святые и чудотворные мощи великого святильника Николы... В тое церковь из вышепомянутой великой церкви два схода, в которых подеваны лестницы каменные, широкие. В той нижней церкви на середине сделан олтарь римской во имя чудотворца Николая, весь серебряной, литой, на котором со всех сторон сделаны из серебра образы чудес чудотворца Николы. Поверх того престола сделан осмероугольной амбон серебряной же, литой, в две ступени в высоту. На том амбоне поставлен образ великого Николы поясной, вылит из серебра, правую руку имеет благословенную, а в левой руке держит святое Евангелие, зело украшено камнем изрядным: алмазы, яхонты, изумруды, лалы... Под тем вышеписанным олтарем лежат в земле низко мощи чудотворные великого иерарха Николы, покрыты единым камнем мраморным. На том камне сделано едино окно малое, круглое; и когда кто хочет видеть его святые чудотворные мощи, тот повинен войти под престол в окно, на то устроенное, и смотреть вниз, в то вышепомянутое малое круглое окно»³⁴.

³³ Там же, с. 123.

³⁴ Там же, с. 120.

Итак, П.А. Толстой «со второй попытки» достиг Барграда в конце июня 1698 г. и был в Бари с 22 по 25 июня 1698 г., отправившись оттуда сухим путем в Неаполь.

Б.П. Шереметев и его свита в Бар-граде

Однако примерно за месяц до посещения П.А. Толстым мощей св. Николая Чудотворца в Бар-граде побывала еще одна группа посланцев Петра во главе с Борисом Петровичем Шереметевым (1652–1719), прибывшая в Барград сухим путем из Неаполя в ходе многомесячного путешествия³⁵.

Великолепно образованный Шереметев был, судя по всему, хорошо подготовлен к паломничеству в Барград. Детство и юность его прошли в Киеве, где служил воеводой его отец, боярин Петр Васильевич «Большой» – один из первых русских «западников», который демонстративно одевался в польское платье, не носил бороды, содержал певческую капеллу и оркестр, дававший концерты для киевского дворянства. Юный Шереметев учился в Киево-Могилянском коллегиуме с Даниилом Тупталом, будущим архиепископом Дмитрием Ростовским, и Иосафом Кроковским, будущим киевским митрополитом. Изучал церковнославянский, греческий, латинский языки, в совершенстве овладел польским языком, которым пользовалась в быту украинская знать.

Государеву службу Борис Шереметев начал при царе Алексее Михайловиче: в тринадцать лет, еще будучи в Киеве, был пожалован в комнатные стольники. А в 1682 г., при вступлении на престол царей Иоанна и Петра, Борис Шереметев, с одобрения регентши Софьи, искавшей поддержки родовой знати, был пожалован в боярство;

³⁵ Подробнее см.: Кара-Мурза А.А. Борис Петрович Шереметев // Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Венеции. М., Изд-во Ольги Морозовой, 2019. С. 117–133.

Борис Петрович Шереметев
(худ. И.П. Аргунов)

продолжилась его карьера как дипломата и военачальника. Однако личная неприязнь между Шереметевыми и Голицыными (лидером которых был фаворит Софьи, князь Василий) сблизила Шереметевых с семьей второй жены покойного царя Алексея – Нарышкиными и их ставленником на московское царство – юным Петром Алексеевичем Романовым.

Как мы знаем, в марте 1697 г. молодой царь Петр I, тайно, под именем «Петра Михайлова», отправился в Европу в составе «Великого посольства», формально призванного укрепить союз христианских государств против Оттоманской Порты. 22 июня того же года в Европу, но «южным маршрутом», отправился 45-летний Борис Петрович Шереметев. Официально он направлялся в Рим «на богомолье», чтобы выполнить обет – поклониться своим небесным покровителям, святым апостолам Петру и Павлу.

По мнению историков, посылая Шереметева в Европу как частное лицо, не обладавшее дипломатическим статусом, Петр I проводил «разведку», ибо путь известного в Европе родовитого московского боярина лежал по тем странам, которые позднее намеревался посетить русский царь. По нашему мнению, дело обстояло гораздо более сложным образом.

Обращает на себя, во-первых, внимание тот факт, что Шереметев отправился в Европу, спустя более чем три месяца (!) после отъезда из Москвы царя и «Великого посольства». Что его задерживало в Москве? Есть основания предполагать, что Шереметев был тем или иным образом привлечен к следствию по делу о «заговоре Циклера-Соковнина-Пушкина». Ведь известно, что И.Е. Циклер признался под пытками, что хотел убить царя Петра и посадить на его место Б.П. Шереметева³⁶.

³⁶ См.: Рудаков В. Циклер Иван Елисеевич // Русский биографический словарь. Т. XXI: Фабер – Цявловский. СПб., 1901. С. 486–487.

Известно и то, что перед отъездом за границу царь Петр долго обсуждал с ближайшими соратниками, кому в его отсутствие передать власть в стране. По сообщению хорошо информированного секретаря австрийского посольства И.Г. Корба, один из бояр по неразумию предложил сделать наместником Шереметева, за что тут же был избит вспыльчивым государем, публично заявившим, что видит в военачальнике реального политического соперника и претендента на престол³⁷.

Следствие не установило причастности Шереметева к заговору. Однако он всё же, под благовидным предлогом был удален из Москвы – бумаги, заранее подписанные царем, были переданы Шереметеву, скорее всего, Л.К. Нарышкиным. Прав был И.Г. Корб, когда записал в своем дневнике: «Нет ничего обыкновеннее, как высылать под личиной почета из столицы тех лиц, могущество которых или всеобщее к ним уважение внушают опасение»³⁸.

В 1697–1698 гг. с небольшой свитой Шереметев посетил Вену, Венецию (где к нему присоединились младшие братья Василий и Владимир), Рим, Неаполь, Сицилию и Мальту. На обратном пути, будучи в Неаполе, он решил съездить в Бар-град на поклонение мощам св. Николая Мирликийского. В состав его группы вошли: Алексей Курбатов, «дворецкий», иногда представительствовавший при иностранных дворах от имени и под видом Шереметева (позднее выдвинувшийся как крупный российский администратор и финансист); Иосиф Пешковский, духовный чин, занимавшийся переводами и составлением официальных бумаг; дворянин Герасим Головцын, близкий

³⁷ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию: 1698 и 1699 гг. СПб., 1906. С. 138; См. также: Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева 1697–1699 / Под ред. Л.А. Ольшевской, А.А. Решетова, С.Н. Травникова. М.: Наука, 2013. С. 238.

³⁸ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию, с. 254.

к Шереметеву по военным походам, отвечавший в путешествии за боярскую казну, оплату дорожных расходов, покупку товаров, расчеты за гостиницы, наемные экипажи, морские суда, провизию и другие траты³⁹.

«Группа Шереметева» выехала из Неаполя 25 мая 1698 г. по маршруту: Авеллино – Ариано – Ордона – Барлетта – Джовенаццо – Бари. В Бар-град группа прибыла вечером 29 мая, а на следующее утро была на мощах св. Николая Чудотворца: «Мая 30 числа ходили в церковь, где лежат мощи великого чудотворца Николая. Оные святые мироточивые мощи лежат в исподней церкви под престолом, которая церковь сделана под большою церковью в земле. Престол же, стоящий над святыми его мощми, весьма украшен, сделан весь серебряный, высокой работы, вокруг которого сделаны великие серебряные ангелы, также кругом его поставлены многие великие серебряные ж шандалы и лампы. Поверх престола сделан образ большой Чудотворца Николая, весь серебряный, сидячий, в одной руке держа Евангелие, а другою благословляет людей... Тут в церкви слушали обедню и вечерню, а ввечеру приходили и были в сакристии, то есть в ризнице, в которой есть образ Чудотворца Николая стоящий, о котором уверяли, что писан он в то время, как еще в живых был чудотворец Николай»⁴⁰.

Пробыв в Бар-граде два дня, группа отправилась в обратный путь в Неаполь, «и становились по тем же станциям, как туда ехали»⁴¹. Удивительно, но почти сразу по возвращении Шереметева и его свиты в Неаполь, произошло редкое по силе извержение Везувия: «Тутошние

³⁹ Позднее, на основании путевых записей Головцына и Курбатова, дьяк Петр Артемьев составил официальные материалы поездки, ставшие известными как «Записка путешествия графа Шереметева».

⁴⁰ Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева, с. 91, 92.

⁴¹ Там же, с. 93.

жители два дня были в великом страхе и ужасе от горы Везувии, горящей непрерывно, потому что в те два дня превеликой из оной горы исходил огонь, был гром, треск и шум; и кидало вокруг горы мили на три или четыре большие огненные камни; многие же с той горы протекли огненные лавы, причем живущих около сей горы пожгло, побило и переранило... И в те два дня в городе такой сыпало от от оной горы пепел, что никак по городу ходить было невозможно, и насыпало того пепела во всем городе по всем улицам больше нежелъ на четверть аршина, от чего сделалась претрашная духота...»⁴².

Как следует из «Дневника путешествия», мистическая связь грозного извержения вулкана с только что совершенным паломничеством в Бар-град к мощам св. Николая Чудотворца была для Бориса Шереметева и его спутников совершенно очевидна...

⁴² Там же, с. 94.

ОДИН ИЗ «ПУТНИКОВ»- ПРОДОЛЖАТЕЛЕЙ ДЕЛА ГРИГОРОВИЧА- БАРСКОГО — КН. А.Н. ВОЛКОНСКИЙ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О БАРИ

В «одиозном», советском еще Таллине, в пункте по приему макулатуры, попала мне книга «Праздничный отдых христианина. Собрание общедоступных духовно-назидательных рассказов и размышлений, расположенных применительно к евангельским, воскресным и праздничным чтениям целого года», составленная протоиереем магистром богословия Григорием Дьяченко (М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1900), в которой очень плодотворный дореволюционный церковный автор (один его «Полный церковно-славянский словарь» чего стоит!) в дневном чтении на ДЕКАБРЬ МЕСЯЦ 6-го ДНЯ, на ПАМЯТЬ СЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ, АРХИЕП. МИР-ЛИКИЙСКОГО в статье «Город Бари (в Апулии) и мощи святителя Николая, Мирликийского чудотворца» компилирует несколько текстов. Во-первых, конечно это «Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.»¹. Помимо Григоровича-Барского о. Григорий Дьяченко цитирует и преподавателя русской церковной истории при Киевской Духовной семинарии П.П. Петрушевского, издавшего в свое время трехтомник о святых местах: в третьем томе его трудов речь как раз шла и о Бари². Скорее всего, что Петрашевский был профессорским стипендиатом и таким образом смог выпустить паломническое пособие под эгидой Киевской Духовной академии. В это же самое время печатать статьи паломнического характера стал и профессор А.А. Дмитриевский, увлекшийся святыми местами еще с первого своего путешествия

¹ Ч. 1. СПб., 1885.

² Святые места и святыни на Востоке, в России и на Западе Европы. Т. 3. М., 1903.

Князь А.Н. Волконский,
литография

по Востоку. Он близко принимал к сердцу нужды русских поклонников на Св. Земле, был даже секретарем Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Некоторые его статьи посвящены святым местам на Западе³. Все эти авторы, как и о. Григорий Дьяченко, пользовались мемуарными записками Григоровича (интересно, что уже после смерти «пешеходца Василия» его записки начали расходиться в виде «самиздата»:

родственники паломника разрешали делать с них копии всем любителям душеполезного чтения). Был, однако, в то время (2-я пол. XIX в.) еще один автор, который оставил после себя книгу, где есть обширное цитирование Василия Григоровича. Писателем-паломником этим является князь А.Н. Волконский.

Так как о нем исчерпывающе написал его родственник Василий Ильин, то мы, *ничтоже сумняшеся*, используем этот документ, с некоторыми сокращениями, в виду его незатейливой простоты, теплоты и признательности к своему «итальянскому» благодетелю:

³ *Дмитриевский А.А.* Православное русское паломничество на запад (в Бар-Град и Рим) и его насущные нужды (с фототипическим снимком видов города Бари и базилики св. Николая). Киев, 1897 (отд. брошюра). Первоначально: *Дмитриевский А.А.* Православное русское паломничество на Западе (г. Бари) // Труды Киевской Духовной академии, 1897, I. С. 99–132; II. С. 211–237.

2-го апреля нынешнего 1878 года скончался в Риме князь Александр Никитич Волконский. <...> По достижении князем Александром 17-тилетнего возраста, матерью его⁴ был приглашен для усовершенствования его в науках, известный впоследствии профессор Московского университета С.П. Шевырев, которого княгиня упросила ехать с нею и с сыном в Рим, где князь и окончил свое воспитание. Еще прежде, 18 лет от роду, он определен был по высочайшему повелению на службу в Министерство Иностранных дел с причислением к Римской миссии сверх штата. В 1833 году князь возвратился в Россию вместе с наставником своим Шевыревым, выдержал экзамен в Московский университет и после того был причислен к департаменту внутренних сношений и назначен камер-юнкером. <...> В 1856 году, уже в звании камергера, он был назначен советником посольства в Вену. Бывший в то время посланник барон Будберг поручил ему занятия по делам славянских народов, вследствие чего князь был хорошо знаком с этим вопросом. Прослужив около двух лет в этой должности, князь был переведен в Дрезден посланником и полномочным министром при короле Саксонском.

Доброта сердечная, ум и ласковое обхождение со всеми, кто только имел до него дело, заставили всех, от короля до последнего человека, любить и уважать его. В 1860 году он переведен посланником при короле Неаполитанском, находился при нем во всё время революции и был в Гаэте, когда этот город подвергся блокаде и бомбардированию. По уничтожении Неаполитанского королевства в 1862, князь назначен и отправлен в Мадрид посланником ко двору испанской королевы, где и пробыл

⁴ Кн. Зинаида Александровна Волконская (1792–1862), рожд. кнж. Белосельская-Белозерская, жена (с 1810) кн. Н.Г. Волконского, устроительница знаменитых салонов в Москве и, с 1829 г., Риме, где и скончалась.

более пяти лет. После случившегося там переворота и отъезда королевы из Испании, в 1867 году, князь по высочайшему повелению, находился в Париже, а в 1870 году, не имея возможности, по расстроенному здоровью, продолжать действительную службу, был назначен состоять при Министерстве Иностранных дел. Покойный князь всё время служил по дипломатической части и поэтому более половины жизни провел за границей. Но он любил свое отечество, следил за русской литературой, писал статьи во многих журналах, и был в душе русский человек⁵.

Таким образом, князь А.Н. Волконский, благодаря своей эксцентричной матушке, с одной стороны становится причастником «великой красоты» Рима и Италии вообще, а с другой в юности своей, как противоядие «загнивающему Западу» (данная формулировка принадлежит С.П. Шевыреву⁶) питает свой ум и чувства трудами лучших профессоров Москвы. В 1833 г. князь Александр сдает экзамены в Московском университете, а его учитель дает ему еще один урок по любви к литературе — по материалам, собранным в Италии, он издает труд «Данте и его век»⁷.

После сдачи экзаменов 18-летний князь оказывается на госслужбе в Министерстве Иностранных дел в Варшаве, в свите кн. И.Ф. Паскевича. В дальнейшем, Волконский, став дипломатом, в Ватикане пользовался доверием и симпатизировал папе Пию IX, искренне желая урегулировать отношения между Петербургом и Римом. Мундир чиновника не удушил в нем веры (он остался православным) и не убил «внутреннего» поэта. Всё, привитое матерью и Шевыревым, явлено в его отношении к литературе. Князь привел

⁵ Ильин В. Воспоминание о князе А.Н. Волконском // Русский архив, 1878, 10. С. 251–253.

⁶ Шевырев С.П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1.

⁷ Ученые Записки Московского Университета, 1833, № 5, и 1834, № XI.

в порядок сочинения своей матери и издал их на русском, а также французском языках. Жалование госслужбы и развитый вкус сделали Александра Никитича коллекционером. Он собирает живопись и скульптуру западных мастеров, а также античные артефакты. Материнские заветы, обширные знания, путешествия по Европе, эстетический вкус образовали в князе Волконском не Бог весть какого, но всё же литератора, всегда стремившегося к этому роду деятельности. Одним из первых опытов его в этом направлении было стихотворение «Ангелы», написанное 3 декабря 1828 г., в день рождения матери⁸. Затем следует ряд статей, помещенных в «Современнике» (1837 г., т. V), в «Московском Наблюдателе» (1837 г., т. XI, кн. 2) и в погодинском «Москвитянине» (1841 г., ч. II, № 4). Все эти наброски вошли в его книгу «Рим и Италия средних и новейших времен в историческом, нравственном и художественном отношении» (в 2-х ч., М., 1845). Кроме того, князю Волконскому принадлежат цельные историко-литературные произведения: «Conseil de philosophie pratique» (Paris, 1851); «Воспоминания о г. Бари и о перенесении честных мощей святителя Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского» (М. 1873); «Поездка флигель-адъютанта князя Никиты Григорьевича Волконского к Наполеону в 1803 году. Из семейных воспоминаний» (Русский Архив, 1874 г., кн. I. С. 1046–1050); «Село Большое Мурашкино, Нижегородской губернии, княгининского уезда» (Русский Архив, 1875 г., кн. I); «Etudes sur l'Italie contemporaine» (Paris, 1872).

Как уже было отмечено в некрологе, кн. Волконский умер в Риме, 2 апреля 1878 г. и, как родители, похоронен в этом же городе⁹. Вместе с князем Александром

⁸ Напечатано в «Литературных Прибавлениях» к «Русскому Инвалиду» (за 1838 г., № 45).

⁹ З. Волконская была похоронена с мужем в церкви Santi Vincenzo e Anastasio a Trevi, в первой капелле справа. Там до сих

Князь А.Н. Волконский, литография

Никитичем похоронена и его жена, баронесса Луиза Леопольдовна фон Лилиен, умершая раньше него — 1 февраля 1871 г. В могиле с ними покоится и их единственная малолетняя дочь Зинаида, скончавшаяся в детстве. Семейная усыпальница находится в Риме на кладбище, называемом Кампо-Верано, что при базилике св. Лаврентия — San Lorenzo fuori le Mura. Семейная часовня освящена была совместно архимандритом Александром (Кульчицким), настоятелем русской посольской церкви, и о. Чезаре Кондини, духовником жены князя, Луизы. Напомним, что князь А.Н. Волконский всю жизнь оставался православным, но благодаря матери пользовался доверием в католических кругах, что способствовало осуществлению дипломатической миссии между Россией и Св. Престолом. Некоторые исследователи считают, что Александр Никитич в католическую веру не перешел по убеждениям материального характера, ведь согласно действовавшему в России указу Николая I, всё имущество неопитов-католиков подлежало конфискации, поэтому-де Волконской пришлось записать свои обширные владения на имя сына, чтобы не потерять средств к существованию. Версия эта только внешне верна, потому что мы уже говорили, *кто* воспитывал Александра Никитича в Риме и в Москве, а именно С.П. Шевырев, и потому данная гипотеза остается только темой для споров в научных кругах.

пор справа виднеется надгробная плита с ее именем, именами ее родной сестры Марии Александровны Власовой (1787–1857) и ее мужа — кн. Никиты Григорьевича Волконского. Обращаем внимание на тот факт, что прах четы Волконских и Власовой из церкви Santi Vincenzo e Anastasio a Trevi перезахоронили: в середине XX в. по поручению Департамента Министерства внутренних дел из санитарных соображений все останки более или менее знаменитых личностей были перенесены из церкви исторического центра на римское кладбище Кампо Верано и захоронены в общей могиле. См. также *Талалай М.Г.* Российский некрополь в Италии. М., 2014. С. 173–174.

Несколько слов о приемной дочери князя – Надежде Васильевне Ильиной-Волконской и ценнейших «бабушкиных» архивах. У Надежды Васильевны не сложилась личная жизнь — в браке она не была счастлива. Муж ее итальянец, маркиз Владимир Францевич Кампанари (ум. 1931) просадил всё имущество и богатства, вывезенные Волконскими из России в Италию. «Бабушкино» наследство вместе с архивом и художественной коллекцией княгини Волконской после смерти Надежды перешло к маркизу и четырем его детям. Маркиз совсем не дорожил русскими ценностями: ему были нужны средства и, в частности, фамильная вилла Волконских с 1922 г. стала принадлежать германскому правительству¹⁰. Многие антикварные вещи и картины, находившиеся на вилле, бесследно пропали, но большая часть архива оказалось в руках антиквара В.К. Леммермана, который выгодно продал «бабушкин» сундук — архив княгини З. Волконской Гарвардскому университету в США. Туда, скорее всего, попали и экземпляры книг ее сына. Мы пользовались сканированным текстом одной из них, выложенным в интернете по проекту «Встреча на границах»¹¹.

Обратимся к содержанию книги кн. А.П. Волконского. Состоит она из Предисловия, I-й части «Из Неаполя в Бари», II-й части в виде повести, «О перенесении честных мощей св. Николая Чудотворца», и III-й части, без названия, с описанием базилики и выдержками из повести В. Григоровича-Барского.

Описания путешествий и воспоминания об Италии в 1830–1840-х гг. — не редкость и были достаточно популярны в среде русского дворянства. Примером тому — учитель молодого А.Н. Волконского профессор С.П. Шевырев. Он уже в 1831 г. публикует свой «путешественнический»

¹⁰ В настоящее время резиденция британского посла.

¹¹ Двухязычная англо-русская цифровая библиотека: The Library of Congress Jun-11-2002.

очерк «Римские праздники (Письмо из Рима)¹², а после смерти его издаются «Путевые впечатления С.П. Шевырева от Москвы до Флоренции» (датированы 1860 г.)¹³. Также покровитель и друг его М.П. Погодин в 1844 г. выпускает свои путевые заметки об Италии (за 1839 год): «Месяц в Риме»¹⁴. Далее, в конце 1840-х гг. А.Н. Майков публикует очерки «Прогулок по Риму» и «Пикник во Флоренции». Ученик Шевырева и доктор русской словесности Ф.И. Буслаев продолжает линию своего учителя и выпускает итальянские воспоминания¹⁵. Несмотря на то, что они опубликованы в 1892 г., значительная часть текста посвящена путешествию будущего академика в Италию в качестве учителя детей графа Строганова, бывшего тогда попечителем Московского университета. Дорожный мемуар академика включает в себя фрагмент путевых заметок, относящихся к 1840 г.¹⁶

Однако, обратим внимание на рефлексии князя Александра как писателя и продолжателя линии дела Василия Григоровича — на «Воспоминание о городе Бари и о перенесении честных мощей святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. Из путевых записок кн. А. Волконского». Если комментировать II-ю часть книги Волконского «О перенесении честных мощей св. Николая Чудотворца», то, как подмечают

¹² Напечатаны в «Телескопе», 1831 г. Ч. 2. № 7. С. 402–419.

¹³ Русский архив. 1878. Вып. 5. С. 69–87.

¹⁴ В составе книги: «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина».

¹⁵ *Вестник Европы. 1891–1892*; отд. изд.: Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897.

¹⁶ Интересные материалы о «мемориях» русских ученых и писателей XIX в. об Италии находятся в статье О.С. Крюковой «Жанровые формы итальянского путешествия в русской литературе XIX в.»; см. <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-formy-italyanskogo-puteshestviya-v-russkoy-literature-xix-v>

некоторые исследователи творчества Александра Никитича, его некоторые произведения тяготеют к компиляциям, пространным выдержкам, в чем упрекнуть его в данном случае нельзя, ибо он доносит во II-й часть книги до нас выписку из труда каноника Франческо-Саверио Аббреша [Abbrescia; у Волконского: *Ксаверий Абресшиа*], без которой некоторые вещи не были ясны.

С III-й частью всё просто — это сплошная цитата описания базилики, аутентичная выдержка из повествования русского «первооткрывателя» Барграда Василия Григоровича-Барского.

Теперь можно перейти к републикации самой книги кн. А.П. Волконского. Некоторые прописные буквы мы оставили так, как в тексте автора (например, в слове «Святитель»), стараясь сохранить его оригинальный стиль.

А.И. Иванов-Голубой. Паломники у раки св. Николая Мирликийского в Бари, 1859. С.-Петербург, Государственный Русский музей

Воспоминания о городе Бари и о перенесении честных мощей святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского.

Из путевых записок кн. А. Волконского

Москва: Университетская типография Каткова, 1873

Цензор священник Михаил Боголюбский¹⁷

Предисловие

Прожив много лет в Италии, я часто записывал свои разнородные впечатления, изучая сначала историю и нравы этой страны, а в последнее время и радикальный переворот, изменивший ее политическое положение.

Эти заметки отчасти уже напечатаны, отчасти остались в рукописи. Из последних ныне издаю мои воспоминания о городе Бари. Этот скромный труд посвящен имени Великого Чудотворца, имени прославленному во всем христианском мире, всеми верующими в силу предстательства такого покровителя.

I.

Из Неаполя в Бари

Лет двадцать тому назад, находясь в Неаполе, я ездил в Бари на поклонение честным мощам великого Святителя Мирликийского. Тогда не было краткого железного пути, соединяющего Средиземное море с Адриатическим, но поездка была незатруднительна по хорошему шоссе и по местам живописным и характера разнообразного: сначала длинными аллеями тополей и платанов, и вскоре широкими долинами, окаймленными двойною цепью гор; первая густо покрыта лесом;

¹⁷ Протоиерей Михаил Симонович Боголюбский (1826–1902), автор ряда богословских трудов. С 1871 по 1886 г. был цензором Московского духовного цензурного комитета.

вторая, скалистая, обросшая пестрым мхом; вдоль дороги, виноградные фестоны на деревьях, фруктовые сады и огороды. Много деревень и крупных селений, между которыми я упомяну только о Муньяно, куда собирается много богомольцев на поклонение телу чтимой Римлянами мученицы Филомены, перенесенному в Муньяно из Римских катакомб. Дорога тянется далее вдоль роскошных рощей каштановых деревьев и дубов; везде земледелие и садоводство в полном развитии. После города Авеллино у подошвы Monte Vergine, цветистых садов и глубокой долины Ансанта, дорога идет вверх и поднимается несколько часов сряду до вершин Апеннинских, где построен на скалах город Ариано. Оттуда открывается пространная панорама: горы образуют амфитеатр разноэтажный; у ваших ног стелется луг, покрытый курганами, на которых растут виноград, оливы, шелковичные и каштановые деревья. После Ариано спуск к Адриатическому морю. Около Фоджии высокие горы всё более и более удаляются, менее лугов и много хлебных полей. За городом, на конце небосклона, гора Гаргано над Манфредонском заливом, где по сказанию последовало чудотворное явление Архангела Михаила. Фоджия, красивый город, вымощенный плитами из лавы, как Неаполь. Там важная хлебная торговля: весь город, как амбар. Вот как там сохраняется хлеб зерном. На отдельном месте, имеющем в квадрате итальянскую пол-милю, каждый землевладелец роет колодезь (грунт земли отстраняет всякую опасность дойти до воды) и сыплет туда свое зерно. Колодезь покрыт досками и камнем. При колодцах держат сторожей: но мне рассказывали, что не было случаев хлебной покражи. Около Фоджии преимущественно сеется хлеб, называемый grano duro; колосом он похож на ячмень. Из него делают макароны и разное тесто, главную пищу жителей всей южной Италии. Между Фоджией и Сен-Северо луга на протяжении 66 итальянских миль длины, на 45 ширины: там пасутся многочисленные стада овец, возвращающихся из Аbruцских гор, где их держат от мая до сентября: каждый день пригоняют от 200 до 300 тысяч овец. Дорога продолжается вдоль морского берега: растительность

не скудеет: сады, виноград, смоквы, оливы; далее однообразие песчаной полосы выкупается зеленью лугов: это итальянская Голландия.

Барлетта: маловажная пристань, где сбывается зерном grano duro, тогда как Манфредония образует центр продажи пшеницы и овса. В Барлетте много исторических воспоминаний. Около города поле, называемое еще до ныне Кровавой долиной (Val di sangue) где, по мнению некоторых археологов, происходило известное поражение римлян при Каннах. Так же был известный вызов на бой и состязание французских и итальянских всадников, так искусно описанное в романе д'Азелио «Ettore Fieramosca».

За Барлеттой, – Трани, тоже порт. Здания и церкви имеют уже характер норманский. Весь этот прибрежный край славится деятельным развитием овцеводства, добыванием морской соли, образующей важную торговую статью и разведением хлопчатой бумаги.

Приближаясь к Бари, везде можно заметить влияние угодника Божия. В городах и в селах, его призывают на помощь, прося его заступничества; вся область живет как бы его призыванием.

Бари, любимый город короля Неаполитанского Фердинанда в то время (1852) украшался новыми строениями и был в цветущем периоде возобновления, но сохранял тот нравственный тип тех городов, в коих главный интерес состоит в местной святыне.

В Бари я провел пять дней и нашел любезного и опытного проводника в канонике николаевской базилики, Ксаверии Абресшиа, умершем в том же году. Он был хранителем церковного архива, много занимался историей своей родины и все его труды озарялись чувством благоговения к великому святителю. Он мне рассказывал, что и до ныне моряки не иначе отправляются из Бари в путь, как помолившись у раки святого и взявши с собой склянницу с миром от его чудотворных останков: не раз бури утихали, усмирялись волны, когда спасительная склянка опускалась в море. В городе больные постоянно прибавляют к прописанному лекарству капли того же мира.

Каноник барийской базилики
падре Франческо-Саверио
Аббреша

Каноник Абресшиа приготавливал тогда к изданию весьма любопытную книгу о св. Николае и о Бари, но дожился только до напечатания первых листов. Сколько мне известно, печатание не продолжилось после его смерти¹⁸. Он мне сообщил написанный им рассказ о перенесении мощей святого из Мир-Ликийских. Так как он подробнее других рассказов, известных

нашей публике, то я счел не излишним его представить в переводе. Каноник в особенности держался летописи современника, барского монаха Никифора.

II.

О перенесении честных мощей св. Николая Чудотворца

«В одиннадцатом столетии берега Сирии были в постоянных сношениях с Неаполем, Амальфи, Газтою и Бари. Несколько жителей сего последнего города, в 1087 году, отправлялись на трех судах, нагруженных пшеницей и другими кладями в Антиохию. Этот город был во владении сарацинов, но много христиан туда ездило по торговым делам.

И так барские купцы, о которых идет речь, следуя к месту назначения с попутным ветром начали разговаривать между собою о возможности похитить мощи св. Николая, которого

¹⁸ Однако же книга вышла в 1853 г.; см.: *Abbrescia F.S. Sacra novena e compendio storico <...> di S. Nicolo di Bari. Bari, 1853.*

Титульный лист 2-го издания книги падре Ф.-С. Аббреша

они давно считали своим покровителем и заступником, — ныне лежащие без должной чести в городе, населенном по большей части неверными.

Некоторые из них предвидели затруднения и опасности, сопряженные с таковым смелым предприятием, но набожное рвение взяло верх над короткою нерешимостью, и они прямо направили суда на Мир-Ликийский, куда прибыли благополучно. Для большей предосторожности, они послали сперва одного богомольца, их спутника и узнали по его возвращении на корабль, что в Мире собралось значительное число мусульман, для погребения их градоначальника. Тогда баряне нашли, что лучше отложить предприятие и повернули в Антиохию. Там они встретились с венецианскими купцами и узнали, что эти купцы имели намерение похитить мощи того же угодника и даже приготовили запас железных орудий, дабы разломать каменную гробницу святителя.

Баряне, скрывая такое свое желание, второпях окончили свои торговые дела, опередили своих соперников и счастливо поплыли в Мир, но ветер переменился, сделался попутным для возвращения в Бари и неизвестно из желания ли поскорее возвратиться на родину, или из страха об угрожающих в Мире опасностях, они поплыли в Италию. Но провидение готовило для Бари¹⁹ столь вожделенный дар! Подул северный ветер и барские мореходцы должны были остановиться в Андриаки. Этот случай оживил в их сердцах прежнее рвение и решимость во чтобы ни стало исполнить свое намерение. Андриаки был в расстоянии трех миль от Мира. Они послали туда двух богомольцев, пришедших с ними из Антиохии, дабы обстоятельно изведать, как можно бы им войти в столь опасный город. Богомольцы, возвратясь, известили их, что церковь св. Николая в уединенном месте, что нет при ней духовенства, кроме трех монахов, и что около нее нет народа.

Баряне воспользовались благоприятной минутой: некоторые оставлены при судах, а 47 из самых отважных, взявши с собою оружие, в сопровождении двух барских иереев, по имени Дон Лупо и Дон Гримоальдо, пошли в Мир[ы]. Пришед к церкви святого, они сложили оружие и набожно вошед спросили у монахов, где лежат мощи св. Архипастыря. Монахи указали гробницу, откуда черпали миро, говоря, что, по древнему

¹⁹ Что действительно мощи св. Николая Чудотворца находятся в Бари, а не в Венеции и ни в каком другом городе, подтверждается свидетельством многочисленных и достоверных писателей и сверх того весьма древними римскими Минеями, где под днем 9 мая, сказано: *Barii quoque in Apuliâ Translatio s. Nicolai Episcopi ex Mira civitate Luciae*. Этим ясно указывается ошибка графа Дарю, введенного в обман, вероятно, каким-нибудь венецианских хронографом, когда он в известной своей истории Венецианской республики уверяет, что мощи св. Николая привезены в 1099 году в Венецию и помещены в часовню на Лидо. Полагать должно, что произошло недоразумение от того, что спустя двенадцать лет по перенесении мощей Чудотворца в Бари венецианцы привезли в свое город мощи другого св. Николая. – *Прим. А.Н. Волконского.*

неизменному преданию, там лежало тело святителя; и тут же губкою собрали мира, которое баряне перелили в многие скляницы. Они же себя выдавали за посланных от Римского иерарха, которому, говорили они, явился во сне святитель и изъявил веление перенести его останки из Мира в область Апулию. Они предложили монахам триста пиастров. Монахи отказались от предложенной суммы и сказали, что никогда не лишат родину свою такого сокровища, которого они даже не хотели отдать монархам Цареградским, хотели бежать и звать народ на помощь, но баряне их удержали силою: сорок четыре человека из них стали с оружием вне церкви, дабы дать товарищам время окончить столь желанное похищение.

Тогда иереи Лупо и Гримоальдо начали читать молитвы с большим страхом, не веря еще совсем: тут одна из скляниц с миром, поставленная иереем Лупо на подножии столпа, упала оземь и не разбилась. Баряне увидели в этом случае поощрение и помощь от угодника. Один из них, молодой и пламенный, именем Маттео, обнажив меч, грозил смертью одному монаху, если он ему не укажет со всею точностью место, где лежат самые мощи. Старший из монахов, удержав пылкого юношу, сказал ему, что по истине из прежде показанного места добывается миро, что там же покоится святитель, но что он никогда не дерзал брать части от его мощей.

Он добавил еще, что год тому назад святитель являлся монахам и угрожал избрать другое место в иной стороне для своих останков, если жители Мира не решатся возвратиться в свой город и не воздадут ему прежней чести.

Маттео, веря этому объявлению, берет тяжелый молот и всеми силами разламывая мраморный помост, открывает самую раку святого. Другие баряне страшлись продолжать работу, но Маттео, подстрекаемый двумя иереями, решается сокрушить в куски верх каменной раки, откуда излилось благоухание, которое чувствовали не только предстоящие люди, но даже и моряки барские, оставшиеся на судах у берега морского. Рака была переполнена до половины миром. Маттео погрузил в него правую руку и вынул по частям мощи святого,

которые принимал иерей Гримоальдо на принесенный им новый плат. Тут они увидели, что недоставало главы Чудотворца.

Маттео не мог одной рукой ее отыскать; для того весь погрузился в разломанную раку и вышел оттуда мокрый от драгоценной влаги и с честною главою в руках.

Не выходя еще из храма, баряне пытались снять со стены древнюю чудотворную икону Святителя, но при всех усилиях не могли ее сдвинуть с места.

Тогда иерей Лупо взял на рамена священный клад, от коего не чувствовал никакой тяжести: только от него беспрестанно капала благоуханная влага. Они все поспешно возвратились к судам, исполненные радости, воспевая церковные песни и прославляя великую милость Божию и предстательство его всехвального угодника Николая.

Потом мощи обернуты были другим белым платом и положены в маленькую бочку, дабы сохранить текущее миро. После краткого спора решено было, что мощи должны храниться на ладье отважного Маттео.

Между тем монахи-сторожи лишь только остались одни, побежали к мирийцам: народ вышел с отчаянием и громким воплем и толпами спешили на берег моря. Баряне только что распустили паруса. Ликийцы плакали и упрекали иноземцев, пришедших к ним для похищения их заступника и отца: иные рвали на себе волосы и бороду; другие хватили руль и весла, умоляя барян оставить им хотя часть мощей, хранимых в их стране в продолжении осьми веков. Баряне, уверенные, что тело святителя должно покоиться в их граде, ревностно желали сим небесным даром обогатить родину, но тронутые отчаянием ликийцев, старались их утешить, говоря, что угодник сам, чудным явлением, их подвизал к учиненному предприятию, что св. Николай, столь долго покровительствуя городу Мир, ныне восхотел осчастливить и другой край, но что в утешение потерянного честного его тела, оставалась рака полная многоцелебного мира и чудотворный образ. Ликийцы, вне себя от гнева, бросились на одного из монахов-сторожей, понося его за то, что он дал себя подкупить и начали его бить, но видя, что побои не причиняли

ему никакой боли, изумились и признали его невинность. Долго они рыдали, пока баряне, на полных парусах, удалялись от берега. Вопли слышны были в море: сами баряне проливали слезы, когда до них доходили стоны ликийцев.

Суда продолжали путь счастливо: на следующий день подул северный ветер и должно было повернуть по направлению к городу Патару²⁰. Баряне утрастились, думая, что угодник не хочет расставаться с берегами Ликии: вместе с тем боялись преследования, ибо Патара в небольшом отдалении от Мира, и потому утомленные от дороги, они причалили на время в Макри. Там рассуждали, от чего после трехдневного пути они не много двинулись вперед.

Они спрашивали, точно ли это мощи св. Николая, другие боялись, что прогневали святого смелым своим поступком; третьим пришло на ум, не взял ли кто-либо из товарищей, по чувству усердия и веры, частицу мощей из деревянного сосуда: тогда остановились на этой догадке, принесли Евангелие и каждый из мореплавателей обязан был поклясться, что не похитил ни малейшей части мощей.

Пятеро признались в этом проступке и отдали похищенные части. Тогда море успокоилось и подул благоприятный ветер. Мореплаватели поняли, что их долг привезти в Бари весь драгоценный клад и с тех пор путь их продолжался счастливо. Одному из моряков, по имени Дисигию, явился во сне старец, который сказал ему: «Не бойтесь и не унывайте духом: я Николай, есмь с вами, и дабы дать вам в том успокоение, скажу что в двадцатый день войдете вы в гавань города Бари».

Прибыв наконец в гавань св. Георгия в пяти милях от Бари, они послали нарочного в город с радостной вестью и вынув мощи из бочонка, усердно их лобызали и переместили в деревянную раку, построенную ими во время плаванья. Некоторые

²⁰ По свидетельству многих древних жизнеописателей святого, он родился в Патаре, что в Ликии в Мирской епархии. В некоторых древних минеях находится и праздник честь его рождения 26 июня на подобие св. Иоанну Предтече. – *Прим. А.Н. Волконского.*

из жителей Бари спешили на ладьях, чтобы первым узреть столь славного угодника, ими уже давно чтимого. Толпа стояла у берега. Духовные чины в облачении шествовали на встречу для принятия мощей и не медля дали знать через гонца о великом событии архиепископу Барскому Урсоне, который был тогда в г. Трани и готовился с своим архидиаконом Иоанном отплыть в Иерусалим на поклонение святым местам.

Жители в тоже время узнали, что счастливые мореплаватели, окончив столь вожделенный поход произнесли обет построить новую церковь на дворе бывшего греческого Катапана. Большая часть городского населения, согласно этому обету, хотела, чтобы останки св. отца Николая были хранимы в новой церкви; другие предпочитали выбор городского собора²¹. Видя такое разделение мнений, настоятель бенедиктинского монастыря, по имени Илья, отправился на ладье, приложился к честным мощам и уговорил возвратившихся мореплавателей перенести тело угодника в церковь его обители, пока будет строиться новая. Так и было исполнено, ибо настоятель Илья слыл человеком благочестивым. Вокруг обители стали моряки с оружием в руках, страшась мести противной партии, раздраженной тем, что соборное духовенство не успело опередить настоятеля Илью.

²¹ Этот собор замечательный архитектурный памятник. Там хранится икона Богоматери в богатой ризе с драгоценными камнями. Икона прекрасного греческого письма. Это тип весьма известного в Италии образа, называемого *Madonna di Constantinopoli*. Он привезен в Бари в V веке греческим семейством Калигеров, переселившимся в Апулию, как в греческую провинцию. В 1845 г. архиепископ Барский послал в Палермо императору Николаю I скляницу с манной от мощей святителя. Император благодарил архиепископа пожалованием перстня, украшенного рубином и бриллиантами. Этот перстень прикреплен к ризе образа Константинопольской Богоматери. – *Прим. А.Н. Волконского.* [Первоначальная византийская икона, попавшая в Бари, скорее всего, не раньше VIII в., исчезла в позднем Средневековье; икона, находящаяся ныне в Кафедральном соборе Бари, относится к XVI в. – *Прим. ред.*]

Архиепископ Урсоне прибыл вскоре: тотчас поспешил поклониться честным мощам, но настоятельно требовал их для Собора и не хотел допустить построения нового храма. Вслед за тем между двумя партиями возгорелась сильная вражда, кончившаяся даже вооруженной стычкой, в которой легло четыре человека. Меж тем как кровавая распря происходила под стенами бенедиктинского монастыря, некоторые из моряков вспомнили, что двор Катапана, тогда уже принадлежащий герцогу Рогеру, пользуется правами патронатства, открыли незамеченную дверь в монастыре со стороны моря и оттуда вынесли мощи угодника и поставили их в церковь св. мученика Евстахия, стоящую в округе Катапанских чертогов, зависящую от гражданской власти.

Тогда кончились раздоры и архиепископ разрешил строить новый храм и торжественно шествовать в сопровождении пришедших многих других епископов, всего соборного духовенства, всего клира и толпы народа, без обуви, до церкви мученика Евстахия на поклонение телу великого угодника.

В воспоминание перенесения мощей Николая Чудотворца, кроме церковного известного праздника, баряне до ныне ежегодно на кануне (то есть 8-го мая) на двух связанных лодках, отвозят изображение святителя в гавань св. Георгия и после вечером идут за ним на многих пестроукрашенных и ярко освещенных ладьях.

Звонят колокола, гремит музыка и радостная пальба из маленьких орудий. В Бари справедливо считают этот день общим городским праздником.

III.

От давности почитания св. угодника Николая скажу только, что, по крайней мере на Востоке, оно начинается тотчас по представлении святителя: на запад, особенно в Италии, с V-го столетия. В VI-м веке папа Григорий Великий построил в Риме церковь св. Николая in Carcere Tulliano. В Апулии, стране зависевшей от императоров и иерархов цареградских и где

восточные церковный обряд сохранялся до завоевания норманов, строилось много церквей во имя чудотворца. В самом Бари основан николаевский монастырь в 1033 г., три церкви названы S. Nicolaus de Grecis, S. Nicolaus super porta vetera, S. Nicolaus ad Montem. В 1044 построена такая же церковь в Венеции на Лидо; тоже в Мессине в 1080 г., а в 1030 году французский король Роберт основал в Париже храм во имя святителя.

Св. угодник представляется на иконах в Бари и во всей Италии с Евангелием в руках, над которым видны три золотых шара в память трех узлов со златом брошенных им в дом несчастного отца, готового из нищеты жертвовать честью своих дочерей: *на одной стороне*, представляется отрок Василий, сын Агриков, спасенный предстательством святого из руки сарацинов, *на другой стороне*, представляются три отрока, выходящие из бочки. Некоторые из жизнеописателей святого рассказывают, что когда он ехал на Никейский Собор, содержатель одной гостиницы подал ему вместо соленой рыбы человеческого мяса: перед тем содержатель умертвил трех отроков, разрубил их тела на куски, напичкал солью и держал в бочках. Святитель, Божией помощью узнав о преступлении, сошел с хозяином в погреб, начал его упрекать в учиненном злодеянии и желая внушить ему душевное раскаяние, умолил Бога оказать чудо: в тот же миг открывается бочка, и отроки воскресают лику, величая Бога и благодаря святителя.

Над главою св. Николая в небесах изображается Спаситель в Евангелием и пресвятая Богородица с архиепископским омофором.

По свидетельству одного из жизнеописателей угодника подобное явление повторялось два раза; перед избранием его во епископы, и на Никейском Соборе, когда он за удар, данный им Арию, лишен был, отцами Собора, святительского облачения.

В предыдущей главе упомянуто об основании нового храма над мощами святого вскоре после их перенесения в 1087 году. В июле того же года окончена была нижняя церковь, где покоятся мощи св. Николая. Во время строения, много было дивных явлений; исцеления безнадежных недугов умножили молву

о чудесах нового небесного покровителя и со всех сторон стекался народ, даже из дальних стран, и сего ради все от конец земли правовернии иже с верою притекающие к честней раце мощей его обильную приемлют благодать²².

В октябре 1087 года приглашен был на освящение главного алтаря Папа Урбан II. Настоятель Илья (после Архиепископ Барский) управлял постройкой и видя, что недоставало ему одной мраморной колонны в нижней церкви, заменил ее простым столпом, для поддержания свода.

Накануне для освящения нового алтаря, вовремя вечерней службы у самой раки, все городские колокола звонили сами собою, народ сбежался в церковь и с изумлением увидел при открытых дверях и при зажженных свечах и лампадах, св. Николая в архиерейской одежде, ставившего мраморную порфиновую колонну, вместо временно поставленной. За сим святой исчез.

Эта колонна до сих пор видна и окружена для предохранения железной решеткой.

В 1520 году, архиепископ Мефодий, экзарх всей приморской Азии, был в Бари со многими богомольцами на поклонение мощам; увидав вышереченную колонну, он дал письменное удостоверение, что эта та же самая колонна, которая (по свидетельству хронографа Метафраста) чудотворным образом доплыла из Рима до Мир, еще при жизни Николая Чудотворца и была им самим поставлена у архиерейского места в соборе. В этой церкви (в 1094) Петр Пустынный молился у раки святого Николая и созывал всех пламенных вождей Италии, Франции и других стран на первый крестовый поход.

В продолжении веков, от XI-го до XIX-го, сколько разноплеменных поклонников стекалось на молитву в этот святой храм.

Вспомним теперь, что в нем во время итальянской войны 1799 года, когда русский отряд явился в Бари, полковое духовенство служило молебн чудотворцу.

²² Из кн.: Служба, житие и чудеса иже во св. отца нашего Николая Арх. Мирликийского, напеч. в московской Синодальной Типографии. – Прим. А.Н. Волконского.

Церковь имеет тип всех церквей XI-го века, известного стиля называемого по-разному стран, романским, лонгобардским, саксонским или норманским. Низкий свод с перекрестными арками поддерживаемый рядами колонн.

Алтарь святого и намет серебряные с выдающимися рельефами изображающими события из жизни св. Николая и его чудотворения. У подножия алтаря отверстие, позволяющее коленопреклоненному человеку взойти головой и половиной туловища: перед вами мраморная доска, покрывающая раку; в доске овальное отверстие, через которое [с] помощью спущенной туда свечи, видна часть костей угодника, от которой отделяется каплями манна (миро). Эту манну собирают губками и переливают в сосуды.

Для поклонения самим мощам святого, нужно присутствие одного каноника, читающего при том особую молитву.

Очевидно, что расположение самой гробницы и меры предосторожности, затрудняющие доступ к ней, приняты были еще в то время, когда похищение мощей считалось поступком дозволенным.

Влага, отделяющаяся от мощей святого, называемая то миром, то манною, имеет вид чистой воды. Я видел скляницы, налитые в XVI столетии; в них отсед²³ в виде блесков, но вкус свежей неиспорченной воды.

В ризнице достойны замечания подаренная Карлом II²⁴, сыном Карла Анжуйского, часть животворящего креста; терние из тернового венца, привезенные из Палестины французским королем Людовиком и икона, в богатом серебряном окладе, св. Николая, поднесенная в 1319 году, Урусием царем сербским: на этой же иконе представлен сам царь и супруга его Елена²⁵.

²³ Осадок.

²⁴ Король Неаполя Карл II Хромой Анжуйский (1248–1309) был сыном Карла I Анжуйского и Беатрисы Прованской. Его отец Карл Анжуйский был титулярным королем Иерусалима и скорее всего святыня, Св. Крест, перешел по наследству сыну.

²⁵ Эта икона — дар сербского царя Стефана Уроша III, сделанный им в 1327 г. в знак благодарности за чудесное возвращение зрения.

Сын того же царя покрыл мраморную раку святого серебряными плитами.

В 1724 году²⁶ русский путешественник пешеходец Василий Григорович — Барский²⁷ дал своим современникам описание церкви, где почивают останки святого Николая: описание совершенно верное и доселе, как церкви, так и обряда учрежденного для поклонения мощам.

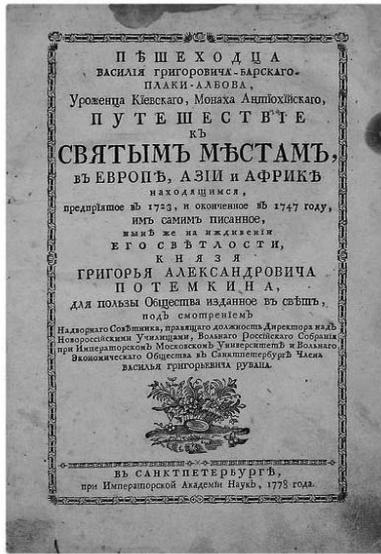
Следуя примеру гр. М. Т-ва, автора книги «Жизнь и чудеса св. Николая Чудотворца», вышедшей в Москве в 1841 году²⁸, мы дополним отрывок из наших путевых записок, рассказом русского пешеходца.

„Едва в воскресенье, 28 июля, 1724 года, поздно в вечеру, ради болезни ножной, достигох Бара града, тогожде дня и спутник мой Иустин прииде тамо по утру, и совокупившеся паки, идохом к гостинице святителя Христова Николая, стоящей при церкви, в ней же мощи его опочивают; в той гостинице всякому приходящему peregrину (страннику) даются через три дня обеды и ужины; и три раза к пренощеванию свободно. Снисдохомся же тогда не вем 10 или 12 человек, и по всегдашнему своему обыкновению оглядевши всех

²⁶ Путешествие ко святым местам в Европе, Азии и Африке находящимся. Напечатано в С.П.Б. в 1778 году. — Прим. А.Н. Волконского.

²⁷ По обету после исцеления язвы на ноге В. Барский ходил пешком в Бар-град («Мне же не бысть толь желанье до Рима, говорит Барский, елико до Св. Христова Николая в Бар-град; егда-бо еще целих оную предреченную великую язву на нозе моей, обещах Богу по исцелении подъяти далекий путь в благодарение благодати Его» // *Гиляревский А.К.* Русский паломник Барский // Русский архив. 1881, 1 (1). С. 64, прим. 13.

²⁸ Граф Михаил Владимирович Толстой, врач и литератор. Его перу принадлежат жизнеописания святых и русских подвижников, в числе которых и житие свт. Николай, Мир Ликийских чудотворец (*Толстой М.В.* Жизнь и чудеса святителя Николая Чудотворца. М., 1841: книга выдержала шесть изданий).

патенты, представиша нам трапезу честну и по довольней мере вина; по снедении же и благодарении введе нас страннопримник внутрь гостиницы, и даде всякому свое ложе, и спяхом. Заутра же в понедельник идохом в церковь, в ней же опочивают святая мощи чудотворца Николая; вшедши же нам тамо и созирающим, где мощи святого, и не обретохом; видехом-же множества народа с женами и детьми, входящих внутрь и исходящих вон ступеньми каменными, тако уразумехом, яко тамо суть мощи, и текохом абие в след их под спуд великия церкви десным входом; два бо суть тамо входа, единаче созданные, един одесную и един ошуюю; тогда вшедшим нам внутрь, обретохом тамо иную церковь лепу, но не велику, яко до половины верхней, кратка бо зело и низка, токмо широка, якоже и верхняя, ея же верх поддержится двадцатью шестью столпами, иже все подобятся в дел, точию един разнствует, меньший бо тонкостию от прочих, и огражден решеткою железною; престолов точию два иматъ, един начальный и другой подначальный;

на них же священники на всяк день от утра до полудни непрестанно совершают мису (обедню). Престол первоначальный есть весь среброкован хитростным и лепотным художеством; стоит же по среди церкви верху гроба святителя Христова Николая. Подножие церкви тоя вельми гладкими и чистыми дсками мраморными устлано есть; верх же ея весь лампадами серебряными украшен многочисленными от них же суть вяще яко пятьдесят; там мы слышахом литургии Римским наречием и обыкновением отправляемая, и по обычаю путническому помолышеса по силе своей лобызахом гроб святого, понеже мощей не отверзаху в то время, не имут бо Римляне сего обыкновения, кроме великой потребности; престол же оный великий есть, загражден с преди в подобие вертограда балясами, от мрамора искусне сеченными; на той убо ограде ошуюю стоит в потире, или чаше серебряной манна от мощей святого Николая, истекающая яко вода, и часто к ней приходя един от священник помазует на челе крестообразно тех людей, которые по выслушании мисы хотят отходити, тамо и мы приходихом многократно и²⁹ помазахомся манною оною; недалече же того потира на другой стране в стене в малом ковчежце за решеткою железною есть отделенная часть сухая мощей святителя Христова Николая, идеже людие приходят и касаются перстами, досягающе чрез решетку и лобызающе персты своя, чесому и аз участником быти сподобихся; едва же излезехом оттуда вон в церковь великую, которая на верху стоит, видехом и строение ея лепо и честно зданно, три врата великия входныя имущее с столпами каменными и подножием каменным, пространно в долготу, высоту и широту расположеное; медлящим убо нам в Баре граде чрез три дни на вечерю и ношевание ходяще к вышеписанной гостинице, в день же потребная себе пред уготовляюще; бывахом же на всяк день на правиле церковном в храме святого Николая, и о многих вещах вопрошаючи ово от священник, ово от людей увестихомся, яко суть тамо близ церкви торговые лавки четрые,

²⁹ Здесь переход со страницы на страницу спутан: вместо текста 31-й стр. идет текст с 32-й.

продающие сосуды стеклянные различного вида и образа, имущие на себе икону святителя Христова Николая изображенную, суть же неции зело малые, неции зело хитростне и лепотне созданные; сосуды же оные продаются праздно, ради взятия манны Святаго Николая от мощей его проистекающей, которая от церкви его раздается всем требующим; неции же сосуды, иже суть зело мало, наполнены и запечатаны крепко, продаются с манною, от них же и аз купих неколико сосудцев наполненных, и два праздных, и идох и наполних я в церкви, и спутник мой Иустин такожде: сосуды же оные строятся коштом церковным, и собранные за них деньги на управление церкви и снабдение гостиницы путнической употребляются. Мира или манны тамо дается довольно, елико кто хочет, токмо сосуды да будут куплены из лавок церковных, на них же есть изображение святого Николая, кроме бо тех в иные отнюдь не дают; суть тамо священницы именуемые стражи гроба святого Николая поставленные, иже суть в отменной чести, сии блюдут опасно себе, людии и гроб святителя Христова Николая и сохранно ходят около святынь церковных, такожде раздают требующим оную воду, юже они тамо именуют Sancta manna, то есть Свята манна, и прочая потребная церкви творят.

В городе Баре находится восемь мужских и четыре девичьих монастырей. Бар град оградю каменною огражден есть лепо, со враты от камене сеченнаго зданными; окрест града суть много садов миндальных и иное овозие имущих, виноградов же маслин велие изобилие; тамо пашен мало, от пристанища же морскаго много живет всяких вещей, понеже множество чужестранных и окрестных людей с корабли тамо приплывают и куплю деют.

Пред уготовавшим же нам вся тамо в Баре граде, и уже хотящим изыти, зело жалехом яко не видехом целых мощей святителя Христова Николая, и како от них истекает манна, никому бо отверзают гроба; мы же просихом зело прилежно всех оных стражей гробу Святителю Христова глаголюще: яко мы от толь далечайших стран не возленихомся приити, единаго ради того, да видим и лобызаем мощи угодника Божия; ныне же тщи

отходим в желании, како убо и что проповемы иным не видевшим, не увидевши сами и прочая. Умилиосердився же прошению нашему, повелеша замедлити нам к вечеру и ускорити в церковь пред вечернею прежде даже не снитися людям, отай хотяше нам отверзти гроб Святаго, да не будет зазор в людях, понеже не имут обыкновения николиже показывати, мы же сотворихом якоже нам повелено бысть, и егда приидохом пред вечернею в церковь, поведе нас еkkлесиарх в скарбницу (ризницу) церковную идеже разныя святыни содержатся; показав же нам мощи святых подробну, ихже множества ради воспомнити не могу, последи же поведе нас в оную вышеписанную церковь, яже есть под спудом верхняя церкви, к великому олтарю от сребра кованному, и отверзе среди малыя дверцы, яко точною человеку мощно вползти чревом, вползе же первее до пояса тамо сам он ключехранитель и зажже мал светильник, да зримо будет; влезох же аз по нем и мнех раку отверзту быти, якоже в наших странах повсюду святых рака отворяется, и подобна есть ковчегу, или просто рекши сундук; тамо же не тако, рака бо мощей святого никако же отверзается, понеже от мрамора иссечена толсто и широко, аки некий сосуд или ковчег, и глубоко в землю, яко на пять пядий, равно с подножием престола поставлена недвижимо, и дскою великою такоже от мрамора иссеченною привалена крепко. Сквозь оной дски мраморной сверху есть оконце просеченное, круглое и невеликое, яко может ефимок или рубль покрыти его; бысть же над оным оконцем на цепочке железной внутрь зажженная свеща и завешана глубоко, яко до половины раки и влезши аз тамо, положих едино око над оною скважиною и видех раку оную мраморну глубочае локтя в земли, аки кладезь до половины воды или манны имущую, яже аки наичистейшая вода светла есть и сквозь ю под спудом зрятся кости белыя, от них же она вода исходит непрестанно; тело же расплыся в миро. Егда же излезох аз оттуда, влезе по мне друг мой и спутник Иустин. Вопросы же мя оный священник, иже отверзе гроб святого, еда ли видех добре? Отвещах, яко видех, токмо не могу уразумети, како тамо (яко же прежде от многих слышах и чтох) от колена деснаго истекает миро святого. Он же рече ми,

яко от колена деснаго точию начат миро точитися, ныне же равно от всех костей исходит. Егда же излезе Иустин, паки аз смотрех вторицею, и уразумех лучше. Таже вопросихом стража гроба онаго: аще убо гроб никогдаже отверзается, то како почерпают миро? Отвеща, яко сквозь оное малое оконце тянут хитростне устроенным орудием. Тогда мы, за вся, яже видехом и слышахом, Богу благодарение сотворше и Его угоднику святому Николаю, изыдохом от Бара града тогожде дня, 31-го июля, в среду, пред захождением солнца.

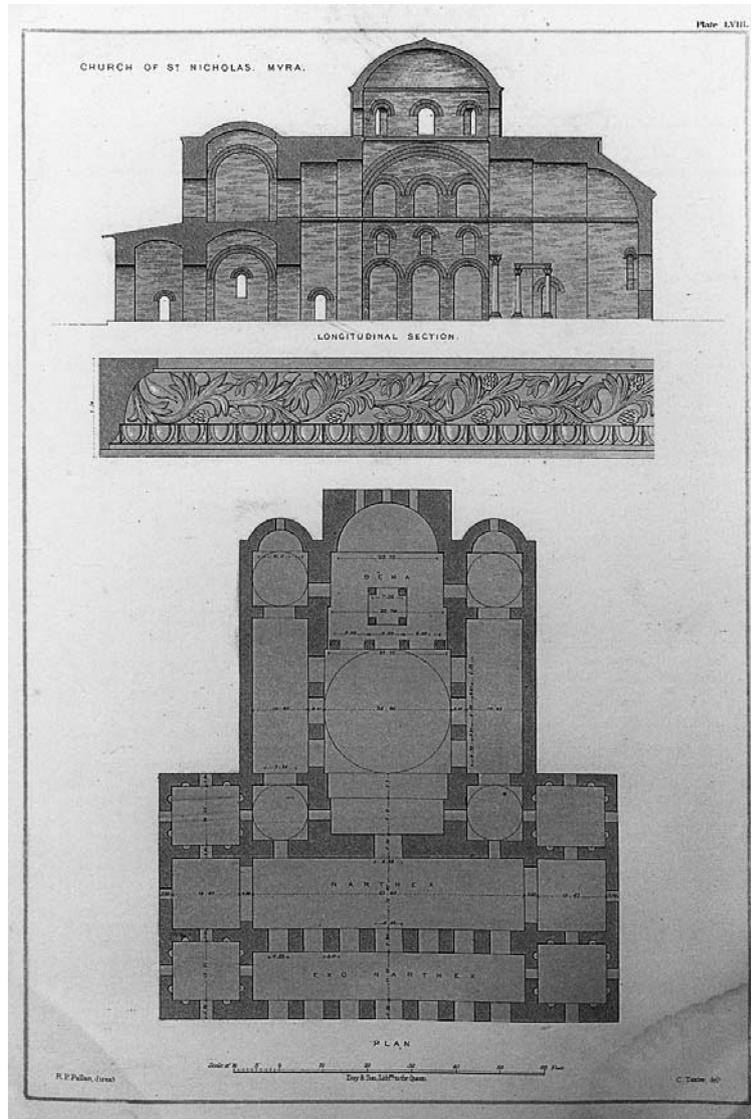
В виде послесловия можно пожелать потенциальным паломникам размышления в духе сентенций Публия Сира: — *vita otiosa regnum est, sed curae minus* — «беззаботна жизнь царская, но (не) без забот»; смысл слова *otiosa* переводится не как «безделье», но как «досуг». До определенного возраста у римлян было времяпровождение, когда вся их жизнь посвящалась государству, но потом, бывало, что они могли отойти от дел и тогда римлянин мог заниматься огородом/садом (хозяйством), путешествовать или писать/читать книги. Наверное, о том, на что намекает Публий Сир, сказал до него Соломон: *Vade ad formicam...*³⁰

³⁰ «*Пойди к муравью* ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притчи Соломона, 6:6). Пользуясь удобным случаем, в силу того, что в этом нуждаюсь я, а не они, благодарю протоиерея о. Вячеслава Бачина, любезно предоставившего мне возможность некоторое время проживать на Подворье в Барграде и в «одиозности» досуга осмыслить концепцию данной статьи; выражаю также свою признательность историку М.Г. Талалаю, подтолкнувшему меня к собиранию и комментированию материала, посвященного свт. Николаю Чудотворцу.

УЧАСТИЕ РУССКОГО МОНАШЕСТВА В ВОЗОБНОВЛЕНИИ ХРАМА СВТ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В МИРАХ ЛИКИЙСКИХ

Возобновление храма свт. Николая Чудотворца в Мирах Ликийских на средиземноморском побережье Малой Азии (ныне г. Демре в Анатолийской Турции) в XIX в. было в основном связано с деятельностью русского Св.-Пантелеимоновского монастыря на Афоне (Руссика). В начале 1850 г., возвращаясь из своего второго паломничества в Святую Землю, этот город посетил известный русский путешественник и писатель, ктитор Руссика А.Н. Муравьев. Обнаружив на месте древнего монастыря Новый Сион лишь пребывавшие в полном запустении развалины и открытую гробницу свт. Николая Чудотворца, где их увоза в Бари в 1087 г. и покоились мощи святого, он обратился к свт. митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) с просьбой оказать помощь в восстановлении церкви в Мирах Ликийских и возможном устройстве там русского монастыря. При содействии Владыки Филарета удалось собрать необходимую сумму денег, на которую в 1853 г. при помощи российского вице-консула на о. Родос были куплены развалины церкви и прилегающие к ней участки. В 1858–1865 гг. проводились восстановительные работы – храм очистили от земли, и был возведен свод.

Значительное участие в этом деле принял российский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатъев, заинтересованный в деле создания русского монастыря в Мирах Ликийских, как по политическим соображениям, так и из личного почитания своего небесного покровителя. В 1868 г. Н.П. Игнатъев обратился к игумену Руссика о. Макарию с предложением взять на себя заботу об этом владении и послать туда несколько монахов. Братия Пантелеимонова монастыря первоначально приняла это предложение не особенно охотно, опасаясь конфликтов

Храм св. Николая в Мирах, план французского археолога Ш.-Ф.-М. Тексье (1864)

с Константинопольской Патриархией и не видя в этом для себя материальных выгод¹. Тем не менее, о. Макарий в начале 1870-х гг. послал в Миры Ликийские двух монахов, которые поселились вблизи церкви и приняли ее в свое заведование. После этого они обратились к Н.П. Игнатьеву с просьбой ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении сбора пожертвований в России для дальнейшего устройства церкви².

Не дожидаясь начала этого сбора, монахи Пантелеимонова монастыря с помощью присланных из своей обители инструментов развернули в церкви восстановительные работы, которые производились вплоть до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. под наблюдением российского вице-консула на о. Родос Юговича³.

Указ Святейшего Синода о разрешении сбора пожертвований в течение одного года был издан в начале 1875 г. Командированные в Россию иеромонах Афанасий и монах Варсонофий получили паспорта и сборные книги только в середине 1876 г., незадолго перед началом русско-турецкой войны. Они привезли с собой частицы мощей св. вмч. Пантелеимона, свт. Николая Чудотворца, часть Животворящего Древа Господня и список афонской

¹ Конфликты с греческим духовенством, действительно, возникли: оно усмотрело в этих проектах «панславянскую угрозу». Отголоски неприятия русской инициативы в Мирах встречаются и поныне; см., к примеру, книгу здравствующего митрополита Хризостома (Калаидзиса) Мирликийского (Константинопольский Патриархат): «Η Μονή της Νέας Σιών των Μύρων και αι βλέψεις των Ρώσων επ αυτής» (1990). – *Прим. ред.*

² Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном востоке (1878–1898). М., 2006. С. 360–395; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX - начале XX вв. М., 2006. С. 271–280.

³ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Оп. 10. Док 359. Л. 4.

Первоначальная рака святителя в Мирах

чудотворной иконы Божией Матери «Скоропослушницы»⁴. При этом принесенная с Афона икона отличалась от известного образа «Скоропослушницы». На нем Божия Матерь была изображена без Младенца – оглавно, с молитвенно простертой десницей. Этот образ был написан, как гласит предание, «по сонному видению иноку Святой Горы».

Монахи остановились в Александро-Невской Лавре, которая стала первым местом, встретившим икону в Петербурге. Время для сбора оказалось очень неудобным, и всё же в сентябре 1877 г. сборщики передали в Хозяйственное управление при Синоде 3.605 рублей, собранных за это время. После окончания войны, в 1878 г., пребывавший тогда по прежнему в Александро-Невской

⁴ Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 283.

Лавре, иеромонах Афанасий обратился с ходатайством о возобновлении сбора пожертвований и получил соответствующее разрешение.

Еще до начала Русско-турецкой войны, в 1876 г., отцы Афанасий и Варсонофий пожелали использовать для увеличения предпринятого ими сбора в пользу мирликийского храма недостроенную часовню в Петербурге, в Рождественской части на перекрестке 2-й Рождественской) улице, Калашниковского проспекта и Мытнинской улицы. Часовня была заложена осенью 1870 г., когда торговцы Старо-Александровского рынка на Калашниковском проспекте решили построить ее в память спасения императора Александра II при покушении на него революционера-террориста 25 мая 1867 г. в Париже. В 1872 г. был утвержден проект шатровой часовни во имя святого благоверного великого князя Александра Невского в русском стиле и в следующем году началось строительство. Однако собранной купцами суммы оказалось недостаточно, и жертвователи согласились на предложение иноков Руссика приписать часовню

Храм св. Николая в Мирах, современный вид

к мирликийскому храму, чтобы «доходы ее шли на его восстановление». Часовня должна была стать своего рода подворьем, представлявшим в столице Российской империи родной город святителя Николая⁵.

В докладе обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 г. указывалось:

Прибывшие, с Высочайшего разрешения, последовавшего в 1875 году, для производства в России, в течении года, сбора пожертвований на возобновление храма святителя Николая в Мире-Ликийском, иеромонах Пантелеймонов на Афоне монастыря Афанасий и монах Варсонофий, в виду незначительности собранной суммы (до 3.605 р.) просили о продолжении срока сбора. О том же ходатайствовали и строители часовни, находящейся в С.Петербурге, на Песках, во второй улице, заявляя вместе с сим желание, для большего успеха в сборе на означенный предмет, передать сказанную часовню в полное распоряжение сборщика, иеромонаха Афанасия, с причислением сей часовни навсегда к храму св. Николая в Мире-Ликийском.

Святейший Синод, имея в виду, что, по доставленным из Министерства Иностранных Дел сведениям, названный храм с прилегающею к нему землею приобретен в русскую собственность более 20 лет тому назад, и что работы по возобновлению сего храма, предпринятые под главным руководством посла нашего в Константинополе исключительно нашими соотечественниками, без всякого участия местной Мир-Ликийской общины, прекращены в 1865 году лишь по недостатку денежных средств, – определил:

1) приобретенный в русскую собственность храм святителя Николая в Мире-Ликийском считать, наравне с прочими нашими заграничными церквами, состоящим в ведении С.Петербургского епархиального начальства, от которого и имеет последовать разрешение производства сбора пожертвований в России на возобновление этого храма; 2)

⁵ Там же.

для большего же успеха сего сбора, приписать к названному храму часовню, находящуюся в С.Петербурге на Песках, во второй улице, в приходе Рождественской церкви, согласно просьбе о том строителей сей часовни; 3) непосредственное заведывание часовнею, служение в оной и сбор в ней пожертвований на пользу Мир-Ликийского храма возложить на иеромонаха Пантелеймонова на Афоне монастыря Афанасия, с дозволением ему для сего пребывать в С.Петербурге, а в случае оставления иеромонахом Афанасием сказанных обязанностей или увольнения его от оных епархиальным начальством, избрание на его место другого лица предоставить усмотрению преосвященного митрополита С.Петербургского; 4) хозяйство часовни и отчетность в доходах и расходах сумм применить к порядку, установленному для сего в церквах наших, с тем, однакож, чтобы остатки сумм ежегодно были представляемы духовною консисториею в Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде для передачи, по требованиям Министерства Иностранных Дел, на расходы по возобновлению храма св. Николая в Мире-Ликийском; 5) применительно к существующему в церквах порядку, поручить епархиальному начальству пригласить строителей названной часовни избрать от себя попечителя оной, предоставив ему действовать по отношению к часовне согласно инструкции, изданной для церковных старост.

Можно надеяться, что за сим сбор пожертвований увеличится, и восстановление храма святителя Николая в Мире-Ликийском, – святыни, чтимой как в России, так и на всем православном востоке, – не замедлит осуществиться»⁶.

28 августа 1878 г. игумен Макарий и о. Иероним написали Н.П. Игнатьеву о получении разрешения по ходатайству посла иметь «для Мир-Ликийской» в Петербурге часовню⁷.

⁶ См.: [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<http://ippo.ru/history/bari/3/2/> (дата обращения 25 января 2015 г.)

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 3026.

На собранные монахами Св.-Пантелеимоновского монастыря средства часовня св. кн. Александра Невского была достроена и 6 декабря 1879 г. освящена митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским) в присутствии графа Н.П. Игнатьева. Ее настоятелем (заведующим) был назначен иеромонах Афанасий, весной того же году написавший и опубликовавший в Петербурге «Сказание о Александро-Невской часовне», в котором отмечал:

В настоящее время, за последовавшим заключением мира между воевавшими державами, есть достаточное основание предположить, что сбор добровольных приношений для вышеуказанной цели может быть успешнее. К утешению читателей памяти Св. Николая, мы считаем долгом с благодарностью прибавить, что еще в прошлом 1878-м году торговцы Александровского рынка в С.-Петербурге, движимые чувством благоговения, единогласным приговором ходатайствовали о дозволении им передать построенную ими часовню во второй улице на Песках в ведение Мир-Ликийского древнего храма чудотворца Николая в полуразрушенной его обители, для скорейшего восстановления и обновления дорогой всем православной святыни.

Правительство милостиво обратило внимание на усердную просьбу боголюбивых общественников; с благословения Святейшего Синода и с Высочайшего разрешения последовало определение, согласно просьбе строителей часовни; сделано распоряжение о приписке сей часовни к вышеупомянутому храму, с возложением непосредственного заведывания сею часовнею на прибывшего для сбора пожертвований в пользу упомянутого храма Иеромонаха Афанасия из русского на Афоне Пантелеимонова Монастыря. Санкт-Петербургское Епархиальное начальство выдало этому Иеромонаху, пребывающему в Александро-Невской лавре, и книгу для производства сбора пожертвований. Нет сомнения, что ревнители православия, приветствуя с душевною признательностью всех участников настоящего св. дела, и со своей стороны отнесутся

с живейшим сочувствием к восстановлению памятника святой веры и не откажут добротным даянием пополнить источник средств к возобновлению древнего святилища...

В часовне будут поставлены снимок с древней иконы Божией Матери Скоропослушницы, крест с частью животворящего древа и части мощей Николая, Пантелеимона и других угодников Божиих. Но для окончательного устройства ее и приведения в подобающее православной святыне благолепие потребуется еще много издержек, потому что строители часовни предали ее вчерне; а также и успешное возобновление древнего храма святителя Николая в полуразрушенной его обители поставлено в тесную зависимость от великодушия русского общества, богатого усердием ко святому делу⁸.

Отцы Афанасий и Варсонофий передали в Александро-Невскую часовню все привезенные ими со Святой Горы святыни. После ее открытия афониты стали регулярно совершать молебны перед ними, в том числе пред образом Божией Матери «Скоропослушницы». Однако уже в августе 1880 г. вследствие возникших разногласий строители часовни попросили отозвать иеромонаха Афанасия обратно на Афон⁹. В 1881 г. отцы Афанасий и Варсонофий вернулись в Свято-Пантелеимоновский монастырь. Тем ни менее сборы на храм в Мирах Ликийских в часовне продолжались и ежегодно приносили две-три тыс. рублей.

Осенью 1885 г. в Александро-Невской часовне произошел пожар, в результате которого она сгорела дотла. Однако бедствие послужило прославлению иконы Божией Матери «Скоропослушницы», которая была обретена нетленной на пепелище. Это чудесное

⁸ См.: Иеромонах Афанасий. Сказание о Александро-Николаевской часовне: Записка о часовне, устрояемой в С.-Петербурге на Песках. СПб., 1879.

⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3026.

событие способствовало увеличению сбора пожертвованных на храм в Мирах Ликийских. Общая сумма собранных в 1885 г. средств составила свыше 70 тысяч рублей. Они были переданы Императорскому Православному Палестинскому обществу, основанному в 1883 г. и располагавшемуся поблизости – на Мытнинской ул., 10. В ведение этого общества в 1888 г. была передана и восстановленная после пожара Александро-Невская часовня. Председатель Палестинского общества великий князь Сергей Александрович принял на себя звание почетного ктитора часовни. Управление ее хозяйственной частью было возложено на особое попечительство во главе с ктитором часовни графом Н.Ф. Гейденем. После гибели в 1905 г. в Москве от руки террориста-эсера Каляева великого князя Сергея Александровича, часовню расширили, сделали на ней главки и преобразовали в храм свт. Николая Чудотворца и св. кн. Александра Невского, освящение которого произошло 30 ноября 1905 г., но простояла эта временная церковь недолго¹⁰.

Императорскому Православному Палестинскому обществу, несмотря на все попытки, не удалось разрешить «мирликийский вопрос» и добиться разрешения у турецких властей полностью возродить древний храм. В 1910 г. собранные средства решено было употребить на постройку русского подворья в Бари, так как там находились мощи свт. Николая Чудотворца. В 1911 г. Императорское Православное Палестинское общество учредило Барградский комитет для постройки храма в Бари, которому передали 246,5 тысяч рублей, собранных на церковь в Мирах Ликийских (храм свт.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 188. Д. 2401; Ф. 797. Оп. 40. Д. 130а; Оп. 75. Д. 243; Ф. 799. Оп. 26. Д. 11, 1376; Ф. 1287. Оп. 40. Д. 802; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 787. Оп. 17. Д. 251; Ф. 796. Оп. 153. Д. 1626.

Николая Чудотворца в основном построили в 1913–1916 гг.)¹¹. Небольшую столичную церковь свт. Николая Чудотворца и св. кн. Александра Невского заменили построенным в 1913–1915 гг. более обширным зданием Никольско-Александровского (Барградского) храма, в котором по прежнему пребывала афонская икона Божией Матери «Скоропослушницы»¹².

Ее почитателями были царственные мученики, особенно императрица Александра Федоровна. Так 1 апреля 1916 г. она писала императору Николаю II, находившемуся в то время в ставке главнокомандующего: «Мой родной и милый!.. Мы ездили в новую маленькую церковь Бари во имя Скоропослушницы и видели там дивную

«Невская Скоропослушница»

¹¹ Талалай М.Г. Бари, церковь свт. Николая Чудотворца // Русские храмы и обители в Европе / сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005. С. 147–150; Он же. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011 (глава VII «К Николае Чудотворцу», с. 141–156).

¹² Юшманов В.Д. Закладка храма во имя свт. Николая Чудотворца. СПб., 1913; Поселянин Е. Краткое описание Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг., 1916; Освящение Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг., 1917; Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1916. Т. XXVII. С. 184–203.

икону – такой чудный, кроткий лик, и во время молитвы перед ней охватывает такое хорошее чувство... Посылаю тебе маленький образок, привезенный мною оттуда». В дальнейшем эта «дивная икона» еще несколько раз упоминалась в письмах императрицы¹³. 7 марта 1932 г. Никольско-Александровский (Барградский) храм был закрыт и 20 мая того же года взорван. Привезенная с Афона монахами Свято-Пантелеимоновского монастыря чудотворная икона, получившая название «Невская Скоропослушница», в настоящее время находится в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры и пользуется большим почитанием верующих.

¹³ См.: [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<http://ipro.ru/history/bari/3/2/> (дата обращения 25 января 2015 г.)

БАРГРАДСКИЕ ХРАМЫ: ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЯТОСТИ

Святитель Николай Мирликийский – один из наиболее известных и любимых святых христианского мира. Традиция его почитания в Церквах Запада и Востока уходит в глубокую древность. В современную эпоху память о святом, мощи которого находятся в итальянском Бари и пользуются особенным почитанием на православном Востоке, имеет огромное значение для сохранения общности христианской традиции, духа Священного Писания и Предания. Паства Русской Православной Церкви всегда в горячей молитве просила помощи у святителя Николая, находя в нем своего защитника и покровителя в делах, помощника в многосложных жизненных обстоятельствах. Свидетельство тому – огромное количество храмов в честь святого и бесчисленное количество икон, запечатлевших образ Николая Чудотворца в русской культуре. Показательна также и история русского паломничества к мощам святителя, покоящихся в барградской базилике, – традиция, которая возникла более трех веков назад и поддерживалась русскими путешественниками и паломниками.

Промыслительная миссия святителя Николая как хранителя единства христианского мира недавно была явлена в уникальном по значимости событии. В 2017 г. часть мощей святого, специально извлеченная из раки в барградской базилике, была на время принесена в Россию для поклонения¹. Сотни тысяч верующих смогли покло-

¹ Договоренность была достигнута по результатам исторической встречи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Папой Римским Франциском на Кубе 12 февраля 2016 г. Хотя малые частицы мощей святителя Николая есть во многих русских православных храмах, большая целостная часть, левое

ниться угоднику Божию, совершив внутреннее паломничество². Отметим здесь позитивный факт, что сегодня российским паломникам посетить гробницу чудотворца в Бари стало намного легче. Справедливо говорить, что в современной России, почитавшей Николая Чудотворца и в самые тяжелые времена гонений на Церковь со стороны большевиков и советских властей, восстанавливается благочестивая традиция паломничества к мощам святителя в Бари.

Особое значение эта традиция, выражавшая устойчивую потребность православных русских побывать на мощах у святителя Николая, приобрела в духовно-культурной жизни России на рубеже XIX–XX веков. Именно тогда, на высочайшем уровне, при непосредственном участии российского самодержца, после неудачных попыток организовать паломнический центр в Мирах Ликийских – городе архиепископской кафедры святого Николая, было принято решение о строительстве русского подворья и храма, посвященного святителю, в Бари. В нашем исследовании речь пойдет о важном событии в истории русской культуры последнего десятилетия Российской империи, имевшем не только

ребро святого, специально была извлечена и доставлена в Россию впервые за 930 лет. Торжественную встречу святыни в храме Христа Спасителя возглавил патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Со стороны Святого Престола делегацию возглавлял епископ Франческо. Мощи св. Николая пребывали с 21 мая по 12 июля в Москве и с 13 июля по 28 июля в Санкт-Петербурге. [См. также рецензию на публикацию о принесении частицы в нашем сборнике. – *Прим. ред.*]

² Желание приложиться к мощам святителя Николая, согласно социологическим опросам, выразили 72 % российских граждан. Сообщение об этом см: Интерфакс, 26.5.2017. Эта цифра красноречиво свидетельствует о духовной потребности миллионов православных россиян в молитвенном общении со св. Николаем и поклонении его мощам.

художественный, но и религиозно-политический смысл, – о строительстве двух храмов, которые возводились параллельно и получили название «барградских», – храма св. Николая в Бари и Николо-Александровской церкви Императорского Православного Палестинского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде).

Если историко-культурные аспекты строительства выдающихся архитектурных произведений в неорусском стиле, к созданию которых был причастен ведущий архитектор русского художественного модернизма А.В. Щусев, уже стали предметом рассмотрения историков искусства³, то культурфилософский и политико-философский аспекты создания барградских храмов во имя св. Николая до настоящего времени не получили должного осмысления. Роль этого события в общественной жизни поздней Империи, ее политической и духовной культуре остается всё еще не выявленной. В данном контексте нас будут интересовать не только обстоятельства возникновения и реализации барградского проекта в Италии и России в рамках деятельности Барградского комитета ИППО, что представляет собой предметное поле исследований историков и искусствоведов, но и вопрос, относящийся к области философии российской истории, культуры и политики. Он касается культурного и религиозно-политического значения двух храмов в русской общественной и духовной жизни предреволюционного периода, их

³ Обобщающую работу с архивными и документальными материалами проделали Марианна Евстратова и Сергей Колузаков, авторы-составители альбома, посвященного проекту храма святителя Николая в Бари. Выход альбома был приурочен к выставке «Итальянские постройки Алексея Щусева», которая проходила в Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева с 15 сентября по 6 декабря 2017 г. См.: *Евстратова М.В., Колузаков С.В.* Храм святителя Николая в Бари. Проект архитектора А.В. Щусева. М.: Кучково Поле; ABCdesign, 2017. [См. рецензию в нашем сборнике. – *Прим. ред.*]

символического и провиденциального смысла для судьбы Российской Империи.

Рассматриваемый нами сюжет о барградских храмах, строительство которых было начато незадолго до вступления Российской Империи в войну, в философско-историческом контексте может быть трактован как симптом кризиса проекта модерна в России с его специфически сложившейся традицией взаимодействия высоких практик русской культуры – политической, религиозной и художественной. Для развития этого тезиса нами будет предпринята философско-культурологическая реконструкция культурной и социальной истории России, в центре которой находится интерпретация храмов в Бари и Петербурге как *сакральных топосов* русской культуры и власти, репрезентирующих идею русской культуры как историю святости, а идею монархии как верховной власти, имеющей мистическую легитимацию. Одна из задач исследования заключается в выявлении религиозной составляющей политического сознания главных участников барградского проекта, их особого понимания культурно-политической роли Российской Империи и ее религиозной миссии в жизни европейских государств начала XX века.

Основное внимание в статье уделено истории оригинального архитектурного и религиозного памятника поздней имперской культуры России – барградскому храму в Петербурге. На наш взгляд, он ярко воплощает религиозную, культурную и политическую ситуацию в России эпохи позднего модерна⁴, с одной стороны, является выражением расцвета культуры Серебряного века, ее эстетического и художественного гения, с другой стороны,

⁴ Для устранения терминологической путаницы подчеркнем, что *модерн* здесь понимается не в искусствоведческом (стиль модерн), а в историко-философском ключе, как ценностно-смысловое содержание эпохи Нового времени, ее идеологический и философский конструкт.

демонстрирует политическую и духовно-экзистенциальную драму русской монархии, ищущей опору в религиозной вере и мистических практиках.

Художественно-культурное и религиозно-политическое значение Николо-Александровского храма в русской истории можно выявить, как представляется, если рассматривать деятельность Барградского комитета и ИППО в контексте проблемы культурно-политической идентичности российской нации, активное формирование которой происходит в начале XX века. Нам предстоит ответить на ряд вопросов: почему храм в Петербурге, получивший название «барградский» и параллельно строящийся в 1913–1915 гг. с храмом св. Николая в Бари, оказывается столь политически значимым для его попечителей? Какой смысл новый храм в столице Империи постепенно приобретает для строителей, каким сакральным значением они его наделяют? И, наконец, можно ли трактовать строительство барградских храмов в начале XX века как проявление кризиса русской религиозной концепции власти, продемонстрированную приверженцами монархии в попытке спасти Империю и правящую династию?

Обратимся кратко к истории барградского проекта. Отметим, что его возникновение непосредственно связано со стремлением русского правительства обеспечить возможность паломникам беспрепятственно посещать святые места, приобщаться к святыням христианской церкви в воспоминания о Христе, жизни древней церкви, подвижничестве и подвигах святых. Во второй половине XIX века возникла идея создать русский центр в Мирах Ликийских – в городе, где служил и проповедовал глубоко почитаемый на Руси святитель Николай. Сбор общественных средств, начатый по инициативе известного православного духовного писателя и путешественника А.Н. Муравьева, продолжался почти сорок лет. После создания Императорского Православного Палестинского общества (1882), через шесть лет, в 1888 г. средства были

переданы Обществу как организации, которая специализированно занималась гуманитарной миссией в странах Ближнего Востока, оказывая содействие православному паломничеству и научным изысканиям в области палеоэтнографии и востоковедения.

В 1910 г. русскому правительству и ИППО окончательно пришлось отказаться от идеи центра в Мирах Ликийских. Причиной были непростые отношения, существовавшие между Россией и Османской Портой. На основе анализа политической ситуации, сделанной послом при Османской Порте Н.В. Чарыковым, при непосредственном участии и поддержке барградской инициативы великой княгиней Елизаветой Федоровной, произошла переориентация русских интересов в пользу идеи строительства центра в Бари. Первым шагом стала покупка земли в Бари, осуществленная частным образом. 20 января 1911 г. отец Иоанн Восторгов, член московского отдела ИППО, бывший в составе делегации в Бари, телеграфировал в Совет Общества о подписании соглашения по приобретению участка⁵.

Менее чем через 2 недели, 2 февраля Елизавета Федоровна обратилась с докладом к российскому Императору Николаю II о намерении ИППО, возглавляемого ею, возвести в Бари храм во имя св. Николая⁶. В письме к русскому монарху великая княгиня сразу подчеркнула особое значение личного участия Николая II в барградском проекте: «Конечно, единственный человек, кого, я уверена, святитель Николай желал бы во главе этой святой работы в его честь и ради твоего народа, который любит его больше

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 81. Отд. II. Ст. 3. Ед. хр. 1. Л. 16.

⁶ Будучи еще наследником престола, цесаревич Николай Александрович в 1892 г. посетил Бари и поклонился своему святому покровителю Николаю Чудотворцу в базилике, где покоятся его мощи. Это обстоятельство послужило дополнительным аргументом в пользу барградского проекта.

всех святых, – это ты, наш император, имеющий утешение носить в крещении имя святого Николая»⁷. Очевидно, что великая княгиня, убежденная сторонница монархической власти, воспринимала это начинание как живое свидетельство духовного единения русского народа со своим царем, видя в императоре мистическую личность на троне – Помазанника Божия. «Да почит на этом предприятии благословение св. Николая, и да станет это умиленное дело благословением и божественной связью между ним и твоим народом и ярким эпизодом твоего царствования – как утешение во многих скорбях, которые тебе приходится нести», – писала Елизавета Федоровна⁸.

Доклад княгини получил высочайшее одобрение. Следующим важным шагом стало утверждение 12 мая (ст. ст.) 1911 г. в рамках ИППО Барградского комитета под непосредственным покровительством императора Николая II⁹. Главой Барградского комитета был назначен вице-председатель ИППО князь А.А. Ширинский-Шихматов. В состав Барградского комитета, помимо великой княгини и князя Ширинского-Шихматова, вошел князь Н.Д. Жевахов, находившийся в делегации для покупки земли в Бари и ставший затем председателем строительной комиссии.

Проект храма и подворья Барградский комитет заказал А.В. Щусеву. Великая княгиня хорошо знала и ценила талант Алексея Щусева, реставратора-исследователя древнерусского зодчества, ярчайшего представителя «неорусского стиля», создавшего архитектурный комплекс

⁷ Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. Избранное. М.: Летопись, 2015. С. 157, 158.

⁸ Там же. С. 158.

⁹ Николай II, уделявший большое внимание нуждам Православной Церкви, был активным благотворителем. В Барградский комитет для строительства храма император и императрица первыми пожертвовали 10 тыс. рублей.

Марфо-Мариинской обители для сестринской общины милосердия Елизаветы Федоровны¹⁰. Барградский комитет рассмотрел пять вариантов, предоставленных Щусевым, над первым подвариантом которого (1С), «псковским», понравившимся великой княгине, архитектор продолжил работу¹¹. 30 мая 1912 г. эскизный проект подворья был лично одобрен Николаем II¹². О своем выборе «скромных новгородско-псковских мотивов русской архитектуры» позже Щусев высказался на страницах профессионального журнала «Зодчий». Образцом для него служило тонкое сочетание художественной свободы и вкуса, которое он находил у великих итальянских архитекторов разных эпох. Этот глубоко авторский подход к выбору эстетической и стилистической программы дал возможность мастеру прибегнуть к сочетанию элементов старой и новой архитектуры, не боясь «диссонансов и “соседств” в современных постройках»¹³, открыв ему путь к переосмыслению художественного наследия русской культуры. «Суть не в заранее придуманных эстетических и модных рецептах, – писал Щусев, – а в искусстве и вкусе, с которыми художник осуществит мысли и чувства своего времени и сочетает их в общую группу вещей прежних эпох».¹⁴ Исходя из этой

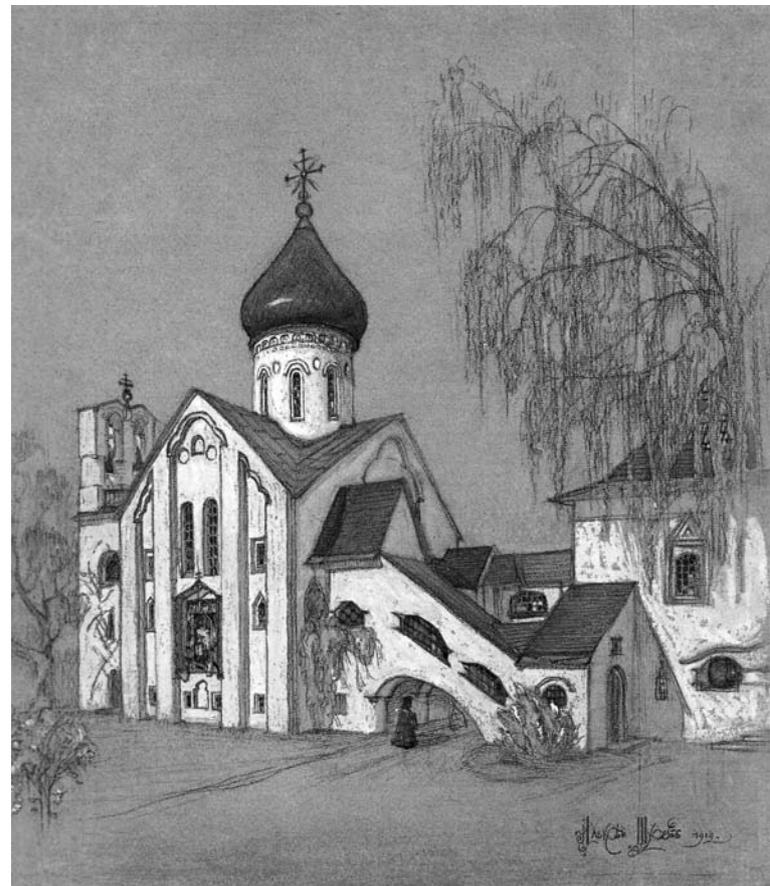
¹⁰ А.В. Щусев спроектировал Марфо-Мариинскую обитель с церковью святых Марфы и Марии в больничном корпусе (1909) и собором Покрова Богородицы (1908–1912). Декоративные рельефы по рисункам Щусева и Н.Я. Тамонькина были выполнены С.Т. Коненковым. К росписи храмов Щусев привлёк М.В. Нестерова, а также П.Д. Корина. См.: *Кейпен-Вардиц Д.В.* Храмовое зодчество А.В. Щусева. М., 2013. С. 79–86 (здесь же о церкви в Бари: с. 91–95).

¹¹ См.: Храм святителя Николая в Бари. Проект архитектора А.В. Щусева. С. 38.

¹² Первоначальная смета проекта составила 414.068 рубля.

¹³ *Щусев А.В.* Странноприимный дом и храм во имя св. Николая Мирликийского в гор. Бари, в Италии // *Зодчий*. № 3. СПб., 1914. С. 25.

¹⁴ Там же, с. 25.

А.В. Щусев. Перспектива церкви в Бари с юго-запада. 1912

художественно-эстетической идеи, по словам архитектора, он принял предложение Барградского комитета «сочинить здание и церковь в Бари в мотивах родной архитектуры, ставшей особенно близкой лицам, любящим нашу церковь, которая так чтит своего святителя Николу»¹⁵.

¹⁵ Там же.

Над рабочим проектом подворья Щусев трудился в течение двух лет, с 1912 по 1914 гг. О ходе работ появлялись материалы в печати. Так, один из самых популярных литературно-художественных еженедельников «Нива» за 1912 г. опубликовал эскиз проекта и сообщил своим читателям о предстоящем строительстве барградского подворья: «Русский храм во имя Св. Николая Мирликийского, сооружаемый в Бари (Италия), где с 1087 г. почивают мироточивые мощи святителя, на поклонение которым стекаются богомольцы со всей России. Рядом с храмом будет сооружен странноприимный дом для богомольцев. Храм и странноприимный дом сооружаются по Высочайше одобренному проекту академика А. Щусева».

Предполагалось построить двухэтажный храм на 200 человек, с двухъярусной звонницей, ризницей и книгохранилищем. Комплекс подворья включал в себя странноприимный дом с приёмной, тремя общими палатами для паломников, помещением для священника и смотрителя (нижний этаж); тремя комнатами 1 разряда, четырнадцатью — 2 разряда, трапезной, комнатами для почетных гостей и общей столовой. Также планировались: умывальня, палата для больных (с комнатой для врача) и постройки на внутреннем дворе (прачечная, баня, колодец и др.). 9/22 мая 1913 г., в день св. Николая, состоялась торжественная закладка подворья. В Бари пришли поздравительные телеграммы от Николая II, Елизаветы Федоровны, А.В. Щусева. Через несколько месяцев по распоряжению великой княгини был возведен временный дом со звонницей и 24 декабря 1913 г. освящено верхнее помещение для временной церкви, где можно было бы проводить регулярные богослужения¹⁶.

¹⁶ Архитектурный надзор в ходе строительства осуществлял Вс. Андр. Субботин, земляные и каменные работы инженер Н. Рикко, плотницкие Д. Камышев. По желанию Елизаветы

Основные строительные работы завершились к январю 1915 г. Роспись храма в стиле фресок Дионисия Щусев заказал К.С. Петрову-Водкину. Щусев обратил внимание на удачно выполненные Петровым-Водкиным в 1913–1915 гг. росписи собора Кронштадта и Троицкого собора в Сумах, и счел его мастерство, умение работать со стилем соответствующим своему замыслу. Однако осуществить фресковые росписи в Бари художник не успел¹⁷. Строительство подворья и украшение храма практически прервались. Страна испытывала тяготы военного времени. Планы ИППО по реализации барградского проекта в Италии были сорваны. После вхождения Италии в мировую войну на стороне Антанты и, следовательно в качестве союзницы России, в конце мая 1915 г. состоялась передача подворья итальянскому Красному Кресту. По сути, проект оказался законсервированным. После 1917 г. началась его послереволюционная история, связанная уже с судьбой русской эмиграции¹⁸.

Фёдоровны и с соизволения Государя-Императора в июле 1914 г. Бари с инспекционной поездкой для доклада посетил кн. Олег Константинович (1892–1914; сын «К.Р.», правнук Николая I, историк, литератор, пушкинист, погиб в первые месяцы сражений на полях Великой войны). Появились в Бари и первые паломники.

¹⁷ Сохранился акварельный образ Михаила Архангела (1916), выполненный К. Петровым-Водкиным в качестве эскиза росписи крыльца храма св. Николая.

¹⁸ Нижнюю церковь во имя св. Спиридона Тримифунтского 25 июля 1921 г. освятил епископ Георгий (Ярошевский). Освящение верхней церкви во имя св. Николая было совершено только 21 мая 1955 г. епископом Сильвестром (Харунсом), входящим в юрисдикцию парижской Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе. В 1930-х гг. подворье продали муниципалитету города Бари, вследствие чего храм и православный священник содержались на городские средства до конца 1990-х гг. В 1977 г. произошло упразднение прихода и переподчинение его Синоду РПЦз. 9 мая 1998 г., по соглашению между Московской Патриархией и муниципалитетом Бари, состоялась передача

Россия, терпевшая неудачи на полях сражений Первой Мировой, не нашла в себе силы завершить строительства храма и подворья за пределами Империи. Этому препятствовали и другие, вполне понятные обстоятельства, опять же связанные с общеевропейским театром войны. Перемещение по странам воюющей Европы, контакты и коммуникации, необходимые для реализации большого и сложного строительного объекта были практически прекращены. Показательно, что подготовленная князем А.А. Ширинским-Шихматовым коллекция церковных икон и утвари, предназначенная для украшения храма в Бари и на следующем этапе – создания музея древнерусского искусства, так и не была отправлена в Италию. Можно предположить, что на этом фоне Барградский комитет ИППО и его председатель Елизавета Федоровна сосредоточили свое внимание и энергию на строительстве барградского храма-спутника в столице воюющей Империи – Петрограде – Николо-Александровской церкви, всё более связывая ее сакральное значение с судьбой России и правящей династии¹⁹.

История этого храма с момента своего возникновения оказалась тесно связана с династией Романовых, с судьбой царского рода и престола, став концентрированным выражением сакрального характера русского самодержавия – мистической идеи монархической власти в России – и одновременно свидетельством семейной трагедии правящего царского Дома.

храма, дома в саду и части странноприимного дома («царских покоев») РПЦ. Решающим моментом в судьбе подворья в Бари стал визит президента Путина 14 марта 2007 г. и переговоры о передаче храма РПЦ. Она произошла 1 марта 2009 г. во время официальной церемонии, на которой присутствовали президент Италии Джорджо Наполитано (2006–2015) и президент России Д.А. Медведев (2008–2012).

¹⁹ Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 283.

Николо-Александровский (Барградский) храм в Петербурге – духовный восприемник Александровской часовни, которая была устроена прошением торговцев Александровского рынка в память о спасении императора Александра II от покушения в Париже в мае 1867 г.²⁰ Поскольку событие произошло в день, близкий ко дню памяти святителя Николая, то возводимая часовня во имя покровителя императора – св. блг. князя Александра Невского – связывалась в сознании верующих также и со св. Николаем. Часовня шатрового типа, заложенная осенью 1870 г., была освящена 6 декабря 1879 г. митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским). Помимо мемориального значения для семьи Романовых ее особая роль была подчеркнута еще и тем, что часовню приписали к предположенной к восстановлению обители и церкви во имя св. Николая в Мирах Ликийских. В 1885 г. в часовне произошел пожар, на месте которого была найдена уцелевшей икона Божией Матери «Скоропослушница», пользовавшаяся после этого случая глубоким почитанием, отчего часовню, позже перестроенную в церковь, называли еще «Невской Скоропослушницей».

Новый этап в судьбе восстановленной Александровской часовни начался в 1888 г., когда Св. Синод назначил великого князя Сергея Александровича, председателя ИППО, почетным ктителем Мирликийской часовни. В 1903 началась перестройка часовни, в 1905 г. она была расширена по проекту инженера П.Д. Мегорского. После трагической гибели Сергея Александровича 4 февраля 1905 г., в Москве, от рук террориста Ивана Каляева часовню

²⁰ Покушение на Лоншанском поле было совершено деятелем польского освободительного движения Антоном Березовским 25 мая 1867 г. во время пребывания императора Александра II на Всемирной выставке в Париже в отместку за подавление русским правительством польского восстания 1863 г. Оно было вторым из семи покушений на Царя-освободителя.

обратили в храм св. Николая. Должность председателя ИППО наследовала его вдова, Елизавета Федоровна, которая стала также почетным ктиторм церкви. Вполне понятно, что на первой стадии барградского проекта храм, существовавший на месте часовни, приписанной к так и неосуществленному храму св. Николая в Мирах Ликийских, был переподчинен в пользу новой строящейся Никольской церкви в Бари.

Однако Александровская часовня, переделанная в церковь, по многим параметрам не устраивала Барградский комитет. Возникла идея параллельного строительства храма в Бари и в столице Российской Империи. По указу Его Императорского Величества и ходатайству Императорского Православного Палестинского общества Святейший правительствующий синод 29 ноября 1911 г. слушал три вопроса: «1) о наименовании находящейся в С.-Петербурге, на 2-й улице Песков Александро-Николаевской церкви, попечительства при ней и серафимовской церковно-приходской школы бар-градскими; 2) о передаче существующего при Александро-Николаевской церкви попечительства под руководство высочайше учрежденного бар-градского комитета и 3) об отчислении доходов названной церкви на нужды возникающих в Бар-граде храма и сранноприимницы»²¹. Александро-Николаевская церковь в Петербурге решением Синода от 29 ноября 1911 г. получила наименование «Барградской». На возведение нового храма Барградский комитет выделил 28 тыс. рублей²².

По всей видимости, решение строить новый храм было обусловлено несколькими взаимодополняющими обстоятельствами и мотивами, прежде всего, желанием и волей, проявляемыми Елизаветой Федоровной. Как можно

²¹ Цит. по: «Храм святителя Николая в Бари. Проект архитектора А.В. Щусева», с. 190.

²² Об истории Барградской церкви в Петербурге см. также статью М.В. Шкаровского в нашем сборнике. – *Прим. ред.*

понять замысел великой княгини и поддержавших ее членов Барградского комитета, мемориальный храм-музей должен был подчеркнуть силу и единство русского православия в России и вместе с итальянским храмом св. Николая создать, своего рода, защитный контур Империи, стать ее духовным форпостом. Справедливо предположить, что для самой Елизаветы Федоровны перестройка бывшей ктиторской часовни Сергея Александровича после его трагической гибели стала духовно-символическим выражением заботы о великом князе, молитвенным актом памяти по убиенному мужу. Возведение церковного строения, в результате чего в имперском городе регулярной классицистской застройки должен был появиться новый архитектурно-художественный образ, стилизованный под древне-православный храм, концепция храма-музея древнерусского искусства значительно поднимала культурный и мемориальный статус Николо-Александровского проекта. Особо выделим, что храм в сознании великой княгини – организатора обоих браградских проектов, как и простых верующих, теперь навсегда был связан с трагическими страницами семьи Романовых – с памятью об убитых от рук террористов отце-императоре Александре II и его младшем сыне – главном представителе правящей династии в древней столице Руси/России – Москве.

В Москве таким памятником любви, молитвы и христианского долга со стороны вдовы Сергея Александровича стала Марфо-Мариинская обитель, свидетельствующая о полном духовном перерождении великой княгини, вступившей на путь стяжания христианских добродетелей и святости. В Петербурге эта миссия памяти и молитвенного делания во имя спасения душ убиенных отца и сына Романовых и во славу всей правящей российской династии оказалась воплощена в Николо-Александровском храме, особый смысл которому предавало имя святого покровителя царствующего на русском престоле Николая II.

Для строительства Николо-Александровского храма был создан Попечительский совет и особое наблюдательное совещание, куда вошли великая княгиня Елизавета Федоровна, председатель ИППО, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, вице-председатель ИППО и известный лекционер русской старины, А.А. Дмитриевский, профессор церковной истории и литургики, секретарь ИППО, и В.Т. Георгиевский, историк древнерусского искусства, архивист. Показательно, что вокруг великой княгини складывается круг профессионального и делового общения, куда входят известные представители русской университетской интеллигенции, профессора, архитекторы, специалисты в области истории церкви и древнерусского искусства. По всей видимости, Елизавета Федоровна старалась расширить круг своих контактов и найти единомышленников в среде русских интеллектуалов и художников, вовлечь образованный класс России в общекультурное дело, тем самым найти поддержку монархической «партии» и усилить лояльность к правящей династии со стороны умеренно настроенной русской интеллигенции.

Первоначальный эскиз барградского храма в Санкт-Петербурге также принадлежал А.В. Щусеву. Это можно понять из письма от 9 апреля 1913 г. Алексею Щусеву Н.Н. Никонова, петербургского зодчего, известного своими работами в области церковной архитектуры. В письме Никонов сообщает, что кн. А.А. Ширинский-Шихматов передал ему эскиз Щусева на постройку храма и просил переработать «применительно к месту бывшего мирликийского храма в С.-Петербурге, на котором предложено построить бар-градский храм, принадлежащий Палестинскому обществу»²³. Автор письма просит Щусева помочь советом и как можно скорее дать авторское раз-

²³ Документ находится в частном собрании. Цит. по: «Храм святителя Николая в Бари. А.В. Щусев», с. 193.

решение на внесение изменения в плане, поскольку ему «поручили приготовить проект к концу Фоминой недели»²⁴.

Можно предположить, что изменений и приспособлений к месту строительства потребовалось больше, чем мог ожидать и допустить без ущерба для своих авторских замыслов Щусев. Кроме того, он был сконцентрирован на доработке проекта в Бари. Всё это, по-видимому, подтолкнуло Барградский комитет и Попечительский совет Николо-Александровского храма к решению передать проект для разработки другому автору. Выбор пал на архитектора С.С. Кричинского²⁵, хорошо известного организаторам строительства свято-николаевских храмов в Италии и России. В этот период Степан Кричинский достраивал храм Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых²⁶. Членами императорской семьи Кричинский воспринимался как лояльный верно-подданный и профессионально авторитетный зодчий, разделяющий архитектурные предпочтения и эстетические принципы неорусского стиля, избранного Щусевым, элементы которого были применены Кричинским в проекте храма в память 300-летия Дома Романовых. Поэтому обращение к архитектору, который завершал работу над мемориальным храмом иконы Феодоровской Божией Матери, покровительствующей романовской династии, оказалось

²⁴ Там же, с. 193.

²⁵ См. о нем: *Саблин И.Д.* Степан Кричинский // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / сост. В.Г. Исаченко. СПб., 1998. С. 826–841.

²⁶ Закладку Феодоровского храма осуществил 5 августа 1911 г. архиепископ Волынский Антоний Храповицкий. 15 января 1914 г. состоялось его полное освящение митрополитом Владимиром (Богоявленским) в присутствии императора, княжон Ольги, Татьяны и Марии, вел. кн. Елизаветы Федоровны, императрицы Марии Федоровны, вел. кн. Ольги Александровны, председателя Совета министров Владимира Николаевича Коковцова, председателя Государственной Думы Михаила Владимировича Родзянко.

Никола-Александровский храм в Петербурге. Почтовая открытка, нач. 1910-х гг.

столь логичным. Возводимый Кричинским храм находился возле Николаевского вокзала, на Миргородской улице, дом 1-В, литера А, на пересечение с Полтавской улицей, недалеко от будущей барградской Никола-Александровской церкви.

Кричинский смог эстетически схватить, осмыслить и выразить в художественном облике церкви главную идею великой княгини о храме – символе единства Древней Руси и Петербургской России. Этим духовно-символическим актом строительства мемориального храма Елизавета Федоровна, ставшая едва ли не главной

молитвенницей и духовной защитницей царской семьи, пыталась утвердить единство и общий религиозный источник русской культуры эпохи древнего царства и империи периода модерна, и главное, подчеркнуть сакральный характер русского трона и правящей династии – романовского царского рода.

Проект Никола-Александровского храма был выполнен С.С. Кричинским по образу псковско-новгородской архитектуры, которая чистотой линий, отвечавшей молитвенной строгости и религиозной сосредоточенности древних подвижников, вдохновляла эстетическое чувство великой княгини и соответствовала ее духовному настрою и православному самосознанию. Первоначальный образ храма, сходный со скитским храмом во имя св. Николая Валаамской обители, был отклонен Елизаветой Федоровной. Архитектурным прототипом

Никола-Александровской церкви стал ряд псковских храмов²⁷, а также одноглавые новгородские церкви свв. Петра и Павла на Торговой стороне и св. Симеона Богоприимца Зверина монастыря²⁸. На время строительства в доме А.И. Галунова (Калашниковский пр., 2), напротив возводимого храма, ИППО сняло помещение для временной часовни, куда перенесли святыни и утварь прежней Александро-Николаевской церкви.

Храм, на который открывался вид с Калашниковского проспекта, Александровского рынка и с Полтавской улицы, занимал площадь среднего размера²⁹. Примечательно, что рядом с храмом, на Мытнинской улице, 10, на пересечении со 2-й Рождественской³⁰ находилось здание Императорского Православного Палестинского общества. Этот дом, левая часть которого была построена архитектором И.И. Булановым в 1880 г., а угловая часть академиком архитектуры В.Ф. фон Геккером в 1881 г., был приобретен ИППО и отремонтирован С.С. Кричинским в 1916 г.

²⁷ Как считают М. Евстратова и С. Колузаков, первоначальный эскиз Щусева, легший в основу проектного решения Кричинского, «несколько напоминает псковский памятник – Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря (XII век), но в отличие от него на проекте Щусева угловые части сдвинуты к центру креста». См.: Храм святителя Николая в Бари. А.В. Щусев, с. 145.

²⁸ Новый храм в Петербурге можно считать, по нашему мнению, удачной архитектурной стилизацией в стиле «модерн», с явной утрировкой и некоторой деформацией прообразов. – *Прим. ред.*

²⁹ Никола-Александровский (Никола-Мирликийский или Барградский) храм при ИППО в Санкт-Петербурге (во имя св. Николая Чудотворца и св. блг. кн. Александра Невского) располагался на пересечении Калашниковского проезда (ныне Бакунина пр. 2А), Мытнинской и Рождественской улицы (ныне Советская ул., 27А).

³⁰ Ныне 5-я Советская ул., 49.

Закладку храма свт. Николая Чудотворца на углу 2-й Рождественской улицы и Калашниковского проспекта 8 (21) сентября 1913 совершил митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский) в присутствии вел. кн. Елизаветы Федоровны и вел. кн. Иоанна Константиновича, внучатого племянника Александра II. Закладка была осуществлена на мощах свт. Алексия митрополита Московского. Обращает на себя внимание, что в сакральное основание храма были положены мощи московского святителя, воспитателя св. Дмитрия Донского и собеседника прп. Сергия Радонежского, много способствовавшего духовному и политическому укреплению Московской Руси. В его святом покровительстве и мудром водительство крайне нуждалась русская монархия, у которой с трудом получалось найти язык диалога с обществом и выработать продуктивную формулу взаимодействия с различными общественными силами. Возникший диалог помог бы русскому самодержавию и правящей династии согласовать интересы многих социальных групп в Империи, идущей по пути капиталистического развития и политических преобразований, понизить градус общественного недовольства и создать предпосылки к гражданскому миру, обеспечив тем самым поступательное развитие общества, государства и культуры. На наш взгляд, в представлении устроителей, прежде всего, в религиозном самосознании Елизаветы Федоровны, храм воспринимался как важное звено культурно-государственной преемственности двух столиц, воплощавших, с одной стороны, дух и исторический опыт московской Руси с ее религиозным традиционализмом и идеей православного Третьего Рима, с другой, европейский универсализм Российской империи.

Среди наиболее чтимых святынь храма находилась икона Божией Матери «Скоропослушница», помещенная в киот, вырезанный по образцу киота Владимирской Божией Матери в Успенском соборе Кремля. Среди других значимых святынь храма упомянем крест из масличного

дерева с частицей Животворящего Древа Господня и икону «Вознесение» с частью камня Живоносного Гроба, присланные Иерусалимским патриархом Дамианом в 1908 г. Также в храме хранился список надгробного образа прп. Сергия Радонежского с частицей его мощей, привезенной в 1895 из Троице-Сергиевой Лавры, икона в рост прп. Серафима Саровского с частью его мантии и мощевая икона свмч. Гермогена.

Росписи Николо-Александровского храма были поручены В.А. Плотникову (средняя часть храма и иконы снаружи)³¹ и В.С. Щербакову (правая и левая стороны храма, лестницы на хоры и входная паперть)³². Художники прошли «экзамен» архитектора Щусева, который оценил их качество копий фресок Дионисия и счел возможным привлечь к созданию живописного убранства барградского храма в России³³.

Храм был построен за два года. Освящение Барградского Николо-Александровского храма состоялось 15 декабря 1915 г. в военном Петрограде. Чин освящения был совершен митрофорным протоиереем П.И. Соколовым, членом Совета ИППО, председателем Училищного совета при Св. Синоде. Показательно, что на церемонии освящения присутствовали в основном близкие к великой княгини представители высшей аристократии и имперской бюрократии, чьи взгляды можно назвать, скорее, умеренно-лояльными по отношению к правящей династии, нежели ультра-верноподданническими. Во многом это объясняется тем фактом, что между великой княгиней и ее

³¹ Сохранилось фото запрестольной иконы Богоматери в алтарной абсиде, выполненной художником.

³² Сохранилось фото работы художника на северной стене храма, воссоздающим иконографический сюжет «Похвала Пресвятыя Богородицы».

³³ Впоследствии Щусев планировал пригласить художников и для росписей храма в Бари.

сестрой, императрицей Александрой Федоровной, постепенно росла дистанция в отношениях. Нарастающие напряжение и охлаждение, проявляемые со стороны императрицы к старшей сестре, вдове вел. кн. Сергея Александровича, были инспирированы неприятием Елизаветой Федоровной фигуры Григория Распутина. Лечивший больного гемофилией цесаревича Алексея «старец» завоевал безграничное доверие Александры Федоровны, испытывавшей постоянный страх и тревогу за жизнь наследника престола. Имея на нее колоссальное влияние, Распутин управлял гипертрофированными мистическими чувствами царицы, отягощенными материнскими переживаниями. Великая княгиня, напротив, противилась признавать в хитром, морально нечистоплотном мужике, искусном манипуляторе, «святого простеца». Кроме того, Елизавета Федоровна, не подвергавшая сомнению власть русского монарха, стояла за четкий правовой формат во взаимодействиях царского дома с Думой, за диалог с различными кругами культурной общественности. Этого ее младшая сестра понять и принять не могла, воспринимая такой порядок как наступление на самовластные права ее мужа – русского самодержца, и сына – будущего российского императора.

Оказавшись в семье практически в одиночестве, великая княгиня черпала опору для своего аскетического пути и дел благотворительности в духовных традициях русской культуры и православной вере. На освящении храма, по словам Елизаветы Федоровны, царица не приехала «из-за холода». Великая княгиня прибыла в храм в сопровождении генерал-от-кавалерии М.П. Степанова, помощника председателя и члена-учредителя ИППО. На церемонии вместе с Елизаветой Федоровной присутствовали казначей ИППО В.С. Гордеева, министр народного Просвещения граф П.Н. Игнатъев, министр юстиции А.А. Хвостов, обер-прокурор Св. Синода А.Н. Волжин, товарищ министра иностранных дел гофмейстер

А.А. Нератов, член Государственного Совета А.П. Рогович, начальник Царскосельского дворцового управления князь М.С. Путятин, графиня Е.П. Гейден (супруга графа Н.Ф. Гейдена, действительного члена ИППО и помощника Августейшего ктитора Мир-ликийской часовни), княгиня Л.П. Ширинская-Шихматова с сыном, ктитор нового храма генерал-майор артиллерии Н.П. Цытович, члены Попечительского совета А.А. Дмитриевский, В.Т. Георгиевский и др.

Основную мысль по поводу значения нового храма высказал в своем назидательном слове к собравшимся протоиерей Павел Соколов, указав на то, что храм для России, ведущей войну с «врагом сильным и жестоким», является свидетельством благоговейного почитания блг. кн. Александра Невского и св. Николая – воина и защитника, выражением служения русскому народу, богоносцу и паломнику, со стороны Императорского Православного Палестинского общества, и прежде всего, памятником благочестивой «любви русского народа своему Царю и Его Царскому Роду»³⁴.

Его Императорского Величества, при высочайшем покровительстве которого был создан Барградский комитет, осуществлявший параллельное строительство двух Никольских церквей, на освящении храма не было. Царь не смог присутствовать на знаменательном событии – освящении новой сакральной доминанты Империи – храма, который, согласно религиозным представлениям его устроительницы, великой княгини Елизаветы Федоровны, должен был стать храмом-символом России, небесного покровительства правящей династии и духовным оплотом лично Николая Александровича Романова – Российского императора и самодержца. Государь в это время был на фронте, где разворачивались

³⁴ Освящение Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде. Петроград: тип. В.Ф. Киршбаума, 1917. С. 12.

драматические для русского оружия события³⁵. Елизавета Федоровна в отсутствие императора, обремененного заботами военного времени, и сестры-императрицы, поглощенной материнскими тревогами, буквально впавшей в мистическую истерию, оставалась неполитическим лидером монархической партии и высоким представителем верующего русского народа – последним духовно трезвым воином, сражающимся за Российскую Империю, за будущее страны и престола.

Освящение Барградского храма нашло отражение в ряде публикаций, которые подчеркивали незаурядность этого события в духовно-культурной жизни столицы и особый художественный строй нового памятника архитектуры. Церковный писатель и публицист Е.Н. Поселянин красочно описывал появление необычного для имперской столицы православного храма: «В толчее столичной жизни, у бойкого рынка, на тесной площадке в скрещении нескольких улиц, поднялась нежданно-негаданно высокая маленькая церковка <...>. Откройте старые двери, какие были в теремах, и погрузитесь в древнюю Русь»³⁶. Автор обращал внимание читателей на то, что в архитектурную концепцию храма и его убранства была положена идея научной реконструкции древнерусского церковного зодче-

³⁵ Вместе с императором осенью на фронт отправился и цесаревич Алексей. Состояние здоровья наследника в середине декабря резко ухудшилось. Императору с сыном в сопровождении докторов срочно пришлось вернуться в Царское Село. Благодаря усилиям врачей здоровье пошло на поправку (хотя императрица приписала опять все «помощи» Распутина), что позволило императору вновь отбыть на фронт для поднятия боевого духа своей армии. 23 декабря 1915 г. император Николай II на железнодорожной станции Вилейка уже проводил высочайший смотр войск 2-й армии Западного фронта.

³⁶ *Поселянин Е.Н.* Краткое описание Бар-Градского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг.: Издание Императорского Православного Палестинского Общества, 1916. С. 3.

ства с элементами художественной стилизации под национальную старину. Особая роль в открытии шедевров древнерусского искусства, как справедливо отмечал Поселянин, принадлежала В.Т. Георгиевскому, вошедшему в Попечительский совет Николо-Александровского храма. Церковный публицист, указывая, что фрески Дионисия послужили образцом для росписи храма, с воодушевлением писал: «Несколько лет назад известный наш археолог В.Т. Георгиевский сделал открытие, явившееся событием в истории русской археологии: прекрасно сохранившиеся фрески в глухом Ферапонтовом монастыре новгородской епархии, работы одного из лучших русских иконописцев, Дионисия (конец XV и начало XVI веков)»³⁷.

Самобытный облик нового храма был подчеркнут А.А. Дмитриевским в специальном издании по поводу его освящения: «Новая церковь поражала и своим внешним видом и своим убранством. Ее наружные стены были декорированы орнаментом и крестами из белого старицкого камня, крыша покрыта зеленой поливной черепицей. Росписи, подражавшие фрескам Дионисия в Ферапонтовом монастыре, исполнили В.А. Плотников и В.С. Щербаков. Четырехъярусный иконостас, обитый, как в кремлевском Успенском соборе, серебряной басмой, изготовила фирма Хлебникова. Храм украшали ценнейшие иконы XVI-XVII вв. разных школ, собранные председателем строительного комитета и знатком древнерусского искусства, членом ИППО, князем А.А. Ширинским-Шахматовым, бывшим обер-прокурором Синода. Царские врата датировались XVI веком, золотые сосуды, Евангелие и утварь – XVI-XVII веками»³⁸.

Князю Ширинскому-Шахматову удалось организовать

³⁷ Там же.

³⁸ *Дмитриевский А.А.* Освящение Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1916. Т. XXVII. С. 186.

при Николо-Александровской церкви музей редких старинных икон и утвари, что еще более подчеркивало его функциональное значение как храма-музея русской культуры и ее главной религиозной традиции – православной традиции святости³⁹. Всё это позволило Дмитриевскому сказать, что вновь «воздвигнутый Николо-Александровский храм представляет замечательный памятник церковного зодчества, созданный на основе и по руководству древне-русского храмового строительства и весь обвеянный светозарным отблеском старого русского благочестия и озарением глубоко художественной древне-русской самобытной старины»⁴⁰.

Храм, находящийся в ведении ИППО, рассматривался как базовый для проведения научной и организационной работы Общества. В проекте под храмом была предусмотрена палата для его заседаний. Подобный музей древнерусского искусства для знакомства с художественной культурой Древней Руси и в целях популяризации русской старины за рубежом планировалось создать в храме в Бари. Война нарушила все планы Барградского комитета. Как уже упоминалось выше, коллекция, подготовленная князем, страстным любителем религиозного искусства

³⁹ Из икон, украшавших храм, известна икона XV в. св. Николая Мирликийского и св. мученицы царицы Александры, находившаяся в нижнем тягле иконостаса. Из собрания Барградского Николо-Александровского храма (Николо-Мирликийской церкви) уцелела икона св. Николая, ныне находящаяся в Государственном Русском музее (СПб.), а также самая почитаемая чудотворная икона Божией Матери «Невская Скоропослушница», привезенная в Петербург в 1878 г. из Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне и чудесно обретенная на месте пожара часовни в 1885 г. Она хранилась в Николо-Александровском храме до его закрытия в 1932. Ныне находится в Свято-Троицком соборе Александроневской лавры.

⁴⁰ Освящение Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде. Петроград: тип. В.Ф. Киришбаума, 1917. С. 6.

старой Руси, пределов России не пересекла.

Барградский храм-спутник в Петербурге, по замыслу великой княгини, должен был стать образом-символом древнерусской святости, духовно, исторически и культурно объединить древнюю и современную историю Руси/России и ее две столицы – допетровскую православную Москву и европейский Петербург. Очевидно, что Елизавета Федоровна, глубоко воспринявшая русскую религиозную культуру и опыт православного подвижничества, выступала сторонницей религиозной концепции власти и старалась укрепить своим архитектурно-церковным проектом, синтезирующим ценности древнерусской духовности и художественной культуры Серебряного века, русскую монархию, подчеркнуть сакральный характер самодержавно-царского правления. Духовная борьба, которую вела великая княгиня за авторитет династии во имя спасения России, религиозные представления и чувства, вкладываемый ею в строительство Николо-Мирликийского храма в Санкт-Петербурге, предали творению Кричинского смысл сакрального топоса русской власти.

Усилиями Елизаветы Федоровны не только поддерживался моральный авторитет монархии, ее храмозидательными инициативами выстраивалась своеобразная топография русской духовной и политической культуры в виде сакрального «треугольника» с вершинами в Москве (храм Марфо-Мариинской обители), в Петербурге (Николо-Александровский храм) и в Бари (русский храм св. Николая). Это пространство русской культуры, расширенное до пределов Европы, осенялось светом Святой Земли, где в 1888 г. с паломническими целями Елизавета Федоровна побывала вместе с мужем, великим князем Сергеем Александровичем, и где сейчас в храме св. Марии Магдалины в Гефсимании, в Восточном Иерусалиме, согласно желанию великой княгини, пребывают ее святые мощи.

7 марта 1932 г. Николо-Мирликийский храм в бывшей

политической столице Российской Империи был закрыт, и 20 мая того же года взорван по решению городских властей. Из двух храмов, строившихся параллельно, сохранился только храм святителя Николая в Бари, став памятником своему петербургскому собрату и увековечив дела религиозно-культурного просветительства и духовный подвиг святой великомученицы Елизаветы Федоровны, последней защитницы православной Российской Империи из велико-княжеской и царской семьи Романовых.

ЧУДЕСНЫЙ ДАР МАРКИЗА ДЕ ЛУКА ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II ПО «ПОРУЧЕНИЮ» СВ. НИКОЛАЯ

В Москве, в Архиве Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), хранятся сотни дел Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), в том числе касающиеся деятельности Высочайше учрежденного Барградского Комитета, где можно найти много ценной и интересной информации¹. В их числе, среди прочего: Журналы заседаний Совета ИППО за период 1910–1915 гг. (пока не опубликованные) и обширную переписку членов Барградского комитета² с разными лицами.

Сегодня наш рассказ об удивительном случае, произошедшем в 1915 г. с маркизом де Лука из Мольфетты, о котором поведал Великой княгине Елизавете Феодоровне (1864–1918; прославлена как св. мученица), председателнице ИППО с 1905 г., в своем письме от 8 января 1916 г. ее заместитель, вице-председатель ИППО князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (1862–1930). Письмо это напечатано на машинке, без заглавия:

В Январе месяце истекшего 1915 года настоятеля Русской Барградской церкви во имя Св. Николая Чудотворца священника Василия Кулакова посетил, дотоле неизвестный ему, маркиз

¹ Автор благодарит сотрудников АВПРИ за четко налаженную работу, за помощь в поиске документов и благожелательное отношение, а также благодарит свою дочь Бирюкову Марию за помощь в подборе литературы на итальянском языке и в переводе итальянских источников на русский язык.

² В 1911 г. в рамках ИППО в Петербурге был учрежден Барградский комитет под Высочайшим покровительством Св. Императора Николая II, задачей которого было сооружение в итальянском городе Бари православной церкви и подворья со странноприимницей для русских паломников. Барградский комитет возглавил знаток древнерусского искусства князь А.А. Ширинский-Шихматов.

Джулио де-Лукка из Мольфетты и рассказал, что недавно, во время сна, ему явился Святитель Николай и повелел непременно сходить в Барийскую базилику, купить там флакон с манной и переслать его Русскому ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II. После сего маркиз де-Лукка обратился к с. Кулакову с просьбою оказать ему в этом (вопросе – *зачерк.*) деле свое содействие. Совершенно не зная названного маркиза и не имея в то же время оснований не доверять сделанному им сообщению, священник Кулаков, из осторожности, предложил маркизу де-Лукка передать свой рассказ о явлении Святителя Николая в письменном изложении. Невзирая на данное о. Кулакову обещание, маркиз не только не прислал ему письма, но и долгое время ничем не давал о себе знать. Только спустя пять месяцев, а именно 22 Июня, маркиз де-Лукка, совершенно неожиданно, вновь прибыл в Бари на русские постройки и, сообщив священнику Кулакову, что в ночь на 22 Июня ему было снова то же видение во сне, при чем, – по словам маркиза, – из летаргического состояния он был выведен на сей раз сильным нажатием левой руки, просил о. Кулакова немедленно же отправиться с ним в базилику для выполнения данного ему Святителем Николаем в сонном видении поручения приобрести св. манну для Русского ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Занятый срочными делами по постройке, священник о. Кулаков предложил маркизу назначить другой, более удобный и свободный день, на что последний охотно согласился. Через неделю священник Кулаков получил от маркиза де-Лукка письмо с просьбою явиться в 9 ½ час. утра в базилику Св. Николая для приобретения манны. В этом же письме маркиз, между прочим, сообщает о. Кулакову, что после первого свидания с ним он хотел было исполнить свое обещание описать бывшее ему в Январе месяце первое видение Св. Николая, но затем отложил, опасаясь, как бы его не выставили слабым как женщина, а еще более потому, что ему казалось, что рассказав об этом случае русскому священнику он уже тем самым удовлетворил свою совесть и сделал всё, что мог, считая при этом возможным, что св. манна уже отправлена из Бари по высокому назначению.

Но когда Святитель Николай явился ему во второй раз и повторил те же слова о манне для Русского Царя, то он потерял спокойствие, ибо сознавал, что его просьба не выполнена. «Теперь я прошу Вас, – писал маркиз, – удовлетворить мою скромную просьбу, не отнимающую ни у кого и не прибавляющую ничего другим, так как надеюсь и настаиваю, чтобы я был забыт без всякого намека на благодарность. И прошу Вас усиленно держать этот бывший со мной случай в полном секрете, так как я боюсь прослыть за легковерного, нервного и, хуже того, экзальтированного человека». Так как письмо это было доставлено о. Кулакову с значительным опозданием, а именно в 4 час. вечера 29 Июня, то свидание в базилике не могло состояться. После этой неудачи маркиз де-Лукка видимо обиделся, так как долго не показывался на русских постройках, священник же о. Кулаков, не зная его местожительства, также не мог объяснить причину своего отсутствия в базилике в назначенный день. Только спустя месяц, а именно в субботу 25 Июля, рано утром, маркиз де-Лукка, без предупреждения, внезапно вновь прибыл на постройку и взволнованным голосом поведал священнику Кулакову, что «Святитель Николай два дня тому назад снова явился ему и повторил, чтобы он немедленно послал флакон манны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ Русскому ИМПЕРАТОРУ, при этом, взяв его за левую руку выше локтя, Святитель крепко сжал ее, от чего он и проснулся»... Вследствие неотступной просьбы, священник Кулаков, отнесясь с доверием и благожелательностью к рассказу маркиза де-Лукка и видя в нем весьма почтенного человека, выразил согласие прибыть в базилику 1 Августа. В этот день, рано утром, священник о. Василий Кулаков, маркиз де-Лукка и, в качестве переводчика, смотритель подворья Алексеев, прибыли в базилику. Приобретя здесь, у каноника де-Пальма, флакон св. манны от гробницы Святителя Николая, маркиз сделал на нем собственноручную надпись и вручил его о. Кулакову вместе со своею визитною карточкою и двумя изображениями с находящейся в Мольфетте чудотворной иконы Божией Матери – для доставления таковых ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Расставаясь с священником о. Кулаковым, маркиз

де-Лукка выразил свою душевную радость, что ему, наконец, удалось исполнить поручение столь необычным образом возложенное на него великим заступником и покровителем города Бари Святителем Николаем.

О вышеописанном примечательном случае троекратного явления Святителя Николая маркизу де-Лукка, с приложением недавно полученных из Бари, чрез курьера Министерства Иностранных Дел, флакона с (св. – зачерк.) манною от гробницы Св. Николая, изображения в красках чудотворной иконы Мальфеттской Богоматери и визитной карточки маркиза де-Лукка с прикрепленным к ней металлическим изображением той же иконы, почитаю долгом всеподданнейше представить на благоусмотрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

[Чернилами]: (подпись): Вице-Председатель Кн. А. Ш.-Шихматов.
8 Января 1916 г.» [1].

Сопроводим это письмо необходимыми комментариями:

1. Священник Василий Николаевич Кулаков.

Настоятелем русской барградской церкви во имя Св. Николая Чудотворца в 1915 г. служил священник Василий Николаевич Кулаков, некоторые сведения о котором можно найти в Журналах заседаний Барградского Комитета, хранящихся в АВПРИ.

Так, на своем заседании 6 февраля 1914 г. Высочайше учрежденный Барградский комитет, в составе: председателя князя А.А. Ширинского-Шихматова и присутствовавших членов комитета: протоиерея П.И. Соколова, А.А. Нератова, ген.-лейт. Н.Н. Пешкова, М.Т. Преображенского и князя Н.Д. Жевахова, постановил ходатайствовать перед Санкт-Петербургским Епархиальным Начальством об увольнении о. протоиерея Н.В. Федотова от должности настоятеля Барийской церкви и одновременно исполняющего обязанности председателя Строительной комиссии,

согласно его настоятельному прошению от 12.11.1913 г. [2]. На место нового настоятеля Барийской церкви рассматривалась кандидатура священника Василия Николаевича Кулакова.

Вот выдержки из «Журнала заседания ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного Барградского Комитета 6 Февраля 1914 г. № 25»:

...11. Прощение псаломщика церкви при ИМПЕРАТОРСКОМ Российском Посольстве в Константинополе Василия Николаевича Кулакова от 6 Февраля с.г. о предоставлении ему освобождающегося в Бари места настоятеля русской церкви, с приложением копии формуляра о службе по Ведомству Православного Исповедания.

Принимая во внимание, что В.Н. Кулаков во время продолжительного пребывания своего при Посольской церкви в Константинополе хорошо усвоил ведение церковного хозяйства и отчетности, прекрасно знаком, как окончивший Придворную Певческую капеллу, с постановкою хорошего церковного пения, владеет иностранными языками (греческим, французским и отчасти итальянским) и принимал участие в построении русской церкви в Сан-Стефано – что рекомендует его как практически знакомого с церковным строительством, – а также имея в виду, что о г. Кулакове даны наилучшие отзывы лично знающими его – членом Комитета генер.-лейт. Н.Н. Пешковым и Секретарем Палестинского Общества профессором А.А. Дмитриевским, Комитет постановил:

А) Пригласить В.Н. Кулакова на место настоятеля Барийской церкви с жалованьем по 3000 руб. в год с выдачею, впредь до перехода в собственное помещение в строящемся странноприимном доме, квартирных денег по 600 руб. в год;

Б) Ходатайствовать пред Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским о рукоположении В. Кулакова во священники, с выдачею ему набедренника, и по рукоположении утвердить его настоятелем русской церкви в Бари.

В) Выдать В.Н. Кулакову перед отбытием к месту службы 150 руб. путевых, 150 руб. приемных и жалование со дня утверждения его в должности Настоятеля Барийской церкви по 1 Марта сего года;

Г) Возложить на В.Н. Кулакова исполнение обязанностей Председателя Строительной комиссии [3].

О деятельности нового настоятеля Барийской церкви священника В.Н. Кулакова по организации церковного хора некоторое представление дают сведения из Журналов заседаний Барградского комитета от 17 Февраля 1914 г. № 26 и от 17 Июля 1914 г. № 31.

Представляем выдержки из них:

Журнал заседания ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного Барградского Комитета 17 Февраля 1914 г. № 26. (Председатель: Князь А.А. Ширинский-Шихматов. Присутствовали члены Комитета: Протоиерей П.И. Соколов, А.А. Нератов, М.Т. Преображенский, Н.Н. Пешков и Князь Н.Д. Жевахов):

«...В настоящее время в Комитет поступило прошение учителя С.-Петербургской Покровско-Коломенской двухклассной церковно-приходской школы, окончившего в 1912 году курс С.-Петербургской Духовной Семинарии, Владимира Каменского, ходатайствующего об определении его на вакантную должность псаломщика Барийской церкви. Произведенные по предложению г. Председателя Комитета тем же о. В. Кулаковым испытания В. Каменского в пении, чтении и несении обязанностей псаломщика дали весьма благоприятные результаты и таким образом названное лицо могло бы быть определено на должность псаломщика Барийской церкви, с возложением на него организации хора певчих, а во время действий Строительной Комиссии и обязанностей ее Делопроизводителя.

Принимая во внимание неотложную необходимость теперь же иметь псаломщика при Барийской церкви, дабы придать совершаемым в ней богослужениям должное благолепие и освободить добровольно несущего ныне обязанности

псаломщика смотрителя И.О. Никольского, а также имея в виду, что предлагаемый кандидат вполне отвечает поставленным ему требованиям и успешно выдержал испытания, Комитет постановил:

А) назначить Владимира Каменского псаломщиком в Барийскую церковь с жалованием по 1.500 руб. в год и выдачею, впредь до перехода на жительство в сооружаемое здание странноприимницы, квартирных денег в размере 500 руб. в год;

Б) выдать В. Каменскому перед его отбытием к месту службы в Бари 150 руб. подъемных и 150 руб. путевых, а всего 300 рублей;

В) возложить на В. Каменского, кроме его прямых обязанностей по церкви, также и обязанности делопроизводителя Строительной Комиссии, без права голоса в ее заседаниях, и

Г) возбудить пред Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским ходатайство об утверждении Владимира Каменского в должности псаломщика Барийской церкви [4].

* * *

Журнал заседания ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного Барградского Комитета 17 Июля 1914 г. № 31. (Председатель: Князь А.А. Ширинский-Шихматов. Присутствовали: ЕГО ВЫСОЧЕСТВО Князь ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ, члены Комитета: Протоиерей П.И. Соколов и М.Т. Преображенский и академик архитектуры А.В. Щусев):

«Председатель Комитета сообщил, что настоятель временной Барийской церкви о. В.Н. Кулаков, руководящий ныне занятиями псаломщика В.В. Каменского по организации хора певчих, преимущественно из местных жителей итальянцев, обратился к нему, в письме от 27 Июня с.г., с просьбою разрешить взять напрокат физгармонию, крайне необходимую при постановке голосов, и назначить певчим хотя бы самое скромное вознаграждение за участие в спевках, чтобы тем приохотить их к нелегким на первое время занятиям по изучению русского церковного пения.

Признав весьма желательным, в интересах успешной организации церковного хора, оказать о. В.Н. Кулакову

и псаломщику Каменскому необходимое содействие, постановили: разрешить взять напрокат фисгармонию с платою по 6 лир в месяц, что же касается вознаграждения певчих итальянцев за спевки, то ничего не имея против назначения им за это небольшой платы, просить о. В.Н. Кулакова выработать, хотя бы приблизительные, нормы такого вознаграждения и по утверждении их Комитетом принять затем к руководству. Кроме того, желая заблаговременно определить состав будущего постоянного хора певчих и установить размер вознаграждения как ежемесячного, так и разового – если последнее будет применяться, Комитет постановил просить о. В.Н. Кулакова представить по сему вопросу свои соображения» [5].

В АВПРИ хранится также ряд писем священника В.Н. Кулакова к секретарю Императорского Православного Палестинского Общества А.А. Дмитриевскому и другим лицам [6], эти письма еще ждут своих исследователей.

Итак, в самом конце зимы или весной 1914 г. священник В.Н. Кулаков приступил к исполнению обязанностей настоятеля русского храма во имя Св. Николая Чудотворца в городе Бари. Первая его встреча с маркизом Джулио де Лукка произошла в январе 1915 г., уже после начала Первой мировой войны, многое изменившей в судьбе России и всего мира.

2. Маркиз де Лука из Мольфетты.

О маркизе Джулио де Лукка, о котором идет речь в приведенном выше письме, информации найти нам не удалось, но о славном итальянском роде маркизов де Лука из Мольфетты поведал ряд источников.

Оговоримся, что на современных картах название города «Мольфетта» пишется через «о», а не через «а», как написано в письме. Также фамилия маркизов де Лука пишется с одной буквой «к» (по-итальянски – «с»: de Luca), в письме написано «маркиз де-Лукка», видимо, ошибка возникла при переписке, тем более что для итальянского языка характерно частое удвоение согласных звуков.

Городской собор в Мольфетте, конец XIX в.

Сначала скажем несколько слов об итальянском городе Мольфетта.

Мольфетта – это город-порт в Апулии, расположен на побережье Адриатического моря, в 25 км к северо-западу от Бари, в настоящее время там проживает около 60 тыс. жителей. Поселение существовало здесь с глубокой древности. Первое документальное упоминание о Мольфетте относится к 925 году. В Средние века город неоднократно подвергался набегам сарацинских пиратов, на его развитие поочередно оказывали влияние византийцы и лангобарды. В XI веке город перешел под власть норманнов. Во время их правления, в период крестовых походов XI–XII вв., города южной Италии – Мольфетта, Бари и др. стали для крестоносцев важными отправными пунктами в Святую Землю. Небесными покровителями Мольфетты считаются св. Конрад Баварский, крестоносец, его мощи покоятся в городском соборе, и Мадонна-дей-Мартири или Мадонна Мучеников.

В «Историко-геральдическом словаре»³ [7] упоминается благородная семья де Лука (или ди Луко) из Мольфетты и Амантеи. Ее родоначальник Бернардо – владетельный синьор замка ди Луко в Умбрии. Оттуда вышли Синибальдо, консул Рима, и граф ди Луко в 1586 г. Род разделился на несколько ветвей, распространился в Неаполитанском королевстве, пользовался влиятельностью и за пределами Неаполя: в Кьети, Лечче, Барлетте, Мольфетте, Капуе, Амантее и Аквиле. За пределами замка ди Луко фамилия владела многими другими феодальными земельными участками в Лиццано и Мельпиньяно. Среди знаменитых представителей этой фамилии – один крупный законовед и автор работ по юриспруденции, три капитана, и архиепископ Назарета – Франческо Антонио де Лука (†1676).

Фамилия де Лука с XV века упоминается в старинных документах, обнаруженных исследователями. Так, де Лука названы в числе 33-х благородных фамилий Мольфетты, а также в числе 80-ти фамилий «людей», видимо, простых горожан (*famiglie del popolo*), проживавших в Мольфетте в 1574 году.

Сообщается также, что в 1513 году из членов правительства Мольфетты были избраны 2 мэра, один из них был сенатор дон Джузеппе Марко Антонио де Лука. И в наши дни, под гербом города Мольфетты на Виа Пьяцца (между №№ 8 и 12), можно прочесть надпись об этом: «...*Sindacorum sub auspicio Senatores D. Iosephi Marci Antonii De Luca et Populi Iacobi Radivano*» [8].

В конце XVIII в., в 1789 году, один из представителей рода ди Лука – Джузеппе Мария ди Лука из Мольфетты – стал рыцарем Мальтийского ордена, старейшего военно-религиозного рыцарского ордена Римско-католической

³ Il Dizionario Storico-Blasonico delle famiglie nobili e notabili italiane estinte e fiorenti. Compilato dal Commendatore G.B. di Crollanza. Vol. 2. Bologna: Arlando Forni Editore. P. 35–36.

церкви. В XIX и XX вв. еще несколько представителей рода де Лука стали рыцарями Мальтийского ордена [9].

Один из членов фамилии де Лука в 1883 г. издал книгу: «Генеалогическая и хронологическая история семьи де Лука»⁴ [10], на которую имеется ряд ссылок в интернете.

Маркизы де Лука относились к разряду титулованных дворян первого круга («*nobili di prima piazza*»). Вообще, в Мольфетте издавна проживало много знатных семей, поэтому художественные изображения и барельефы древних гербов и сегодня можно увидеть на дверях и стенах старинных домов, во дворцах, в соборе, базилике, церквях и часовнях, на могилах памятниках и в собраниях музеев. Среди них есть немало изображений фамильного герба де Лука. В работе, посвященной первому рыцарю Мальтийского ордена из рода де Лука, приведен целый ряд таких изображений [9]. Описание герба Де Лука: «На синем поле золотой лев, он держит серебряный мальтийский крест, поле пересекает серебряная лента с тремя красными розами».

3. Мольфеттская Мадонна Мучеников

Из приведенного письма явствует, что маркиз Джулио де Лука передал в дар Российскому Императору-мученику Николаю II, кроме флакона с манной от мощей св. Николая Чудотворца, еще и изображение чудотворной иконы Мольфеттской Богоматери. Небесной покровительницей Мольфетты, как уже сказано выше, считается Мадонна дей Мартири (Мадонна Мучеников). История этой иконы тесно связана с походами крестоносцев в Святую Землю. Именно во время крестовых походов, в 1162 г. началось строительство в 2-х километрах от Мольфетты базилики Мадонны дей Мартири и при ней Больницы крестоносцев (*Ospedale dei Crociati*), сохранившихся до наших дней.

⁴ De Luca G. Storia genealogica cronologica della famiglia de Luca. Giovanazzo, 1883.

Икона Мадонны-деи-Мартири была привезена в базилику крестоносцами в 1188 году, ее почитают все жители Мольфетты, но особенно моряки. В базилике есть также скульптурное изображение Пресвятой Девы Марии Мучеников (*Maria Santissima dei Martiri*) – деревянная статуя, созданная в первой половине XIX в.

Рядом с базиликой находится «Больница-госпиталь крестоносцев»: это здание является остатками старинного «Госпиталя, посвященного Санта-Марии и святым Мученикам» («*Ospedale dedicato a Santa Maria e ai santi martiri*»), где паломники – мученики Христа (*pellegrini – martiri di Cristo*), проходившие через Мольфетту по пути в Иерусалим и обратно, могли найти приют и отдых, а при необходимости и врачебную помощь и заботливый уход за больными. Историки слово «*Ospedale*» (госпиталь) в данном случае производят от слова «*ospite*» (гость) и понимают его скорее как гостиницу, а не больницу.

В Средние века крестоносцы и паломники, следующие в Святую Землю с севера, традиционно сначала посещали две святыни, находящиеся в Апулии – той же области, где расположена и Мольфетта: пещеру Архангела Михаила⁵ и базилику с мощами св. Николая Чудотворца в Бари, затем многие из них прибывали в Мольфетту к чудотворному образу Мадонны дей Мартири – покровительницы паломников, которых из-за трудностей пути считали добровольными мучениками Христовыми, и уже после этого пилигримы продолжали свой дальнейший путь к Святой Земле.

С 1828 г. хранителями базилики Мадонны дей Мартири являются францисканские монахи. В 1987 году храм был провозглашен Папской Малой Базиликой (*Basilica Pontificia Minore*).

⁵ Святилище (пещера) Архангела Михаила — известное с V в. место паломничества находится на горе Гаргано в провинции Фоджа в области Апулия.

11 мая 1560 г. вся южная Италия пострадала от сильного разрушительного землетрясения, однако город Мольфетта был спасен от катастрофы. Все жители считали, что это чудо произошло благодаря заступничеству Пресвятой Девы и бежали в базилику к святой иконе, чтобы поблагодарить Мадонну. С тех пор духовенство и городские власти поклялись каждый год совершать торжественное шествие с чудотворной иконой, чтобы отдать дань уважения своей небесной покровительнице. Этот обычай соблюдается неукоснительно по сей день.

Судьба большинства жителей Мольфетты всегда была связана с морем, многие из них были рыбаками или служили в военно-морском флоте; эта тенденция сохраняется и поныне. Местный рыболовецкий флот насчитывал сотни лодок (*battelli*), да и сейчас их не меньше. В начале 1800-х годов моряки Мольфетты решили провозгласить Мадонну Мучеников своей защитницей и покровительницей. 8 сентября 1846 г. неаполитанский скульптор Джузеппе Верзелла установил статую Девы Марии на двух парусных шлюпах и доставил на набережную, что рядом со старым собором. С тех пор началась традиция ежегодного сентябрьского морского праздника, когда епископ благословляет море, совершается общая молитва о погибших моряках, в память о них возлагаются венки на воду и к памятнику на городской площади, происходит торжественное шествие с иконой и статуей Мадонны Мучеников на суше и на море. Обычно в первые дни сентября каждый вечер в Мольфетте происходит грандиозное факельное шествие на море и конкурс фейерверков. Ежегодное чествование Мадонны совпадает с ярмаркой Мольфетты, открытой впервые в 1399 году. Обычно это – красочный и веселый городской праздник, с гонкой парусных шлюпок, с концертом в соборе. В торжествах принимают участие тысячи верующих, в том числе приезжих из других городов и стран [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17].

В заключение, хотелось бы обратить внимание читателей на некоторые «мистические» совпадения, возможно, чисто случайные, которые бросаются в глаза при рассмотрении приведенного письма. Дата второго явления св. Николая Чудотворца во сне маркизу Джулио де Лука – 22 июня – совпадает с трагическим днем для России – с днем начала Великой Отечественной войны в 1941 г.; третье, самое грозное и требовательное, явление во сне св. Николая Чудотворца маркизу де Лука произошло в начале 20-х чисел июля – спустя три года, в середине июля 1918 г., Российский Император Николай II вместе со своей семьей примет Мученический венец в «Ипатьевском доме» в Екатеринбурге. День, когда маркиз де Лука приобрел в базилике и передал для Николая II флакон со св. манною от мощей Святителя Николая, а также два изображения Мольфеттской иконы Божией Матери, был 1 августа – ровно за год до этого, 1 августа 1914 г., Российская Империя вступила в Первую мировую войну. И наконец, икона Мольфеттской Божией Матери, переданная маркизом де Лука русскому Императору, называется Мадонна дей Мартири, что в переводе означает «Мадонна Мучеников». Святыми мучениками стали в 1918 г., через три года после передачи изображения этой чудотворной иконы в Россию, как сам Государь Император Николай II со своей семьей, так и председатель Императорского Православного Палестинского Общества Великая княгиня Елизавета Феодоровна, к которой было обращено приведенное нами письмо, хранящееся в Архиве Внешней политики Российской Империи.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

АВПРИ – Архив Внешней политики Российской Империи.
ИППО – Российское Императорское Православное Палестинское Общество

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ:

1. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 489. Л. 42–43 об.
2. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 505. Л. 152.
3. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 505. Л. 152 об.-153.
4. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 505. Л. 161–162.
5. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 505. Л. 190, Л. 196 об.-197.
6. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 492.
7. Il Dizionario Storico-Blasonico delle famiglie nobili e notabili italiane estinte e fiorenti. Compilato dal Commendatore G.B. di Crollanza. Vol. 2. Bologna: Arlando Forni Editore. P. 35–36.
8. Геральдика. Под ред. Cav. Dario R. Uva. (Araldica. A cura del Cav. Dario R. Uva). Интернет-ресурс: http://www.giramolfetta.it/content_/molfetta_araldica.asp?lan=ita&pag=25
9. Marco Ignazio de Santis. Fra' Giuseppe Maria de Luca, giovanita di Molfetta e Patrizio di Trani (1753–1808). // Studi Melitensi Rivista del Centro Studi Melitensi. XXIV (2016). P. 151–211. Интернет-ресурс: http://www.academia.edu/33631526/Fra_Giuseppe_Maria_de_Luca_giovanita_di_Molfetta_e_patrizio_di_Trani_1753-1808_Studi_Melitensi_Rivista_del_Centro_Studi_Melitensi_XXIV_2016
10. *De Luca G.* Storia genealogica cronologica della famiglia de Luca. Giovinazzo, 1883.
11. Интернет-ресурс: https://www.wikizero.com/it/Basilica_della_Madonna_dei_Martiri
12. Интернет-ресурс: <http://www.madonnadeimartiri.it/arte.asp>
13. Интернет-ресурс: <http://www.madonnadeimartiri.it/tradizione.asp>
14. Интернет-ресурс: <http://www.madonnadeimartiri.it/ospedale.asp>
15. Интернет-ресурс: http://www.giramolfetta.it/content_/molfetta_festeimportanti.asp?lan=ita
16. Интернет-ресурс: <http://molfettanelpassato.blogspot.com/2015/04/viale-dei-crociati-basilica-madonna-dei.html>
17. Интернет-ресурс: https://www.molfettafree.it/content_/zoom.asp?id_news=6891&id_categoria=21

БАРГРАДСКОЕ ПОДВОРЬЕ В 1920-Е ГОДЫ

1920-й год стал для русского Подворья в Бари из тех, что называют судьбоносными. Если ушедший век в историографии порой называют *Коротким*, отсчитывая его с 1914 г., то для Барграда, пожалуй, эту планку можно передвинуть еще на шесть лет, которые прошли, несмотря на лишения военного времени и обрыв связей с Россией, достаточно спокойно.

В самом начале 1920 года – 14 февраля нов. ст. – скоропостижно скончался о. Василий Кулаков, последний (для XX века) из командированных сюда из России – после него в Апулию прибывали только священники-эмигранты. Отец Василий настоятельствовал в Бари шесть лет, с 1914 г.; он же возглавлял Строительную комиссию Подворья, орган, который, наряду с Барградским комитетом, действовавшим в Петербурге, отвечал за всё сложное предприятие.

В том же 20-м году, осенью, в Бари прибыл князь Н.Д. Жевахов, ставший «управляющим Подворья», по сути дела – его хозяином и вообще ключевой фигурой в «Русской Апулии» на последующую четверть века. Именно с той поры стали выстраиваться отношения Подворья с Русской Церковью в зарубежье, с советскими и эмигрантскими учреждениями, с городом Бари вообще: в тот исторический момент завязались все те сложные узлы, которые не удавалось расплести в течении последующего столетия. И, если «Короткий век» историографы доводят до 1991 г., т.е. до крушения Советского Союза и Восточного блока, то и тут временную планку можно сдвинуть – до 1998 г., когда муниципалитет Бари подписал соглашение с Московским Патриархатом касательно Подворья, ставшего с той поры Патриаршим. Интересно, что в итоге этот особый Двадцатый век, как и для всего мира, так и для Барграда, имеет одинаковую протяженность – 77 лет.

...Первую мировую войну россияне в Бари встретили, как и вся Россия, с надеждой на скорейшую победу. В августе 1914 г., когда русским путешественникам по Европе оказалось невозможным выбраться домой по суше, многие воспользовались советом Российского посольства в Риме достичь барградское Подворье и оттуда вернуться на Родину морем – через Бриндизи, Стамбул и Одессу. Среди обитателей Подворья – по сути дела, самых первых, вместо чаемых паломников, – оказались такие известные личности, такие как граф С.Ю. Витте, вице-председатель Государственного Совета С.С. Манухин, бывший тогда вице-председателем Государственного Совета, светлейший князь П.П. Волконский, княгиня М.В. Барятинская и прочие. На Подворье в ожидании рейсов шли горячие обсуждения вспыхнувшего военного конфликта.

Опальный министр Витте, согласно воспоминаниям Жевахова, в те дни утверждал: «Война с немцами бессмысленна... Уничтожить Германию, как мечтают юнкера, невозможно... Это не лампа, какую можно бросить на пол, и она разобьется... Народ, с вековой культурой, впитавший в свою толщу наиболее высокие начала, не может погибнуть... Достояние культуры принадлежит всем, а не отдельным народам, и нельзя безнаказанно посягать на него»¹.

Его сожители по Подворью, естественно, не соглашались, на что от мудрого политика последовала пророческая фраза: «Да поймите же, что нам невыгоден разгром Германии, если бы он даже удался. Результатом этого разгрома будет революция сначала в Германии, а затем у нас», – и сказав эти слова, граф С.Ю. Витте расплакался, как ребенок»².

Тем не менее надежды на скорейший разгром врага еще долгое время не покидали маленькую русскую

¹ Жевахов Н.Д. Воспоминания. Т. 1. Цит. по: <https://www.litmir.me/br/?b=242985&p=15>

² Там же.

общинку в Бари: в мае 1915 г. Италия вступила в Великую войну на стороне Антанты, покинув Тройственный союз. Итальянское королевство объявило войну Австро-Венгерской империи 23 мая нов. ст., сразу после «Николаевешнего» (по юлианскому календарю) – это было воспринято многими русскими как промыслительный знак. Барградский комитет передал часть Подворья в пользование итальянскому Красному Кресту. Однако итало-русские отношения ухудшились весной 1918 г. – после Брестского мира, когда немцы, перебросив войска с закрытого Восточного фронта, нанесли ряд серьезных поражений итальянцам. Общественное мнение в Италии посчитало русских «предателями»: практически бесхозному Подворью грозила реквизиция, от которой удалось уйти, предоставив его – через о. Василия – военному госпиталю.

Десять лет XX столетия закончилась окончательной победой революции, переродившейся из «Февраля» в «Октябрь», и крахом Российской империи, как предсказывал случайный обитатель Подворья граф Витте. Августейшие покровители Подворья – император Николай II и Великая княгиня Елизавета Федоровна – были зверски казнены, а Императорское Православное Палестинское подворье (ИППО) практически свернуло свою деятельность, пусть с этим и не соглашались его руководители-эмигранты.

Проект в Бари изначально имел характер государственный, «Августейший»: прежде контроль над ним осуществлялся через ИППО и Императорское посольство в Риме: посольство делегировало своих сотрудников в апулийскую столицу, где по сути дела в начале XX века русской колонии и не существовало. В Строительную комиссию накануне Первой мировой войны входило даже два дипломата: один – делегат из Рима, имевший полномочия «смотрителя Подворья», второй – российский вице-консул в Бари.

Находившийся до 1914 г. в Бари сотрудник МИДа и «смотритель Подворья» И.О. Никольский отбыл с началом

военных действий на Родину и на его место посольство командировало канцелярского чиновника А.И. Алексева: он начинал свою «итальянскую жизнь» как бедствующий художник в Риме, где из жалости был принят дипломатами-соотечественниками в консульскую канцелярию.

Алексеев прибыл в Бари в апреле 1915 г., за несколько недель до вступления Италии в войну, повторим, на стороне Антанты, что усилило (на некоторое время) русские позиции в Апулии. Художник сделал в Бари дипломатическую карьеру: когда в Россию, в 1916 г., отбыл также и вице-консул В.В. Юрьев, Алексеев перенял от него эту значительную должность, оставаясь быть «смотрителем подворья», но теперь с повышенным статусом. Однако вскоре он вошел в многолетний конфликт с другим постоянным жителем Подворья – диаконом Владимиром Каменским³. При жизни о. Василия Кулакова трения имели подпольные формы: кончина священника ознаменовала начало «смутного времени» на Подворье: диакон Каменский, на правах члена Строительной комиссии, забрал к себе весь оставшийся от покойного о. Василия колоссальный архив (который затем исчез) и вступил в открытую конфронтацию с Алексеевым, отрицая за ним какие-либо дипломатические полномочия от – уже павшей – империи.

В церкви (временной, стоявшей во дворе) перестали идти богослужения, внушительный ансамбль оставался недостроенным. Главный строитель Подворья, доверенный зодчего А.В. Щусева, архитектор В.А. Субботин⁴ уехал – после само-

³ Согласно Жевахову, причиной конфликта послужило уязвленное патриотическое чувство В. Каменского и других патриотов, когда А. Алексеев женился на местной девице легкого поведения: это якобы не соответствовало положению дипломатического представителя России.

⁴ Всеволод Андреевич Субботин (1879–1922), ученик Академии художеств с 1898 г., в 1906 г. получил звание художника-архитектора за проект: «Кафедральный собор для губернского города».

убийства жены – из Бари, и, живя между Римом и Неаполем, перебивался случайными заказами. В 1922 г. он внезапно умер, что стало еще одним ударом для всего дела.

Строительная комиссия теперь имела лишь долги: ассигнования ИППО давно закончились, а в 1919 г. скончался главный подрядчик Николо Рикко, который щедро давал русским займы во время Первой мировой войны.

О паломничестве и речи не могло идти, а российский епископат частью оказался в плену у новой агрессивной власти в советской России, частью – в бегенстве, где необходимо было заново устраивать эмигрантскую церковную жизнь.

Итак, с 1920 г. Подворьем стал руководить князь Жевахов, взгляды и психология которого решительным образом сказались на дальнейших событиях. Крайний монархист, сторонник конспирологических теорий относительно судеб России⁵, он вел Барградское дело в русле своего мировоззрения. Вооруженный доверенностью Председателя Палестинского общества кн. А.А. Ширинского-Шихматова (к которому он отправился в Берлин уже в конце 1920 г. за поддержкой) и авторитетом члена Барградского комитета, пусть уже не существующего, он не потерпел вмешательства в дела Подворья со стороны как Алексеева, так и Каменского. Несмотря на возникший в Бари скандал, через судебный процесс, начатый в 1922 г., Жевахов лишил их какого-либо статуса и права на жилье, став всем распоряжаться единолично⁶.

⁵ См.: Жевахов Н.Д. Еврейский вопрос. Нью-Йорк, 1926; Он же. Причины гибели России. Новый Сад, 1929; Он же. Корни русской революции. Кишинев, 1934.

⁶ А. Алексеев уехал из Бари в Рим, откуда пытался добиться компенсаций от Жевахова за ущерб имущества, в первую очередь, за «порчу картин», в то время как В. Каменский жил на Подворье до конца 20-х гг. Дальнейшая судьба обоих неизвестна.

Князь Николай Давидович Жевахов, управляющий Подворьем в 1920–1936 гг.

В отрыве от России источником существования Подворья стали его помещения, сдававшиеся, но весьма беспорядочно, внаем частным лицам и учреждениям. После выселения бывшего вице-консула и диакона-псаломщика, Жевахов ликвидировал также богадельню для русских солдат-инвалидов, участников Мировой и Гражданской войн. Ее устройством занималась интересная личность – Агнесса Карловна Букналл (Букналь). Дочь английского торговца драгоценными камнями, обосновавшегося в России и женившегося на петербурженке⁷, Агнесса ушла сестрой милосердия на Мировую войну, а затем, с началом Гражданской, – к «белым». Участница легендарного Ледяного (Первого Кубанского) похода Добровольческой армии под командованием генерала Корнилова, она попала с остатками Белой армии в эмиграцию, в Галлиполийский лагерь, откуда ей удалось вывезти нескольких ветеранов-инвалидов в Италию и разместить их в Бари. Согласно Жевахову, от «нее исходило много зла»⁸, но, вероятно, самое главное – она не смогла найти источников финансирования приюта для инвалидов, что повлекло его закрытие: Букналл, как утверждал «управляющий Подворьем» «оказалась совершенно неспособною ни вести сложное дело управления инвалидным приютом, ни подыскивать средств на его содержание и в результате совершенно прекратила квартирные платежи»⁹. В итоге А.К. Букналл в конце 1920-х гг. пришлось покинуть Бари и уехать в Англию, к своим родственникам, где она и скончалась в 1951 г. в Лондоне.

⁷ Чарльз Букналл, британский подданный, совладелец фирмы «Сакс и Букналл», проживал в Петербурге на Лахтинской улице. У «Сакса и Букналла» покупала драгоценные камни знаменитая фирма Фаберже.

⁸ Здесь и далее автор пользуется неопубликованным дневником кн. Н.Д. Жевахова за 1920 г., попавшим в его распоряжении; готовится издание дневника.

⁹ Там же.

В те же 20-е годы в русской эмиграции возникло печальное разделение в церковной среде – между митрополитом Евлогием (Георгиевским), обосновавшимся в Париже, и рядом епископов, пребывавших в Сремских Карловцах (Сербия), с их вождем митрополитом Антонием (Храповицким). Первую группировку стали называть «евлогианской», «парижской», вторую – «антониевской», «соборной», «синодальной», «карловацкой», «зарубежной»¹⁰.

«Управляющий Подворьем» сразу принял сторону промонархистки настроенных епископов-«карловчан», блокировав возможную помощь от «Парижа», которая была достаточно реальной. Когда в 1924 г. епископ Евлогий приехал с пастырским визитом из Франции, ему не довелось отслужить даже молебен на мощах Чудотворца. Как полагает о. Джерардо Чоффари, это печальное недоразумение произошло из-за закулисного вмешательства Жевахова, который мог настроить католический клир базилики против епископа («масона»). Похоже, что Владыка Евлогий даже не отслужил литургию в русской церкви. Вот что он пишет о посещении Барграда, который считал входящим в свою епархию¹¹:

В Бари у нас были еще недостроенные церковь и дом для паломников – имущество нашего Палестинского общества, богатейшей организации, раскинувшей свои центры в Сирии и по всей Палестине. Наши паломники в благочестивых своих

¹⁰ Епархия русских церквей в Западной Европе, устроенная митр. Евлогием, была распущена ее патроном, Константинопольским Патриархатом в 2018 г., в то время как Зарубежная Церковь (РПЦз), в ее основной части, воссоединилось с Московским Патриархатом в 2007 г.

¹¹ Номинально настоятелем в Бари считался протоиерей Христофор Флеров, который однако преимущественно жил в Риме.

странствиях направлялись и в Бари. <...> Во время моей поездки по Италии (в 1924 г.) я посетил Бари. Мне хотелось отслужить молебен у самых мощей святителя Николая. Ксендзы не позволили: «Мы не имеем права разрешить... надо обратиться к епископу». Епископ ответил уклончиво: «Не от меня зависит, надо запросить Рим...» Я послал телеграмму в Рим, прождал два дня – ответа не последовало. Я помолился у святых мощей и направился в Рим¹².

Жевахов при этом отнюдь не считал митрополита Евлогия своим правящим архиереем. Свою позицию по отношению к «Парижу» он разъясняет в момент, когда решил обратиться за моральной и финансовой поддержкой к влиятельной и состоятельной княгине М.П. Абамелек-Лазаревой (рожд. Демидовой кнж. Сан-Донато), жившей между Римом и Флоренцией. Княгиня открыто поддерживала Владыку Евлогия, и Жевахов послал ей в 1928 г. такое увещание:

Быть может даже бессознательно, но орудием в руках этих людей¹³ является и слабовольный и слабохарактерный митрополит Евлогий, несомненно, попавший в жидо-масонские сети. Митр. Евлогий давно уже имел в виду завладеть Подворьем и с этой целью даже лично приезжал в Бари [в 1924 г.], и, когда ему этого не удалось, тогда он буквально разорил Подворье, запретив какие-либо пожертвования и церковные сборы в пользу Подворья, раньше существовавшего на эти жертвования¹⁴.

¹² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. См. также <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=741>

¹³ Выше автор письма пишет о «злонамеренных людях», пожелавших завладеть Подворьем.

¹⁴ *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2014. С. 330. Это письмо служит косвенным подтверждением предположения о. Чоффари, что Жевахов мог быть причастным к неудачам Владыки Евлогия в Бари.

Можно предположить, что в окружении Владыки Евлогия рассматривались возможности удаления непокорного «управляющего Подворья» и возвращения Барграда в «парижскую» юрисдикцию, а также к выходу из положения через сдачу внаем городским учреждениям. Вероятно, к этому предполагалось привлечь Федора Галку, опытного секретаря кн. Абамелек-Лазаревой, который в те годы был также и старостой русской церкви во Флоренции. Жевахов, до которого дошли такие слухи, написал Ф. Галке гневную отповедь:

...сдача внаем Подворья итальянцам сама по себе свидетельствует о равнодушии русских людей к Подворью, могущих бы его использовать для широких русских нужд. Но, беседуя с Вами на эту тему, я отнюдь не уполномочивал Вас вести переговоры с митрополитом Евлогием, ибо, если бы я желал спасти Подворье с помощью жидовских или масонских средств, то не имел бы нужды прибегать к посредничеству митрополита Евлогия, а обратился бы к тем людям, от которых он получал средства на содержание его организаций. Жидо-масоны давно уже целятся на Подворье, и последнее не испытывало бы никакой нужды, если бы моя совесть и сознание долга перед Россией не препятствовали бы мне не только обращаться к ним за помощью, но даже принимать ее. Но доколе я имею страх Божий, дотоле Подворье не принимало и не примет никакого пожертвования от этих людей и их единомышленников. И ваше предложение [обратиться за помощью к митр. Евлогию. – М.Г.] я объясняю только Вашей полной неосведомленностью ни об источниках средств, находящихся в распоряжении митрополита Евлогия, ни о природе церковной распри, разделившей русских людей на сторонников митрополита Антония и митрополита Евлогия. Возможно, что Подворье накануне гибели, однако же оно предпочтет погибнуть, чем изменить долгу совести и чести¹⁵.

¹⁵ Там же, с. 329.

В поддержку «анти-евлогийской» позиции Жевахова выступали его единомышленники из консервативного стана эмиграции, в частности князь Д.П. Голицын (псевдоним Муравлин), писавший в 1928 г.:

Когда Ватикан считает возможным вести переговоры с большевиками, когда (удобства ради якобы забывающих свою родную речь беженцев) литургия исполняется на французском языке¹⁶ (как нам объясняют: для пропаганды Православия, словно Православие нуждается в рекламе и словно нашу литургию можно перевести как комедию Гоголя!), <...> когда нас бьют с одной стороны интердиктами католического естества, а с другой — комиссиями лютеранского облика, когда в печати возникают недосмысленные (или пересмысленные) восторги по поводу разнородных и несомненно еретических униатств, а в православном подворье в Бари некому служить литургию близ мощей Всероссийского Чудотворца Святителя Николая Мирликийского¹⁷ — ясно, что нам нужен православный голос, говорящий созидательное слово¹⁸.

Своим авторитетом поддержку Жевахову оказывал и князь А.А. Ширинский-Шихматов, заступивший в марте 1917 г. на пост председателя Императорского Православного Палестинского общества, после отказа от этой деятельности великой княгини Елизаветы Федоровны. Будучи монархистом, он ездил из Германии в Сремские Карловцы на Всезарубежный Собор под началом митрополита Антония. С середины 1920-х гг. он переехал в Париж, где и скончался в 1930 г. С Бари он вел обширную переписку, о чем сообщает сам Жевахов:

¹⁶ Критическая стрела в адрес «парижской» юрисдикции митр. Евлогия.

¹⁷ С 1926 г. (и по 1931 г.) в Бари, однако, находился постоянный русский священник, протоиерей Сергей Ноаров.

¹⁸ Из рецензии на первые два тома воспоминаний Н. Жевахова; отдельный оттиск.

Не менее тяжелы были условия жизни и деятельности князя А.А. Ширинского-Шихматова, управлявшего делами Палестинского Общества и не имевшего даже секретаря. Всю сложную переписку по делам Общества князь вел единолично. При таких условиях то исключительное внимание, какое князь уделял моей работе в Бари, откликаясь на каждое мое переживание, приобретает сугубое значение. Письма князя могли бы составить весьма ценный биографический материал, ибо являются не деловой отпиской на мои представления, не сухими ответами на мои письма, а отражением его духовной жизни, полной глубоких настроений и переживаний¹⁹.

В тот период Жевахову пришлось вести войну, согласного его собственному выражению, на «два фронта», так как на Подворье стала посягать окрепшая советская власть. Муссолини уже в 1924 г. признал правительство СССР со многими вытекающими последствиями — в частности, в Риме всё имущество, принадлежавшее императорскому посольству и консульству были переданы советской стороне, при этом старые дипломаты были выселены силой, с помощью полиции. Судебным порядком был передан новому советскому представительству и церковный земельный участок в Риме, где предполагалось строительство православной церкви и где в 1915 г. был даже заложен первый камень. И в Бари обитатели Подворья готовились к попытке захвата, которая не заставила себя ждать.

Если в Риме советская сторона завладела собственностью посольства согласно принципу «преемственности», то в Бари она стала разрабатывать линию Палестинского общества, законного владельца Подворья. В 1918 г. общество разделилось на две части — на Российское Палестинское общество (РПО), лояльное новой власти, и на Православное Палестинское общество (ППО),

¹⁹ Жевахов Н.Д. Светлой памяти князя А.А. Ширинского-Шихматова. Новый Сад. 1934.

оказавшееся в эмиграции. Вначале РПО заявляло, что занимается исключительно научной деятельностью, но с середины 1920-х гг. оно стало, явно с подачи советского правительства, интересоваться заграничными имущественными делами. На собственность в Бари РПО предъявила через суд претензию в 1926 г., но так как РПО официально исключало из своих программ «религиозный контент», то спустя три года, в 1929 г. было вынесено судебное решение по закреплению прав за эмигрантским ППО и Жеваховым²⁰.

Так к концу 1920-х гг. Жевахов стал единолично управлять Подворьем, завоевав при этом доверие городских властей. На Подворье, казалось, спокойно вздохнули – над хозяйством, теперь, правда, висел большой долг перед наследниками подрядчика Рикко, но от лица законных владельцев (ППО) Жевахов нашел городское учреждение, ставшее снимать русский странноприимный дом: с 1931 г. тут разместился сиротский приют.

Относительно собственно церковной жизни начало 1920-х гг., ознаменовалось важнейшим событием – 25 июля 1921 г. была освящена первая постоянная церковь – в подклете. Ей было дано имя святителя Спиридона Тримифунтского, и она в первой половине XX столетия служила единственным очагом русского православия в Апулии – до освящения в 1955 г. верхнего храма. В нее перенесли иконостас из разобранной временной церкви. В этой нижней церкви наездами служил

²⁰ Во время первого судебного процесса советскую сторону поддержали в своих свидетельствах А. Алексеев и В. Каменский; забегая вперед, в следующее десятилетие, сообщим, что кассационный суд в Риме в 1936 г. вынес решение о передаче Подворья РПО и советской стороне; в этот момент в дело вмешалась мэрия Бари, которая по сути дела выкупила постройку с земельным участком, одновременно пойдя на ряд уступок Жевахову, пообещавшим не предпринять никаких дальнейших судебных шагов.

о. Христофор Флеров²¹, по сути дела – первый барградский настоятель: он был назначен священником в Бари в 1913 г., но потом уклонился от этого служения. Однако после кончины о. Василия Кулакова о. Христофор Флеров вновь стал окормлять православных барийцев, приезжая, впрочем, сюда наездами из Рима, где у него оставалась жить большая семья и оставались многочисленные обязанности, в частности – духовника кн. Марии Абаemelек-Лазаревой. Отец Христофор считал своим правящим архиереем митрополита Евлогия и, соответственно, церковь полагалась «евлогианской». Однако в 1925 г., после неудачной поездки митрополита Евлогия в Бари и отхода о. Христофора, по старости, от барградских дел (вышел за штат в 1921 г., скончался в 1927 г.), патронаж над русской общиной взял на себя митрополит Антоний. В 1925 г. он назначил сюда настоятелем вновь постриженного иеромонаха Савву (Советова)²², впрочем совсем недолго пробывшего в Апулии. Именно эту дату – 1925 г. – следует считать моментом вхождения русской церкви в Бари в юрисдикцию РПЦз, которую она сохраняла до недавних времен. После о. Саввы в Бари прибыл игумен Серафим (Метельницкий), на очень краткий период, а во второй половине 1920-х гг. тут настоятельствовао протоиерей Сергей Ноаров²³.

²¹ Христофор Александрович Флеров (1846–1927), с 1874 г. диакон посольской Св.-Николаевской церкви в Риме, священник с 1907 г. Скончался в Риме.

²² Георгий Евгеньевич Советов (1898–1951), офицер, участник Мировой и Гражданской войн; в эмиграции в Сербии, затем с 1925 г. в Италии и, наконец, с 1926 г. в Польше, епископ (с 1947 г. архиепископ) Польской Православной Церкви, с 1943 г. в Лондоне, где и скончался.

²³ Сергей Иванович Ноаров (1881 – после 1950). Из духовенства. Участник Гражданской войны, после Болгарии и Сербии уехал в Италию, настоятель в Бари (1926–1931), затем переселился обратно в Сербию, где и умер. Жевахов с ним также вступил в конфронтацию, называя в своих записках «порочным».

К сожалению, все эти священники не задерживались в Бари – частью, из-за авторитарного характера «управляющего Подворьем», частью, из-за отсутствия паломников, местной общины и в целом экономической базы.

В итоге сложившаяся ситуация с муниципальным использованием странноприимного дома и с подчинением церковной жизни юрисдикции РПЦ²⁴ сохранялась до самого конца XX в. – до вышеупомянутого договора с РПЦ МП от 1998 г. и последующей передачи Подворья «новой» России – уже в XXI веке.

²⁴ С конца 40-х гг. до начала 60-х гг. община входила в «евлогийскую» юрисдикцию. Именно «евлогиане» закончили строительство и освятили в 1955 г. верхнюю церковь на Подворье.

ПРОФЕССОР-ЭМИГРАНТ ПАВЕЛ СОКОЛОВ, МЕЖДУ АПУЛИЕЙ И РОССИЕЙ

Имя Павла Александровича Соколова (1892–1964) еще не скажет очень много любителям и специалистам по русской литературе, потому что только в последние годы оно вышло из пустоты, где находилось и по желанию самого Соколова, который был, между прочим, очень скромным человеком. Тем не менее его вклад в историю русской эмиграции в Италии можно считать далеко не поверхностным, если иметь в виду его интересную биографию и обнаруженную переписку с выдающимися представителями и интерпретаторами русской культуры. В частности, выход его личности из архивов представляется новым шагом к композиции сложной мозаики русской эмиграции в Апулии – регион, где Соколов жил и работал в последние десятилетия своей жизни.

Тема русской эмиграции в Апулии на самом деле очень богатая, но еще не вполне изученная, если считать, что самые значительные свидетельства русского присутствия на «каблуке» Италии представляются чаще всего статейными записками русских послов и дипломатов разного типа, или представителей военного слоя (много из них из «петровского гнезда»). Они просто проезжали по Бари, останавливаясь один или несколько дней, посещали город, гуляли по старому центру, поклонялись перед святыней св. Николая и писали интересные путевые заметки. Несколько из них были опубликованы в 1990 г. в книге отца Джерардо Чоффари по названию о русских путешественниках в Апулии в XVII–XX вв.¹ Данная книга представляется редкостью, и как выделяется в самом ее названии, содержит заметки чистых путешественников (несколько из них

¹ *Cioffari G. Viaggiatori russi in Puglia dal '600 al primo '900. Schena. Fasano. 1990.*

даже очень важные – как например царевич Алексей, сын Петра Великого²), которые ненадолго останавливались, а потом уезжали, оставив только следы своего присутствия в южном итальянском городе³.

В XX веке выдающимися путешественниками по Апулии были писатель и искусствовед Павел Муратов, который ездил по Апулии в 1924 г., и его попутчики – рижский художник Федор Бренсон и Максим Максимович Пешков (сын писателя Горького). Их путевые заметки написаны Бренсоном по-французски и опубликованы в 1928 г.⁴, а недавно славист Патриция Деотто прокомментировала их в журнале «Europa Orientalis»⁵. К вышесказанному, можно добавить своеобразные барийские впечатления Виктора Шкловского, написанные в форме письма писателя-формалиста к итальянскому слависту Этторе Ло Гатто и, опубликованные самим Ло Гатто в своей книге о русских в Италии⁶.

Хотя и ясно, что в Апулии не отсутствовали интересные русские личности в области культуры, следует выделить, что значительных лидеров русской диаспоры в южном итальянском регионе, как и было например в Риме (Вячеслав Иванов), Милане, Неаполе и Капри (Максим Горький), не было. До революции, как отметил историк Анджело Тамборра, был даже «проект создать итальянско-русский университет, который должен был

² Ivi, p. 68–73.

³ Обзор отзывов паломников в Бари см. также в: *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. С. 139–143.

⁴ *Brenson F.* Voyage à travers la Pouille: notes d'un peintre. Milan, 1928.

⁵ *Деотто П.* Павел Муратов и Федор Бренсон: путешествие писателя и художника по Апулии // *Europa Orientalis*, 2011, № 1 (XXX). P. 227–241.

⁶ *Lo Gatto E.* Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi. Roma: Editori Riuniti, 1971. P. 321–323.

действовать мостом между Италией и балканским полуостровом»⁷, но в конце проект не увидел свет.

По своим заслугам в строении самого важного духовного и культурного центра русских в Бари, т.е. русская церковь св. Николая в квартале Каррасси⁸, «значительным представителем» русской колонии в Апулии можно считать князя Николая Давидовича Жевахова (1874–1946), личность которого тоже еще не вполне изучена, но который между прочим был автором в 1910 г. интересной книги путевых заметок по Бари⁹. Учитывая всё сказанное, личность Павла Александровича Соколова следует считать особенно интересным и важным.

Данные о его биографии можно было обнаруживать в источниках разного типа¹⁰, на которые мы будем и здесь ссылаться, но в подробности читатель может узнать о Paolo Sokoloff (по итальянскому официальному варианту, ему принятому с самого начала долгого «спокойного пребывания» – «soggiorno tranquillo»¹¹ – в Италии), читая переписку

⁷ *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Riviera ligure, Capri, Messina. Catanzaro: Rubbettino, 2002. P. 91.

⁸ См. в частности об истории русской церкви в Бари: *Lavermicocca N., Cusatelli D.* La chiesa russa. Bari: Edipuglia, 1988; *Cioffari G.* Storia della Chiesa russa di Bari // *Nicolaus Studi Storici*. 2001. № 1. P. 5–78; Патриаршее подворье Святителя Николая Чудотворца в Бари / ред.-сост. М.Г. Талалай. Москва: Индрик, 2013.

⁹ *Жевахов Н.Д.* Бари. Путевые заметки. СПб, 1910.

¹⁰ См. биограф. ст. о нем на проэкт-сайте www.russinitalia.it [<http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=875>].

¹¹ Письмо Павла Соколова к Томмазо Фиоре от декабря 1946. Цит. по: *Caratozzolo M.* Russia e Italia nella corrispondenza di Tommaso Fiore e Paolo Sokoloff (1945–1952) // *Archivio russo-italiano*. Вып. X. P. 323. Переписка между Павлом Соколовым и Томмазо Фиоре хранится в отделе рукописей Барийской Государственной Библиотеки «Сагаррига Висконти Волпе», в фонде Фиоре. Письма опубликованы мной с комментарием в вышеуказанной серии «Archivio russo-italiano», вып. X, p. 297–328. Далее текст этих писем цитируется по данной публикации.

его с апулийским писателем и «меридионалистом» Томмазо Фиоре и с самым известным из русских поэтов, тогда живших в эмиграции в Италии – Вячеславом Ивановым. К сожалению, в последней случае известны только письма Соколова поэту, которые готовятся к печати с комментарием в итальянской серии «Archivio Russo Italiano».

Павел Александрович Соколов родился в 1892 г. в Москве, в богатой семье ювелиров, как стало известно из официального свидетельства его смерти, сохранившегося в архиве муниципалитета г. Мольфетта. Фамилия Соколов очень распространенная, поэтому трудно узнать из всех русских дореволюционных Соколовых, был ли один известный ювелир по имени Александр, но нельзя сомневаться в том, что семья Павла Александровича была достаточно обеспеченной, и что все члены ее были высоко образованными. Известно и, что у него был по крайней мере два брата и одна сестра. Сестра умерла, когда была очень молодой, оставляя глубокие печальные следы в душе Павла – он с этого момента начал страдать психоневрозом, который будет в течение всей жизни мучить его, вместе с другими ранами и болезнями: о них он нередко пишет в своих письмах и, из-за которых он считался «военным инвалидом».

«Следуя старшим братьям»¹², Павел Александрович стал работать в партии социалистов-революционеров, принимая активное участие в партийной пропаганде, но в 1905 г. был арестован и заключен на несколько дней за распространение запрещенных листовок. В годы после ареста, Соколов отказывался от открытой политической борьбы и в 1912 г. записался в Московский Государственный университет, на филологический факультет, но должен был остановить учебу после второго курса¹³, решив пойти в армию добровольцем, когда нача-

¹² Письмо к Фиоре от ноября 1946. Ivi, p. 314.

¹³ Как читается в деле Ватиканского Архива, он в МГУ успел изучать только два года.

лась Первая мировая война. Бригада Соколова находилась в Минске, поэтому Соколов не принял прямого участия в боях, но, будучи солдатом, прожил еще в Минске сложное время революционного переворота, против которого он с самого начала открыто выступал.

В 1918 Соколов, пережив польский плен¹⁴ и тяжелое расхождение с семьей, решил эмигрировать. Единственное свидетельство об эмигрантском маршруте, который по его рассказу более похож на пятилетний путь мученика, находится в письме к Томмазо Фиоре от ноября 1946, где он описывает все этапы своего «паломничества» (он же не без иронии использует очень подходящее в данном сборнике итальянское слово «pellegrinaggio»), перечисляя их в форме «названий глав моей жизни» («titoli dei capitoli della mia vita»):

Постоянный фон – голод и нищета. Маршрут: Польша, Чехословакия, Австрия, Сербия, Болгария, Крым, Константинополь, полуостров Галлиполи, снова Болгария, потом Париж и наконец Милан. Пять лет блужданий, болезней и нищеты: тиф, дизентерия, слепота после заката, фурункулоза и т.д. Работы: бухгалтер, носильщик в санитарном складе, почтальон, садовник в английском военном кладбище, строитель в шахте (с воспаленными глазами), рабочий на лесопилке, пастух (с температурой 40 градусов), охрана в винограднике (где я лечился виноградом, потому что хозяин не давал вовремя другие продукты), рабочий на машинных заводах и на вокзальной камере хранения, мойщик поездов и в то же время студент в Сорбонне. И, наконец, студент в Милане¹⁵.

¹⁴ Письмо Соколова В. Иванову от 19 июня 1947г. Архив В.И. Иванова. Опись 5. Картон 10. Папка 11. Л. 9 [http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k10.htm].

¹⁵ Письмо к Фиоре от ноября 1946. Russia e Italia nella corrispondenza, с. 314.

Особенное внимание следует обратить на его миланское пребывание в качестве студента. Всё началось 30 апреля 1923 г., когда Государственный секретарь Святого Престола Пьетро Гаспарри, по сильному желанию Папы Пия XI, написал Исполнительному Совету Миланского Католического университета о желании Ватикана помочь студентам-беженцам из России, предлагая им возможность учиться бесплатно в миланском университете¹⁶. Александр Иосифович Лысаковский (1879–1941), тогдашний министр-резидент Русской миссии при Святом Престоле, со своей стороны тоже глубоко интересовался данной возможностью и попросил¹⁷ ректора Католического университета принять несколько русских студентов и обеспечить не только их учебу, но и проживание. Таким образом, 6 августа 1923 г.¹⁸ он представил список студентов, пять из которых уже учились в Москве на юридическом факультете, а 2 – на филологическом. В первом списке имя Соколова еще не стояло, и появилось только в следующем, составленном в октябре 1923 г. и включающем шесть студентов «*celibataires*»¹⁹: это Александр Покровский, Леонид Ганчиков, Петр Спасский, Виктор Геромский, Павел Соколов, Александр Терешкович²⁰. В марте 1924 г. список окончательно сокращается: Ганчиков, Спасский и Соколов²¹. Они сразу начали курсы на филологическом факультете и стали жить в приюте кардинала Феррари. Много интересных данных о жизни Соколова и Ганчикова

¹⁶ Письмо от 30 апреля 1923 г. по названию «*Circa [gli] studenti russi*» (О русских студентах). Archivio della Segreteria di Stato Vaticano. Фонд 1927. Опись 181. Д. 1. Л. 66–69.

¹⁷ Там же. Л. 74.

¹⁸ Там же. Л. 77.

¹⁹ *Фр.*: холостые.

²⁰ Там же. Л. 83.

²¹ Там же. Л. 99.

в Миланском университете и при приюте Феррари содержится в недавней статье М.Г. Талалая²², а также в воспоминаниях дочери Ганчикова Анны Леонидовны²³.

Из архивных документах выделяется, что министр Лысаковский постоянно спрашивал о том, как русские студенты себя вели. Он получал положительные отзывы о том, что «три юноши Ганичиков, Спасский, Соколов в течение целого учебного года имели очень хорошее поведение. Я [директор приюта Джованни Росси] даже получил информацию от Католического университета, где меня уверили, что они учатся удовлетворительно»²⁴.

Из другого источника известно, что Соколов окончил университет в июне 1927 г., защищая дипломную работу по названию «Францисканский коммунизм и современный комунизм». Работа опубликована миланским издательством самого кардинала Феррари в том же году²⁵. В письме к Вячеславу Иванову, Соколов пишет и о долгой безработице после университета, но данный период отсутствия работы без сомнений завершился 7 февраля 1933 г., когда его назначили преподавателем английского языка в Бергамском Технико-промышленном институте. Здесь и в других училищах он преподавал английский, французский и немецкий язык по 16 октября 1940 г.

²² Талалай М.Г. Русские студенты-эмигранты в Католическом Университете г. Милана в 1920-е годы // Русское зарубежье. История и современность. Вып. VI. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 186–193.

²³ Ганчиков Л.Я. О путях русского духа / Сост., ред., пер. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2019. С. 189–192.

²⁴ Archivio della Segreteria di Stato Vaticano... Л. 108. [«I tre giovani russi Gantschoff, Spaski, Sokoloff, durante l'intero anno scolastico hanno tenuto ottima condotta. Mi sono pure informato presso l'Università Cattolica ed ho avuto assicurazione che il profitto dei sud-detti tre giovani è soddisfacente»].

²⁵ Sokoloff P. *Il comunismo francescano e il comunismo moderno*. Milano: C. Ferrari, 1927.

В Бергамо Соколов жил достаточно счастливо, если иметь в виду, что не раз, после отъезда с Севера, и не без гордости, он вспоминал о своих бергамских «друзьях», с которыми еще переписывался²⁶. 11 октября, телеграммой из Итальянского Министерства Просвещения, Соколова назначили «ординарным преподавателем», поручив кафедру английского языка в Классическом лицее «Принчипе ди Пьемонте» г. Мольфетты, в 30 километрах от Бари, куда он сразу переехал с семьей. Соколов здесь проработал по 1 октября 1962 г., когда официально вышел на пенсию. Через два года, уже тяжело больным, он переехал в Австралию, где жила его единственная дочь Татьяна (по документам Tatiana Sokoloff), окончившая факультет иностранных языков в Барийском университете и затем переехавшая в Австралию, где стала лектором итальянского языка в университете г. Сидней. Скончался Павел Соколов именно там, 16 июля 1964 г., за три месяца после его приезда к дочери. На горькой судьбе Татьяны мы остановимся дальше.

В течение 40-х и 50-х годов, практически до пенсии, Соколов не только работал преподавателем, но и расширил свою деятельность по разным областям: он с марта 1947 г. стал «professore incaricato» (профессором на временной ставке) в Барийском Государственном университете, где вел курсы русского языка и литературы; интересовался политическими темами, не принимая однако участия ни в какой партийной деятельности; вел небезинтересные научные исследования, которые свелись к публикации несколько научных статей и одной монографии.

Начнем с последних двух его дел, которые тесно связаны с деятельностью в Барийском университете. Неизвестно каким путем Соколову открылись двери

²⁶ Письмо к Фиоре от ноября 1946. *Russia e Italia nella corrispondenza*, p. 313.

университета, вероятнее всего важную роль в этом играл его верный друг Томмазо Фиоре, тоже преподававший в лицее Мольфетты и к тому времени только лишь ставший вести на тогдашнем факультете иностранных языков курсы латинской литературы. Как сам Соколов отметил в Лицейском реестре («Stato del personale») – важнейшем официальном документе, где он перечислял все свои работы с окончания университетской учебы по 1949 г. – его назначили «professore incaricato» русской литературы в марте 1947 г., после того как деканат лицея, Барийская Районная инспекция учебных заведений и Министерство просвещения – официальным сообщением от 25 марта – проверили его рабочую позицию. Насколько известно, его временная ставка в университете подтверждалась из года в год (будучи лицейским преподавателем, он не мог получить постоянное место в университете) до начала 60-х годов, когда профессор покинул Итланию. В письме к Вячеславу Иванову от января 1947 г., он описывает с энтузиазмом свою первую университетскую лекцию, которая по университетскому законодательству, служила официальным экзаменом для получения ставки:

...у меня было уже больше двадцати студентов и по слухам уже дошедшим сюда, студентам очень понравился и курс, и моя манера говорить. Ну и хорошо, если так. Давая общую характеристику русской литературы, коснулся я и русской души [...]. Говоря о языке, процитировал суждения Ломоносова, Тургенева, Проспера Мериме, указал на его положение в семье индо-европейских народов, говорил о миссии Кирилла и Мефодия, о церковно-славянском языке и т.д., иллюстрируя лекцию снимками со старинных памятников письменности²⁷.

²⁷ Письмо Соколова В. Иванову от января 1947г. Архив В.И. Иванова. Опись 5. Картон 10. Папка 11. Л. 1об. [<http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k10.htm>].

Преподаватели средней школы г. Мольфетта, учебный год 1961/1962; П.А. Соколов – третий слева в первом ряду (со шляпой на колене)

Научная деятельность Соколова тоже представляет особый интерес. Она подробно описывается и комментируется в уже опубликованных исследованиях о профессоре-эмигранте²⁸. Говоря о них, важно подчеркнуть, что это единственный «публичный случай», когда Соколов открыто высказывает свое отрицательное мнение об Октябрьской революции. Приводим три примера.

В его длинной научной статье «Il problema della proprietà terriera nella storia del contadino russo» (Проблема земледелия в истории русского крестьянства) от 1948 г., он заключает статью, упрекая большевиков в том, что они сразу после революции не приняли Земельной реформы, внедренной в 1918 г. Учредительным собранием и построили основу для советской системы, по которой «крестьянам понятно, что они не являются хозяевами деревни [...], они защищают свою хозяйство,

²⁸ См. в частности: *Caratozzolo. Russia e Italia*, цит.; *Талалай. Русские студенты-эмигранты*, цит.

прячут пшеницу и убивают скот, чтобы их не отдавать заготовительным пунктам; обрабатывают только маленький земельный участок в свою пользу; отказываются от колхозной организации»²⁹.

В другой статье, написанной в 1950 г., посвященной творчеству Леонида Андреева, Соколов описывает и комментирует его очерк «S.O.S.» (1919), где великий русский писатель выступает против большевистской власти. Соколов подчеркивает, что Андреев в 1919 г., сочиняя свой очерк, «остался детей своего времени» и, что даже через тридцать лет после смерти писателя, западные журналисты теми же самыми словами определяли отношения между своим миром и Советским Союзом³⁰.

Особое внимание следует еще обратить на его монографию о жизни и творчестве Ивана Посошкова (1953), где автор подробно комментирует его «Книгу о скудости и богатстве», ссылаясь на издание Кафенгауза от 1937 г., которое ему дал читать сам Этторе Ло Гатто³¹. Из монографии очевидно, что сам Соколов в те годы перевел на итальянский «Книгу...» Посошкова, но перевод,

²⁹ *Sokoloff P. Il problema della proprietà terriera nella storia del contadino russo // Annali della Facoltà di Economia e Commercio dell'Università di Bari. Vol. VIII, 1948. P. 28* [«i contadini capiscono che non sono affatto padroni della campagna [...] difendono la loro proprietà, nascondendo il grano e uccidendo il bestiame per non consegnarli agli ammassi; non coltivano che un ristretto pezzo di terra per il proprio uso; rifiutano di organizzarsi in aziende collettive»].

³⁰ Тот же. *L'SOS di Leonida Andreev: nel 30. anniversario della morte // Annali del corso di Lingue e Letterature straniere presso l'Università di Bari. 1950, 1. P. 372.*

³¹ *Sokoloff P. Ivàn Pòsoškov e il suo "Libro della povertà e della ricchezza". Molfetta: Scuola tipografica dell'Istituto provinciale "Apicella" per sordomuti, 1953.* В начале книги Соколов благодарит Этторе Ло Гатто (с. 3) «за предоставление книги», но в архиве итальянского слависта не обнаружено дальнейших свидетельств их знакомства.

насколько нам известно, не увидел свет. И здесь Соколов еще раз выступает против большевистской власти, считая «мученичество» Посошкова историческим предвестием большевистской отмены Земельной реформы и преследования кулаков³².

Его враждебность к политике большевиков выделяется и в переписке с Томмазо Фиоре, относящейся к 40-м и началу 50-х гг. Апулийский писатель, который очень храбро во время и после войны боролся с фашистской властью и соответствующим менталитетом, на Юге стал одним из главных представителей послевоенных политических дебатов. Он не раз публично выражал желание, чтобы Итальянская Социалистическая партия (куда Фиоре записался в 1946 г.) соединилась с Коммунистической, ради борьбы против «Правого блока». В середине 1940-х гг. Итальянское правительство Де Гаспери поддерживал союз трех партий – Христианско-демократической (DC), Социалистической (PSI) и Коммунистической (PCI). С 1946 г. в Социалистическую вошли многие (в том числе и Фиоре) из ушедших из партии Действия (PDA), которая переживала тогда большой кризис, и которой сам Соколов уже с бергамских годов сочувствовал, не принимая тем не менее в ее действиях никакого активного участия.

Политические взгляды Социалистической партии не были едины: ее руководитель Пьетро Ненни (1891–1980) хотел «договор о союзе» с Коммунистической, а другой важный ее представитель, Джузеппе Сарагат (1898–1988), отказывался от союза с коммунистами. Не удивительно, что Павел Соколов соглашался с идеями Сарагата, как это видно из самой переписки со сторонником П. Ненни Томмазо Фиоре, который писал Соколову: «Социализм не может быть анти-коммунистическим, но должен уважать традиции нашей культуры. [...] Всякий раскол был

³² Ivi, p. 37–38.

бы вредительным, или в социалистической, или в левых партиях». Соколов отвечал: «Единственным решением по итальянским политическим разногласиям является крепкий союз между социалистами и христианско-демократами и открытая непримиримая борьба с коммунистами и квалунквистами. И что касается ситуации в остальном мире, могу только повторять: приближается Третья мировая война». К счастью последнее предчувствие эмигранта не сбылось.

Осталось выяснить последнюю главу истории семьи Павла Соколова. Как уже сказано, сразу после его переезда в Австралию, он умер и оставил жену и единственную незамуженную дочь Татьяну. Она была очень ценным профессором итальянского языка в университете Сиднея. Как выражается бывшая заведующая кафедрой итальянского языка, проф. Нерида Ньюбиджин [Newbigin], «молодые исследователи инженерного факультета [где Татьяна вела курсы итальянского. – М.К.] мне говорили о ее чрезвычайной красоте и радости жизни. Они ее обожали»³³. Когда она еще жила на юге Италии, все жители Мольфетты на самом деле любили Татьяну и высоко ценили ее русскую красоту. Известно даже, что выдающийся апулийский скульптор Джулио Коццоли (1882–1957), родом из Мольфетты, при создании одного варианта статуи Марии Магдалины захотел, чтобы красавица Татьяна позировала для него. Когда статуя была закончена и представлена публике в 1950 г., она вызвала – из-за подчеркнутой женственности фигуры Магдалины – расстройство большинства жителей и самого епископа Акилле Сальвуччи (1884–1978), который запретил показ этой статуи в крестные ходы.

Судьба Татьяны Соколовой сложилась трагично: 6 сентября 1986 г. она была убита в своем доме, где жила с матерью Клавдией, преступником, личность которого

³³ Личное послание к автору от 4 ноября 2016 г.

Мария Магдалина,
ск. Джулио Коццоли, 1950 г.

не установлена³⁴. Клавдия Фителего-Соколова, жена Павла Александровича Соколова, умерла спустя год. К сожалению, не сохранился семейный архив, который, судя по статье о ее смерти, опубликованной в газете «Sidney Morning Herald», она «ревниво хранила».

Подводя итоги, следует не только подчеркнуть заслуги Павла Соколова в распространении русской культуры в Апулии, но и постараться найти другие источники, которые бы могли нам помочь расширить понятие о круге русских интеллектуалов,

живших и действующих в Апулии после Второй мировой войны и определить их функции в создания моста между итальянским и русским народами.

³⁴Williams G. For Tatiana, a lonely life and a tragic brutal death // Sidney Morning Herald. 10.IX.1986.

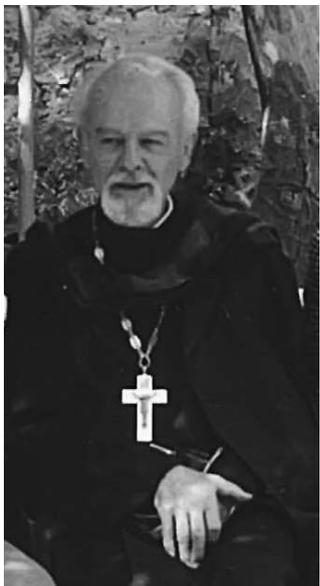
ПАЛОМНИЧЕСТВО В БАРИ В 1973 ГОДУ

Первого марта 2009 года город Бари передал православный храм Святителя Николая Московскому Патриархату. Ровно 46 лет тому назад, в марте 1973 года, я с моим мужем Игорем и с годовалым сыном Сережей, приехала в Бари из Франции, где мы жили в семейном замке у реки Луары, пока мой муж, оперный певец, ездил и пел в разных городах. Замок поставили на продажу. Что делать? Как быть? Возвращаться в Канаду, где был семейный дом? Нет. Необходимо нам оставаться в Европе, чтобы продолжить карьеру певца. И вот как раз пришло письмо от отца Игоря Значковского, настоятеля храма Святителя Николая в городе Бари, предлагая мне положение псаломщика-регента.

Мы, конечно, обрадовались и тут же отправились поездом из Парижа в Бари. Поездка была ужасная. Во время пересадки в Милане, Сережа закатил скандал на весь вокзал и в нашем купе, не переставая, бушевал всю ночь у меня на руках. Ясное дело, что заснул он в тот самый момент, когда на рассвете поезд приехал в Бари. Я, конечно, была сильно расстроена из-за поведения моего нормально-спокойного и идеального ребенка, и прямо не знала, куда спрятаться от выходящих из поезда пассажиров, которые злобно смотрели в нашу сторону и качали головами. Мелькнула мысль, что мы тут делаем? Не какой-то кошмар ли?

Нас встретил отец Игорь на перроне с радостной и приветливой улыбкой. Сомнения прошли и настроение поднялось.

Большое впечатление произвело на меня, урожденную американку, чугунные ворота с двуглавым орлом. Высокая кирпичная стена с осколками стекла на верхушке окружала имущество. Сад был великолепный. Запах лаванды и других мне неизвестных цветов, лимонные, фиговые,

Отец Игорь Значковский,
июнь 1973 г.

абрикосовые деревья и аккуратные тропинки, которые вились вокруг всего сада, прямо чудо.

Было два удобных домика со стенами из штукатурки с мраморными полами. Мы поселились в первом домике, аккуратном и светлом со всеми удобствами. Большая спальня, маленькая открытая комната, столовая с дубовым монастырским столом и кухня. Во втором, меньшем, домике жила монашка, мать Николая. Еще до революции послали ее в Бари обслуживать паломников. Ей было тогда всего 17 лет. Мать Николая никогда не вернулась на родину. Владыка Сильвестр Харунс, посветил ее в чин

«мать» в 50-х годах, когда храм Св. Николая принадлежал Западно-Европейскому Экзархату. Она точно соблюдала монастырский молитвенный обряд и не отходила от правил. Пела она зычным, степным голосом.

Во время Второй мировой войны, мать Николая опекала раненных русских летчиков, навещая их в больнице, прятала легко-раненных в подземельных погребах церкви от фашистов, а затем, после окончания войны, – от репатриации в СССР. Один такой летчик уверял, что когда его эскадрон совершал налеты на порт города Бари, появлялся вдруг откуда-то туман, даже в самые солнечные дни, который покрывал весь город до тьмы. И действительно, в отличии от Бриндизи, Барград уцелел...

В 60-х годах отец Игорь Значковский перевел храм под юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви

Мать Николая перед своим домиком в церковном саду

за Границей. Мать Николая, не смотря на свою глубокую веру, скептически относилась к оправданию о. Игоря, а именно, что сам Святитель подсказал Значковскому это сделать.

Мать Николая была весьма гостеприимная. Угощала нас хрустиками из картошки и замечательным, довольно крепким, прозрачным напитком из сахара и молока.

«Ты запомнишь рецепт?» – спрашивает меня муж.

«О да, непременно» – ответила я. Однако потом вспомнить его не смогла...

До 1937 года администратором этого всего имущества был князь Николай Жевахов. Императорское Православное Палестинское общество, организованное в 1880-х годах с целью опекать паломников на Святую Землю, в 1911 году купила окружающие поля для производства томатного соуса. Было выстроено также многоквартирное помещение

для паломников. В 1937 году князь договорился с государством Муссолини не закрывать церковь: городу Бари он отдал земли и здание для паломников с условием, что город обязывается гарантировать содержать сад, два домика, церковное здание и садовника. Город также согласился обеспечить священника, мать Николаю и дьякона – в данном случае меня, псаломщика, т.к. дьякон уехал в Женеву. В мое время в городской ратуше в коридорах стояли великолепные скамейки из дуба с русскими двуглавыми орлами.

Отец Игорь Значковский с его матушкой Тамарой приехали в Бари из Аргентины, где, если не ошибаюсь, был рукоположен во священники. Русский офицер во время Первой мировой войны, о. Игорь участвовал в Белом движении. Он расшаркивался перед каждой иконой, когда ходил с кадилом, останавливаясь чуть дольше перед портретами Государя и Государыни у входа верхнего храма.

В какой-то момент его эмигрантской жизни в Париже, о. Игорь работал таксистом. Сколько раз мы молча поражались его способностью вести автомобиль, ловко лавируя по Корсо Сицилии до Базилики. Письма приходили со всего мира с прошениями о молебнах, акафистах, литии у самой гробницы, где покоятся мощи Святителя Николая. О. Игорь всё выполнял досконально и усердно.

«Ну, поехали к Святителю» – был наш ежедневный лозунг.

Храм Св. Николая как бы принадлежал всем русским православным, что очевидно в следующей вырезке из газеты «Новое русское слово» – письмо редактору от Владимира Самарина.

Матушка Тамара уверяла, что если болит зуб, стоит только окунуть палец в лампаду у Святителя и смазать десну, как всё пройдет.

В то время нам, православным, разрешалось заходить за решетку крипты, где хранятся мощи. Доминиканский приор, падре Леонардо показал мне лично, где висит ключ

от крипты. По-видимому, это из-за того, что мраморный пол в базилике выложили царь Николай II и Великая Княгиня Елизавета. Мы поэтому могли выполнять требы и служить обедни в базилике, когда приезжали группы паломников.

Надо было пройти через всю базилику к алтарю, где сбоку спустилась мраморная лестница вниз, в крипту. За чугунной решеткой стоял мраморный престол, часто освещенный золотистым светом множества горящих свечей. Над ним висела мозаичная икона Св. Николая. Под престолом за решеткой было маленькое отверстие. Можно было лечь лицом вниз и увидеть мощи, которые источали манну, которые были покрыты воском, но была маленькая трубочка, через которую монахи выкачивали манну раз в месяц. В мое время, эту манну разбавляли с освященной водой. Была католическая вода и православная вода. Отцу Игорю давали долю для православных. Католическую долю можно было приобрести в лавке базилики.

Раз приехала группа молодых паломников из Австралии. Они привезли с собой окровавленную рубашку молодого их друга-прихожанина, который попал в аварию и лежал в коме. Служили полную литургию. С ними был и диакон. Рубашку положили под престол, сверху мощей. Вслед пришло от них письмо, извещая о том, что когда эту рубашку приложили на пострадавшего, он вышел из комы.

Спасибо Иезуитскому центру, который, когда были большие группы паломников, предоставлял возможность переночевать у них со завтраком.

Ежедневные и постные службы обыкновенно совершались в нижней церкви Св. Спиридона. В ней было еще всё царское, включая три кресла. Вечером бывало, что на них молча сидели три старца, в черных монашеском одеянии. Являются ли они еще?

Было большое событие на весь район – пожар в части храма, выделенной для школы, где находилось триста детей. Очевидно, во время починки старой крыши пролилась банка с кислотой. Детей всех удачно вывели. Случилось это в два часа дня, когда мы все, как было принято, отдыхали. Мы не сразу услышали крики и стук в закрытые ворота, пока в конце концов, кто-то через них перелез.

«Церковь, церковь горит!»

Мы выскочили. Муж вбежал в покои Значковских на втором этаже – спросить разрешение спасти царскую утварь и ценные иконы из нижней церкви. Отец Игорь стоял у окна, видимо молился и потому, не переставая, крестился.

«Не надо» – он тихо сказал и снова сосредоточился на молитву.

Я тем временем уже стояла на другой стороне улицы с сыном на руках, среди большой толпы. Вдруг совсем неожиданно на небе появился вихрь, спустился на пламя и с пламенем улетел вверх на небо. Мы ахнули. Остался только маленький дымок.

Прямо на углу рядом с церковью был итальянский коммунистический клуб. Они привыкли все годы до нашего

Репортаж о пожаре на Подворье в газете «Cronaca di Bari»

приезда по воскресеньям во время богослужения в верхнем храме пускать на всю улицу через рупор «Интернационал», «Катюшу» и прочее. Хорошо, что муж Игорь, «il basso russo» (русский бас), как его называли итальянцы, был довольно солидный и сильный. Его хорошо знали: отправляясь на базар за продовольствием, он заходил к мяснику, чемпиону квартала по ручному бою, которого однажды переборол. Это безусловно помогло, потому что, когда Игорь обратился к коммунистическому клубу, они сразу же прекратили свою воскресную музыку по утрам.

И надо же было, что на Пасху приехали паломники из Германии и Америки. Один из них оказался драматическим тенором. Другая – контральт. К тому же, оба были соборными регентами! А как раз перед тем нас пригласили на Пасхальную мессу в базилику. Квартет! Решили спеть католикам «Хвалите Имя» Архангельского и «Херувимскую» 7-го номера Бортнянского, к тому же наизусть, потому что, где приобрести такие ноты в Бари?

Базилика была битком заполнена. Отца Игоря, одетого в самый шикарный бордовый подрясник, как важного гостя посадили в кресло. Пока народ заходил в храм, играл органист. Затем, перед самым входом епископа, органист торжественно сыграл аккорд в соль мажор и мы грянули «Хвалите...», как положено по-нашему. А «Херувимскую» мы спели во время «Offertorio». После всего к нам подошла очень элегантная и милейшая «Contessa» (графиня) в лайковых перчатках, каждому подала руку и благодарила каждого из нас за пение. Она была в Бари патронесса искусства.

В 1975 году Итало, верный и замечательный садовник, сторож и на все руки мастер, тайно сказал мужу, что шли разговоры о похищении нашего сына за деньги. И так, совсем неожиданно, пришлось покинуть эту уникальное место с ее святыней, куда еще пока не удастся вернуться.

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА

Людям нравится путешествовать. Оставив повседневную суету, они стремятся увидеть что-то новое, необычное, притягательное. На этой основе возникает самый разнообразный туризм: природный, когда хотят лицезреть горы, моря, водопады; экологический, когда стремятся защитить природу от грубого к ней отношения; исторический, когда посещают места, памятные по событиям прошлых лет; эстетический, когда восхищаются красотой творений архитектуры, живописи, пластики вроде путешествия по Золотому кольцу России.

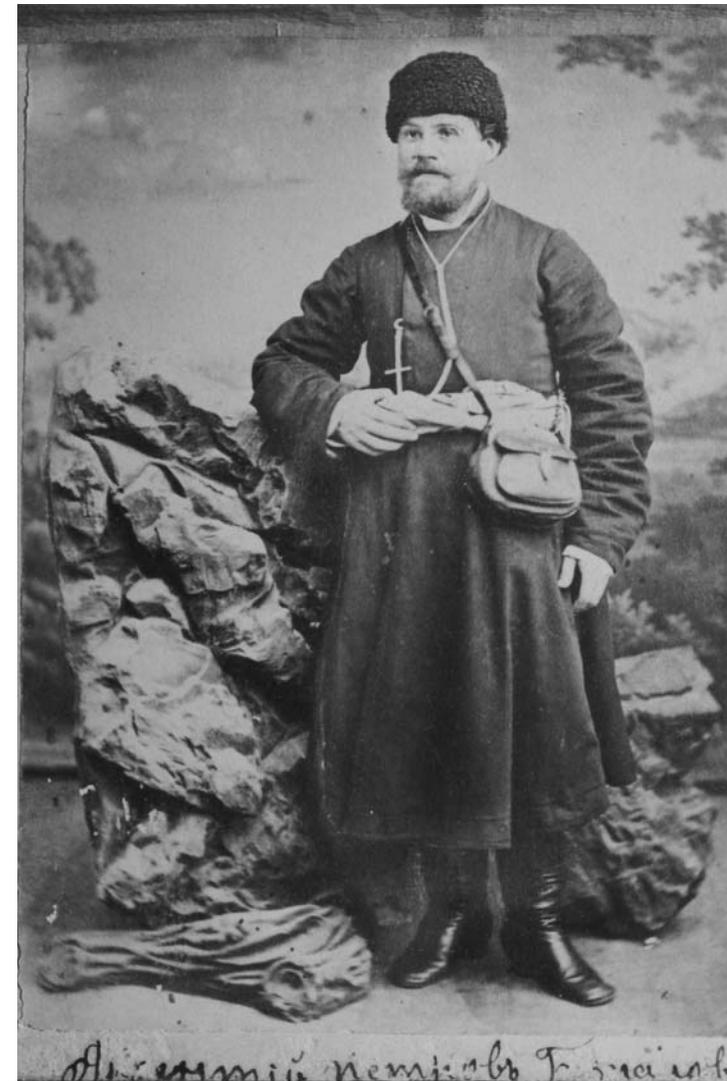
Но есть еще один, не шумный и сокровенный вид странствий – это путешествие по святым местам, имеющее духовное, нравственное, сакральное содержание. Во всех религиях существуют священные, глубоко почитаемые и сберегаемые места. В исламе это прежде всего Мекка, куда совершают хадж правоверные мусульмане. В буддизме это места, связанные с пребыванием Будды и сподобившихся ему последователей. В язычестве чаще всего почитаются необычные природные явления, через которые проступают сверхъестественные силы, вроде так называемого «синего камня» на берегу Плесеева озера.

Мы коснемся христианского паломничества. Первоначально под ним подразумевалось посещение святых мест, связанных с земной жизнью Спасителя, его учеников апостолов, Девы Марии: преклонялись перед крестным путем терзаемого Христа, ныне именуемым *Via Dolorosa*, перед Голгофой, где Он принял мучительную казнь. Возвращавшиеся в родные края богомольцы часто приносили с собой пальмовые ветви как свидетельство о посещении святых мест и память о них. По этой причине оных стали называть паломниками, а их сакральное странствие – паломничеством.

Существовал еще один обычай, связанный с ветвями пальмы. Ими приветствовали Спасителя при въезде в Иерусалим через Золотые врата. Ныне в православном календаре этот день именуется как Вход Господень в Иерусалим. Поскольку пальмы не растут на Руси, было принято приветствовать лицо, изображающее Спасителя, ветками вербы. Отсюда народное название праздника – Вербное воскресенье. Сохранились описания того, как в этот день из Кремля, выезжал патриарх, на осляти, которого вел под уздцы сам царь-государь. Это свидетельство о смирении светской власти перед церковной и о величии Спасителя перед всеми восторгающимися.

Безусловно, посещение мест на Святой Земле, связанных с рождением, жизнью, распятием Христа и деятельностью его последователей, оказывало сильнейшее воздействие на паломников. Одно дело слышать и читать о Рождестве Христовом, другое дело – посетить место рождения Спасителя и всеми чувствами его воспринять. Эмоциональное восприятие гораздо сильнее абстрактного осознания какого-либо факта или события: оно входит в глубины человеческого сознания и остается в нем навсегда как сокровенная составляющая.

Все мы слышали и читали о Благовещении архангелом Гавриилом Деве Марии как предзнаменовании будущего рождения Спасителя. На русских иконах это событие, ставшее одним из Двенадесятых праздников, изображается традиционно, камерно и канонически. Если же вы побываете в этом месте в Назарете, войдете под темную сень пещеры, спуститесь вниз к текущему там с незапамятных времен источнику, зачерпнете прохладной воды, выпьете ее, то ваше представление о свершившемся некогда событием многократно усилится. Вы отныне всегда будете вспоминать это святое место, этот тихий полумрак, вкус прохладной воды и мысленно представлять архангела Гавриила, благовествующего Деве Марии о зачатии Спасителя.

Русский паломник на Афоне (Арсентий Петров) нач. XX в.
Фотомастерская Пантелеимонова монастыря.
Публикуется впервые (архив М.Г. Талалая)

Подобное восприятие есть не просто чувственное, а полноценное эмоциональное постижение созерцаемого. Подобное вы ощутите при посещении других святых мест. Таков Гефсиманский сад со старыми коренастыми оливами, сморщенными от времени, но еще живыми. Там провел мучительную ночь перед грядущим обвинением и жестокой казнью Спаситель, моля о чаше страданий, которой нельзя было уже избежать. Поздние постройки, в том числе католический храм, стоящий в Гефсимании, отражают последующее почитание данного места. Но чтобы понять смысл и характер того важнейшего события, нужно представить Гефсиманский сад, темную ночь, страдания Спасителя во всей их обнаженной простоте.

Бывая в Иерусалиме, приходится выделять различные эпохи, пласты времени, характерные особенности. Была некогда столица Иудейского государства, где стоял величественный храм, от которого сохранилась нижняя подземная часть и Стена плача, перед коей, стеная и раскачиваясь, молятся правоверные иудеи. Есть несколько мест в Иерусалиме и окрестностях, связанных с библейскими пророками, также почитаемыми в христианстве, предвестием которого было ветхозаветное учение.

Есть Иерусалим христианский, связанный с земной жизнью, страданиями, крестной смертью и воскресением Иисуса Христа. Неизгладимое впечатление производит храм Гроба Господня, или Воскресения Христова, когда оказываешься внутри него. Голгофа, где можно опустить руку в место утверждения креста Распятия, кувуклия, где находилось погребение Спасителя, множество людей, толпящихся здесь, приглушенные голоса паломников. Особенно оно усиливается во время снисхождения благодатного огня, озаряющего полутемный храм и высвечивающего радостные лица находящихся в нем людей, сподобившихся этого чуда. Чудо и реальность, реальность

и чудо постоянного и нераздельно присутствует в чудесном и реальном граде Иерусалиме.

Есть Иерусалим мусульманский. Над руинами некогда стоявшего в центре города древнего иудейского храма возвышается ныне мечеть Омара с золотистым куполом, напоминающим древнерусские православные храмы. В визуальном отношении она является городской доминантой. По мусульманскому преданию, отсюда вознесся пророк Мухаммед, по иудейскому – здесь пророк Авраам готовился принести в жертву своего сына. После Мекки и Медины Иерусалим является третьим по значению святым местом для правоверных мусульман.

Таким образом мы видим в Иерусалиме одновременное присутствие трех вер, трех религий, трех традиций. Чаще всего внешние наблюдатели видят их различие. Оно действительно существует, но есть сходство и родство. Все три веры именуются авраамитскими, монотеистическими. От праотца Авраама идет почитание единственного, невидимого, всем управляющего Бога. Учение о Нем перешло в христианство, возникшее позднее, как своеобразная «ересь» в рамках иудаизма. Самая молодая и ныне наиболее активная религия ислама также воспринимала идею единобожия. При всем неопитстве ислама в нем почитаются Муса (Моисей) и Иса (Иисус Христос).

Существует хрупкое равновесие в Иерусалиме между этими тремя великими религиями, за которыми стоят миллионы людей, на многое готовых пойти ради торжества своей веры. Но этого нельзя допустить, иначе возникнет всемирный раскол между ними с драматическими и даже трагическими последствиями. Будучи преданными своей вере и своим традициям, нужно научиться и понимать, уважать и признавать иные верования и традиции. Святой град, который находится в центре всемирного соприкосновения трех мировых сил, должен быть ими оберегаем при их полном взаимопонимании.

К сожалению, приходится наблюдать стычки и даже борьбу вроде интифады, которые вызваны не религиозными, но политическими мотивами.

Усложняет ситуацию то обстоятельство, что иудаизм, ислам, христианство неоднородны и подразделяются на различные толки, направления, общины. Что касается христианства, то оно представлено католицизмом, протестантизмом, православием. Существуют различные католические монашеские ордена, представительств национальных Церквей, вплоть до армянской и эфиопской, монофизитских по своему учению. От времен господства Османской империи, куда входили и Мекка, и Медина, и Константинополь (ставший Стамбулом), и Иерусалим, стражами храма Воскресения Господня, являются турки, много веков добросовестно исполняющие подобную функцию.

Кто бывал в Иерусалиме, тот не мог не поразиться его многоликости, смешению разных вер и традиций, этому яркому восточному городу, где каждый находит нечто сокровенное и дорогое для себя. Никакие описания, книги, визуальные материалы не могут заменить живого, неповторимого восприятия, наиболее адекватного, целостного, подлинного его понимания. Именно для этого необходимо паломничество, дающее единственное в своем роде представление и восприятие о святом граде Иерусалиме. Заповедь историков – максимальное стремление к подлиннику – должна стать и заповедью путешествующих паломников.

Притягательность Иерусалима всегда была столь велика, что предпринимались попытки создания неких его подобию. Наиболее внушительной из них является строительство Нового Иерусалима под Москвой. Патриарх Никон, честолюбивый правитель Русской Православной Церкви, который провел церковную реформу, расколовшую страну на «новообрядцев» и старообрядцев, известен и рядом полезных начинаний. Так,

при нем была принесена с Афона копия Иверской иконы Божией Матери, которую поместили в особой часовне при входе на Красную площадь. Она стала покровительницей Москвы, перед ней теплилась неугасимая лампада, к ней круглосуточно притекали жители столицы и приезжие из разных регионов России с молитвой о скорой помощи.

После революции часовня была разрушена, как и Казанский собор, рядом с ней стоявший. Судьба списка чудотворной иконы не вполне известна. Однако в постсоветское время и собор, и часовня были восстановлены. Они красиво и величественно обрамляют вход на Красную площадь. В часовне ныне находится новый список Иверской иконы, доставленной с Афона. Подобная поучительная история о прежнем почитании, затем богоборческом разрушении и позднее покаянном восстановлении весьма типична для нашей многострадальной Отчизны. Достаточно вспомнить эпопею с долгим выбором, неспешным возведением, всеобщим любованием, варварским разрушением и недавним возрождением храма Христа Спасителя.

Паломничество, некогда процветавшее в дореволюционной России, затем едва теплившееся в советское время, ныне вновь находится на подъеме. Поездки на Святую Землю, на Афон (к сожалению приостановленные в связи с противоканоническим поведением константинопольского патриарха Варфоломея), на Балканы, в страны Запада и Востока весьма популярны как среди истовых паломников, так и любознательных туристов.

Возвращаясь к эпопее о строительстве и дальнейшей судьбе Нового Иерусалима, заметим, что сама эта идея была успешно реализована. Когда турки разгромили Византийскую империю, бывшую главной наставницей Руси в деле духовного просвещения, при этом они захватили Иерусалим, перекрыли дорогу к нему и многим монастырям, необходимо было чем-то возместить утрату ставших недоступными христианских святынь и прежде

всего самого Иерусалима. Была доставлена достаточно точная модель храма Гроба Господня, выбрано удобное место на реке Истре к западу от Москвы.

Стал возводиться огромный храм с трехчастной структурой, состоящей из подземной церкви, срединной церкви и вознесенной к небу ротондой. Были воссозданы Голгофа и кувуклия, внутри по окружности выстроено большое число престолов. Замечательно, что не только возводился грандиозный храм, равный оригинальному по размеру и великолепно украшенный изразцами, (поскольку мрамора не было под рукой), но и то, что вся местность сакрализовалась и уподоблялось палестинской.

Река Истра со своим быстрым течением похожа на Иордан, в Иордан и была переименована. На ее берегу возник Гефсиманский сад и был построен каменный двухэтажный скит, где жил и молился патриарх Никон. Башни, стены и врата обширного монастыря, в центре которого строился собор, были названы по подобию стен и башен Иерусалима: Дамасская, Варуха, Ефремова и иные. Холм, на котором был выстроен весь ансамбль, стал называться Сионом, село Микулино – Преображенским, Зиновьева пустынь – Капернаумом. Окрестные высоты получили наименование Фаворской и Елеонской гор.

В тридцати примерно верстах к востоку имелось селение на реке Баньке. Оно было названо Назаретом на Баньке. Это трогательное палестино-русское наименование свидетельствует о своеобразной топонимической деятельности патриарха Никона, который в дополнение к Новоиерусалимскому основал еще Иверский в Новгородской земле и Крестный на Белом море монастыри.

Новый Иерусалим долго строился, был закончен уже после кончины Никона, в котором его погребли в конце концов после возвращения из ссылки в Феррапонтово. В советское время монастырь был музеефицирован, в годы Второй мировой войны взорван отступавшими в 1941 г.

немцами. Несколько десятков лет неспешно реставрировался и ныне предстал во всем своем великолепии, почти полностью восстановленный.

Замысел строительства Нового Иерусалима состоял в создании подобия Иерусалиму подлинному с тем, чтобы православные русские люди могли, не покидая Родины, как бы побывать на Святой Земле, таким заочным образом приобщиться к святыням, ставшим труднодоступными. Подобная практика также существовала в почитании наиболее известных икон. Писался список какой-нибудь чудотворной иконы, чаще всего на Афоне, затем он приносился на Русь и почитался подобно первоначальному. Так почиталась Иверская икона, упоминавшаяся выше. С нее делались новые списки и почитание первообраза переходило на них.

В сферу паломнических интересов попадали не только памятные по евангельским событиям места, храмы, иконы, так или иначе причастные к минувшему. Таковы Генисаретское озеро, именуемое также морем Галилейским, вытекающая из него река Иордан, гора Фавор, на которой произошла сцена Преображения Спасителя.

В Генисаретском озере издавна добывали рыбу, которую и ныне ловят и предлагают отведать паломникам. Это вкусовое приобщение к бывшему придает ему осязаемую предметность. На берегу библейского озера Христос призывал учеников. Среди них были Андрей, прозванный Первозванным, и его брат Петр. Андрей станет небесным покровителем восточного православия, Византии, Балкан и Руси. А Петр – основателем западной католической Церкви. Оба они освящают два основных направления христианства, что имеет символический характер, с одной стороны, обособленности католицизма и православия, а с другой, их сопричастности и внутреннего единства. Об этом важно помнить, особенно в нынешние трудные для христианства (прежде всего западного) времена.

В районе Генисаретского озера много святых мест, связанных с пребыванием Христа, его учеников и внимавших им людей. Здесь Спаситель произнес знаменитую Нагорную проповедь, содержащую в краткой чеканной форме основы христианского учения. Здесь Он насытил хлебом и рыбой проголодавшихся людей. Здесь в местечке Магдала родилась Мария Магдалина, чья трансформация из чувственной женщины в духовную прослеживается по многим текстам и произведениям искусства вплоть до нашего времени, поскольку затрагивает одну из вечно злободневных проблем нравственного преображения личности.

Река Иордан не может не привлекать внимания паломников. В ней пророк Иоанн крестил Спасителя и было при этом явление трех ипостасей Живоначальной Троицы. Как было установлено, сам обряд крещения произошел на границе с Иорданией, на иорданском же берегу. Ныне там раз в год воспроизводится данный обряд, в котором добравшиеся с немалыми трудностями принимают участие самые настойчивые из сюда прибывающих паломников.

Есть гораздо более удобный и легкий способ погрузиться в воды Иордана. На освоенной израильской территории жители одного из процветающих кибуцев устроили и благоустроили место омовения в священной реке. Сотни, если не тысячи людей ежедневно могут с комфортом, облачившись в специальные крестильные рубахи, войти и погрузиться в воды Иордана трижды и любое число раз. И паломникам хорошо, и местным жителям неплохо. Подобная предприимчивость нередко встречается на земле обетованной, принося пользу всем заинтересованным сторонам. Ее нужно принимать без осуждения, но с пониманием некоей удобной вспомогательности, не отменяющей иного, глубокого смысла паломничества.

Отдельно следует сказать о горе Фавор, возвышающейся над просторами Галилеи. Поднявшись на нее,

видишь далеко окрестности. Невольно охватывает чувство нахождения между брэнной землей и манящим высоким небом. Неудивительно, что именно здесь произошла знаменитая сцена Преображения Господня, когда Он, отдалившись от учеников, просиял необыкновенным неземным светом, зримо явив свою божественную сущность.

Подобные мгновения бывают и у грешных людей, когда они вдруг, преодолевая обыденность бытия, приобщаются к высшему состоянию души, освещаясь Фаворским светом. Это чудесное явление привлекало многих богословов и церковных историков. В XIV в. афонский монах Григорий Палама разработал учение об исихазме и приобщении к нетварному божественному свету. На Руси идеи исихазма прослеживаются в аскетической деятельности преп. Нила Сорского, в созидательном подвижничестве преп. Сергия Радонежского, в одухотворенной живописи иконописца преп. Андрея Рублева и многих иных подвижников.

Посещение горы Фавор рождает много мыслей, чувств, помогает понять глубже и евангельскую историю, и последующие события, отразившиеся в развитии отечественной культуры; имеют они отношение и к европейскому искусству и религиозной жизни. Подобных мест на Святой Земле немало, поэтому ее неспешное, вдумчивое, сосредоточенное паломническое посещение позволяет лучше разобраться в смысле христианского учения, в прошлой истории и современных событиях, и, что самое главное, в нас самих.

Паломничество популярно ныне в России и Европе. Предлагаются различные туры с посещением местных, отдаленных, зарубежных сакральных достопримечательностей, включая памятные места Святой Земли. Если раньше русский паломник не быстро и с немалым трудом добирался до Палестины, то теперь стоит сесть в самолет и через три часа очутиться в аэропорту

Бен-Гурион, а затем через час другой вполне можно оказаться в историческом центре Иерусалима. Наше сознание не поспевает за современными средствами быстрого перемещения. Поэтому его надо подготавливать заранее, предвкушая столь значимое путешествие задолго до его осуществления. Это можно назвать предварительным, мысленным паломничеством, когда человек читает Евангелие, путеводители, соответствующую литературу, чтобы отчетливо представлять, куда и зачем он отправляется.

Затем, по прибытию в желаемое место, подготовленный паломник знакомится с теми реликвиями, достопримечательностями, о которых он слышал и читал. Приобщение к подлинным реликвиям несомненно является самой важной частью паломничества. Вместе с тем по возвращении домой следует вспомнить всё, что видел, еще раз посмотреть заготовленные ранее материалы, скорректировать предварительные представления с полученными впечатлениями. Тогда человек поднимется на более высокий уровень понимания того, что он видел своими глазами.

Подобный предварительный, непосредственный, завершающий этапы паломничества, равно как и другого путешествия, позволяют создать наиболее целостное, адекватное, сущностное понимание того объекта, к которому стремился. По данной методике можно посещать Святую Землю бесконечное количество раз и с каждым новым посещением обнаруживать там и в себе нечто новое, что будет обогащать уже имеющееся. Это применимо ко всем нашим странствиям и путешествиям. Методом одноразового присутствия нельзя глубоко и серьезно понять то, к чему стремишься. Требуется многократное, углубляющее, если угодно, бесконечное приобщение к цели нашего стремления.

Посещая Святую Землю, мы не только больше познаем ее, но и лучше постигаем свою Отчизну, поскольку

Паломница у мощей св. Николая Чудотворца в крипте базилики.
Фото Н. Галкиной-Нови

И.Е. Репин. Паломник, этюд для картины «Крестный ход в Курской губернии», ок. 1882 г. Москва, Государственная Третьяковская галерея

за более чем тысячу лет христианизации Руси она постоянно находилась и находится под благотворным влиянием этой своеобразной духовной метрополии и важнейшего очага святости. Постоянное воспоминание евангельских событий, которое после посещения конкретных мест свершения, заставляет нас более реально переживать. Крест Голгофы бесчисленное число раз претворился в малые и большие, нательные и храмовые, деревянные и драгоценные кресты, без которых нельзя представить нашу историю и культуру.

Сцена Крещения Господня в Иордане воспроизводится нескончае-

мое число раз на праздник Богоявления, приходящийся на холодный месяц январь. Тысячи и десятки тысяч раздевшихся людей отважно погружаются в студёные воды наших русских иорданей, воспроизводя то первое, отдаленное сакральное событие. Как далеки друг от друга жаркая Палестина и холодный Русский север в климатическом отношении, так они близки в сакральном смысле.

Подобные примеры можно умножить. Они показывают нерасторжимую связь Святой Земли и России, а также Святой Земли и других христианских стран Европы, Азии,

Африки и даже далекой Америки, того Нового Света, куда евангельское учение попало уже в Новое время. И со всех этих континентов устремляются в паломническое путешествие люди, которые хотят приобщиться к реликвиям, религиозным местам, к природе той Святой Земли, где происходили описываемые в Евангелиях события, которые изменили историю человечества и продолжают оказывать свое воздействие до сего дня. Заметим, что паломничество есть не только странствие географические, но и странствие историческое, странствие во времени, которое определило последующие эпохи.

В Европе, особенно в Италии, есть много замечательных мест, достойных внимания паломников – Рим, Турин, Милан, Венеция, Флоренция, Амальфи имеют реликвии общехристианского почитания. К ним относится и Бари, где нам посчастливилось побывать. Во всем христианском, и не только, мире этот город известен как место пребывания мощей одного из наиболее почитаемых святых – Николая Чудотворца, родившегося в Патаре на Малоазиатском побережье, ныне принадлежащем Турции, а на рубеже III-IV веков входившем в состав Римской империи. Там были сильные греческие традиции и полагают, что святитель был по происхождению греком, имя он также получил греческое: Николос означает «победоносный народ».

Он прославился благодаря своему благочестию, постоянно оказывал помощь страждущим, был избран епископом Мир Ликийских, принимал участие в Первом Вселенском Соборе, где обличал антитринитария Ария. В 1087 г. его мощи были похищены из гробницы в Мирах и доставлены в Бари, где хранятся до сего дня в специально построенной базилике. Эта благочестивое действие спасла мощи святителя от возможного поругания и уничтожения недругами христианства. Постоянно в крипте базилики проходят службы, мощам святителя могут поклониться все желающие, которых особенно много из России.

Святитель Николай жил задолго до возникновения Киевской Руси, весьма далеко от нее в территориальном отношении. Однако его так сильно почитают в России, что некоторые иностранцы называют его «русским Богом». Причин подобного благочестия много, поскольку святой был заступником тех, кто нуждался в его помощи: обиженных, несправедливо осужденных, бедных, гонимых. Он является покровителем рыбаков, моряков, путешествующих, а стало быть – и паломников. На Руси, где климат суровый, жизнь трудная, власть жесткая, справедливости мало, добрый и милосердный помощник стал особо любимым заступником. Его признают настолько своим, что кажется будто он незримо присутствует везде, где требуется его участие. Больше всего храмов в России посвящено именно ему, его образ есть в каждом доме, в его честь крестят детей, и два Российских императора носили имя Николай.

Почитание святителя объединяет православный Восток, католический и протестантский Запад. Его доброта, любовь к детям, постоянное о них участие породили образ заботливого Деда Мороза и Санта Клауса, в котором народные предания и детские мечтания соединились с образом святого подвижника. В добром участии нуждаются и дети, и взрослые, потому святитель Николай был и остается столь почитаемым заступником всех страждущих.

В начале очерка мы обращали внимание на то, что существуют разные виды путешествий, выделив в качестве основного в данной ситуации духовное, сакральное, нравственное, а именно паломничество. Однако паломничество не существует в абстрактном, оторванном от конкретной реальности виде. Паломник не может не видеть красоты окружающего мира, природных достопримечательностей, великолепных архитектурных сооружений, творений живописи, литературы, музыки, пластики. Рассказ о религиозных ценностях и событиях вписывается, как правило, в определенный исторический фон, иногда очень важный для понимания сути вещей.

Поэтому любое путешествие, даже самое сакральное,

принимает более широкий, всеохватывающий, целостный характер. Оно тяготеет к универсальности и философичности, что не умаляет, а подчеркивает его духовное значение. И напротив, любой внерелигиозный маршрут рано или поздно заставляет обратиться к сакральному элементу бытия, к духовной сущности культуры, к религиозной жизни народов и отдельных людей. К подобной гармонизации мирского и сакрального, преходящего и вечного, материального и духовного необходимо стремиться во всех видах странствий и путешествий.

Литература

- Беляев А.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000.
- Булгаков С.Н. Православие: очерки учения Православной Церкви. М., 1991.
- Бибиков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.
- Громов А.А. Восемь дней на Афоне. М., 2010.
- Громов М.Н. Изборник 70. Тверь, 2017.
- Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.
- Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
- Житенев С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007.
- Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
- Кадас С. Святая гора Афон. Монастыри и их сокровища. Афины, 2003.
- Калужникова Е.А. Паломничество как ритуал: сущность и культурно-исторические типы. Автореферат диссертации кандидата культурологии. Екатеринбург, 2007.
- Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост. и комм. Н.И. Прокофьева. М., 1984.
- Корнилов С.В. Древнерусское паломничество. Калининград, 1995.
- Крест в России / авт. и сост С.В. Гнутова. М., 2004.

- Новые Иерусалимы: перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума. М., 2008.
- Носенко Г.В. Иерусалим. Три религии – три мира. М., 2003.
- Паломничество на Святую Землю. 150 лет Русской духовной миссии в Иерусалиме. М., 1997.
- Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
- Путешествия в Святую Землю: записки русских паломников и путешественников в XII-XX вв. М., 1995.
- Россия и Святая Земля: страницы истории. М., 1999.
- Скрижинская Е.Ч. Русь. Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.
- Собор во имя святого Николая в Бари. Краткий историко-художественный путеводитель / сост. о. Джерардо Чоффари. Бари, 2018.
- Талалай М.Г. Мироточивые мощи св. Николая Чудотворца и другие святыни Барийский базилики. Бари, 2018.
- Талалай М.Г. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003.
- Чоффари Дж. Святой Николай чудотворец. Житие, чудеса, легенды. Бари, 2018.

проф. Луиджи Мартино

**АНАТОМИЧЕСКОЕ
ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ
И АНТРОПОМЕТРИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ
СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА**

В ночь с 5 на 6 мая [1953 г.] в присутствии специальной Папской Комиссии, возглавленной Его Преосвященством монсеньором Энрико Никодемо, архиепископом Бари, было произведено каноническое освидетельствование останков скелета, заключенных в Гробнице св. Николая под главным алтарем крипты Свято-Николаевской Базилики г. Бари.

Данное освидетельствование представляет собой совершенно исключительное событие, если иметь в виду, что в течение 866 лет совершенно никто не мог ни видеть, ни касаться мощей нашей святого Чудотворца; вместе с тем и Церковь не решилась бы на освидетельствование останков в раке, если бы не возникла срочная и неотложная необходимость в реставрации и укреплении Базилики и в проведении масштабных работ в отношении стен и настила в самой крипте.

Временное, но неотлагательное снятие тяжелых плит, лежавших на гробнице, позволили открыть и изучить костные останки, которые в далеком 1089 г. были собственноручно положены в монолитную раку папой Урбаном II.

Мне было поручено освидетельствовать и составить список как сохранившихся костных останков, так и отсутствующих; в исследовании мне помогал мой коллега доктор Альфредо Руджьери, медик из Бари.

В раке, открытой около 11 час. вечера 5 мая, на ее прямоугольном основании были обнаружены останки,

сложенные без какого-либо систематического порядка (люди, укладывавшие в раку мощи, явно не имели анатомических знаний). Череп находился по центру одного из краев, в беспорядочном окружении как длинных, частично во фрагментах, так и коротких костей; сам череп однако был аккуратно поставлен на свое основание.

Вместе с многочисленными мелкими кусочками костей были обнаружены каменные осколки, вероятно, захваченные в момент спешного уноса мощей, совершенного смелыми барийскими моряками.

Все костные останки оказались погруженными в прозрачную жидкость, на вид напоминавшую горные воды и занимавшую низ раки на высоту приблизительно 2 см. Те части костей, которые выступали из воды, были очень влажными; мозговые полости костей были полностью залиты, и на фрагментах скелета находилось множество капель.

После изъятия из раки костных частей и всей жидкости, рака была осушена и ее стенки были тщательно осмотрены при сильном освещении: оказалось, что рака устроена из монолитного плотного камня, без каких-либо трещин в ее толстых стенках.

Скелет, принадлежащий согласно проведенному анализу одному и тому же индивидууму, состоял из хрупких и сильно фрагментированных костей.

Лучшим образом сохранился череп: это позволяет предположить, что ему уделялось повышенное внимание и во время уноса его максимальным образом защищали.

Череп оказался полным в его сегментах – не хватало лишь половины левой затылочной кости. Основное количество зубов присутствовало, некоторые из них находились в своих лунках.

Позвоночник существовал только во фрагментах: находились все пять поясничных позвонков, но только несколько шейных позвонков (второй и седьмой позвонки – с утратами); четыре грудных позвонка, тоже с утратами; лишь центральная часть базы крестца.

От грудной клетки сохранились только части задних фрагментов ребер слева и одного фрагмента спереди. Не хватает грудины.

Верхняя часть и конечности лишены очень многого: в наличии только несколько коротких частей лопаток, одна центральная часть плечевой кости и многочисленные фрагменты запястий, пястей и фаланг.

Нижние конечности сохранились лучше: от бедер, впрочем, осталась только часть левой половины таза, в то время как утрачены бедренные, малоберцовые и проч. Присутствуют надколенник, большеберцовые кости, многие фрагменты предплюсен, плюсен и фаланг.

Обнаруженные кости практически все – дробленные, часто потрескавшиеся, с трещинами разных размеров.

Весь этот скелет после освидетельствования был помещен в стеклянную раку и выставлен для поклонения верующих на четыре года, то есть на время, необходимое для проведения реставрационных архитектонических работ. В конце этого периода он был подвергнут новому анатомическому, точнее – антропологическому изучению, произведенному в ночь с 7 на 8 мая 1957 г., накануне нового положения мощей в крипту. Его целью было фиксирование и сохранение точных параметров костных останков, а также – и это главное – реконструкция физической фигуры и даже наружного облика человека, от которого остался данный скелет.

В проведенном антропометрическом исследовании мне достойным образом помогали мои коллеги д-р Альфредо Руджери и д-р Луиджи Венеция.

Примененные мною для такой антропологической работы методы были весьма разнообразными, целый ряд которых довелось придумать и внедрить впервые мне, что подробным образом изложено в пространном научном отчете, подготовленном для священноначалия; к нему же приложена обильная фотографическая и радиографическая документация всех частей скелета, а также таблицы измерений обнаруженных и изученных останков.

Систематичное и кропотливое исследование позволило мне в этот второй момент освидетельствования составить в одну общую картину все существующие части скелета, сопроводив ее всеми метрическими характеристиками. Подобная методика по сбору и обработке данных позволила прийти к важным заключениям.

Костные останки имеют многовековую давность, что видно по их состоянию – они необыкновенно хрупкие, истонченные, с коричневым оттенком, потрескавшиеся и фрагментированные. Наличие множества мелких фрагментов позволяет предположить, что в 1087 г. в момент их уноса из Мир барийскими моряками скелет уже был хрупким, да и тогда имел многовековой возраст. Можно предположить, что спешность действий по уносу мощей привела к тому, что моряки унесли, вместе с мощами, каменные осколки; при положении мощей в крипту их, вероятно, не удалось отделить от мелких косточек и костных фрагментов.

Скелетные останки принадлежат индивидууму преклонного возраста – человеку с возрастом более 70-ти лет. Это следует из того обстоятельство, что кости, по сравнению с общим корпусом тела, имели весьма модулированный и развитый вид, что встречается у старых мужчин. Наконец, швы между костями черепа – заросшие, что характерно для человека старше 70 лет.

Таким образом, анатомические данные, нами собранные и приведенные, не противоречат исторической традиции, считающей, что останки в Базилике относятся к святителю Николаю, уроженцу Патары, епископу Мир Ликийских, покровителю Бари. Согласно житийным реконструкциям св. Николай преставился в возрасте приблизительно 75 лет (некоторые указывают возраст в 72 года, другие – в 80 лет), 6 декабря 350 г. после Р.Х., то есть 1607 лет тому назад. К 1087 г., когда мощи были перенесены из Малой Азии в Бари, прошло, следовательно, уже 737 лет с момента его преставления. Естественно, что за семь веков останки уже стали ветхими и могли легко крошиться,

особенно если их собирали моряки, не приученные к деликатным работам; следует учесть возможность повреждения останков при морской перевозке на корабле, так как вряд ли их завернули каким-то особым защитным образом.

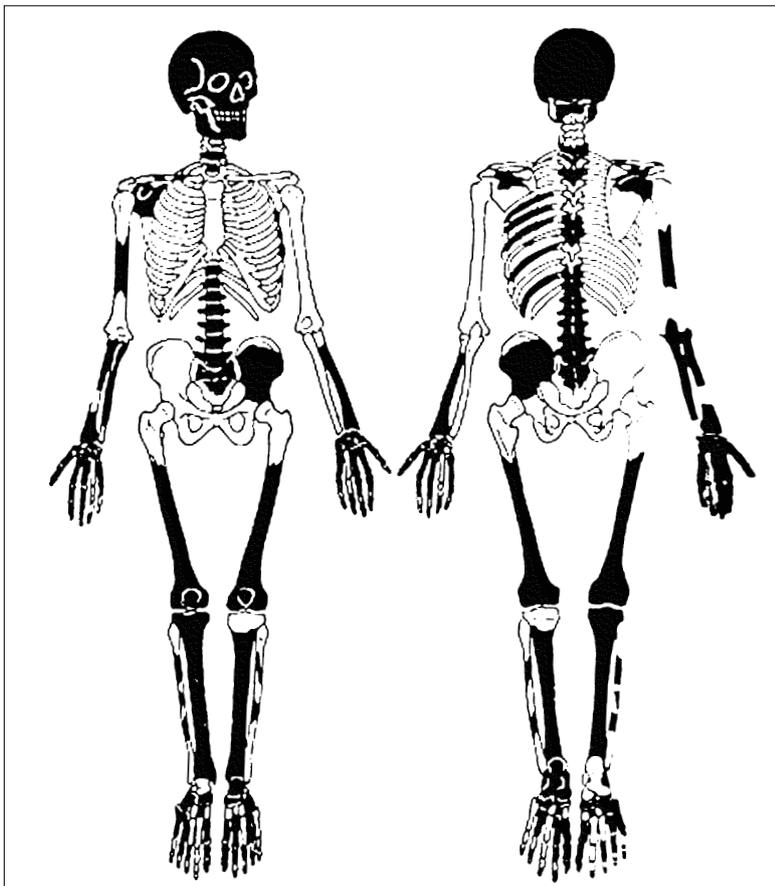
Вид седьмого шейного позвонка позволяет предположить, что некто решил изъять мощи святителя путем решительного разреза крупным ножом.

Костные останки принадлежат человеку среднего роста и сложения, также близкого к среднему, чуть вытянутого. Путем реконструкции удалось установить, что его рост соответствовал примерно 167 см, ширина плеч – около 40 см, а окружность грудной клетки – около 86 см. По современной шкале размеров св. Николай носил бы перчатки 8-го размера и обувь 41-го размера (его рука имеет 19 см длины и 8,7 см ширины, нога – 26 см длины и 10 см ширины).

Объем полости черепа – средний (1.510 куб. см), как и окружность черепа (52,4 см). Лицевая часть черепа имеет нормальное сложение, несколько удлиненное (субдолихоцефалия). В целом лицо представляется несколько широким и невысоким, а нижняя челюсть чуть выдвинута вперед. Лоб – широкий, глазницы – большие, нос – средних размеров, слегка выступающий, с глубоким корнем; скулы слегка выступают вбок, нижняя челюсть развита, зубы вполне сохранились.

Изучение зубов показало, что святитель имел анодонтию у крайних коренных зубов, что кариес ему не был свойственен, и что он преимущественно питался растительной пищей, о чем свидетельствуют сильная истертость трущихся поверхностей у коренных и малых коренных зубов.

Соматические характеристики черепа позволяют предположить, что усопший принадлежал к белой европейской средиземноморской расе, добавим, – к ее восточному варианту. Исключим его принадлежность к армянской альпийской расе, представители которой имеют круглые черепа (брахицефалия) и сдавленный затылок, что отсутствует у изучаемых останков.

Композиция скелета: черные части соответствуют найденным в раке останкам; остальные отсутствуют

Если мы решим сравнить черепа трех представителей средиземноморской расы – св. Доменика, уроженца Испании, Данте Алигьери, уроженца Италии, и св. Николая, уроженца Малой Азии, то изучаемая глава займет среднее положение по объему полости черепа – между св. Домиником (1.473 куб. см) и Данте (1.554 куб. см).

Ориенталиды, то есть представители восточной ветви средиземноморской расы, имели цвет кожи более темный по сравнению с центральной и западной ветвью: тоже самое мы сегодня наблюдаем у так называемых левантийцев.

Заранее следует исключить какую-нибудь принадлежность усопшего к турецкому этносу, так как турки пришли в Малую Азию из Туркестана пять веков спустя после представления св. Николая.

Недостаток кожных останков не позволяет нам более точно описать расовую принадлежность усопшего, однако в целом резюме таково: останки принадлежат ориенталиду, по конституции и сложению – среднего, слегка вытянутого типа, отмечены: доликоцефалия, слегка выдвинутый подбородок, абрис лица типа пентагона, выступающий нос средней ширины, широкий лоб и скулы, округлый затылок.

И последнее замечание. Думаю, что святитель нес вплоть до самой смерти тяжкие свидетельства своей убежденной преданности Господу. Согласно Житию, святитель в возрасте 50 лет претерпел продолжительное тюремное заключение. Изучение позвонков грудной клетки позволило определить, что покойный страдал хроническим артритом, тяжелого характера типа анкилоза. Радиологическое изучение черепа привело нас к выводу, что святитель страдал и тяжелыми головными болями, о чем свидетельствует сильное уплотнение костей черепа¹. Такие позвоночные и головные боли напоминали его телу о тюремных страданиях.

Осмелюсь утверждать, что произведенное нами обследование останков, спустя 1600 лет после преставления святителя, открыло много секретов.

¹ Уплотнение костей черепа не является признаком головных болей, а характерная особенность костей лиц пожилого возраста. – *Прим. канд. мед. наук В.В. Руденко [пользуясь случаем, приносим благодарность доктору В.В. Руденко за просмотр перевода. – Ред.]*.

Однако я осмелился пойти еще дальше и попытаться реконструировать лик святого при жизни, согласно параметрам его черепа. Имея под рукой множество фотографий фронтальной, затылочной и боковых частей черепа и налагая на них кальку, я попытался восстановить вид мягких тканей – кожного покрова, бровей, век, глаз, носа, щек, бороды и усов.

Получив много разных вариантов, я убедился, что все они в целом имеют общие важные характеристики и схожесть: это был лик одного и того же индивидуума. Думается, это является поводом предположить, что портреты должны бы соответствовать истинному облику покойного.

Если осуществленная мною реконструкция, на основе точных изображений и измерений черепа, соответствует реальности, то лик св. Николая действительно имел печать блага и милости: аскетические формы, большие глаза, широкий лоб.

Из всех известных мне образов св. Николая наиболее близким к моей реконструкции является мозаичный образ святителя, вместе со св. Иоанном Крестителем предстоящим перед Божией Матерью, из придела св. Исидора в Базилике св. Марка в Венеции.

Мощи нашего святого Чудотворца вновь почивают в его славной раке, как залог веры и любви, которые сблизят христианский Восток и Запад: Бари призван – рано или поздно – стать важным звеном соединения народов, в духе мира, чаемого всеми.

Перевод Михаила Талалая

Из кн. *San Nicola e le sue reliquie. Storia critica e immagini della ricognizione del 1957* / a cura di A. Luisi e G. Cioffari, Bari: Cacucci editore, 2014. P.142-151.

ДОГОВОР О ВРЕМЕННОМ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ МОЩЕЙ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В настоящий день, 21 мая 2017 года от Рождества Христова, в шестое воскресенье после Пасхи согласно латинскому литургическому календарю и в канун праздника Перенесения мощей святителя Николая по юлианскому календарю, в стенах древней и почитаемой базилики святителя Николая Его Высокопреосвященство митрополит Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, и Его Высокопреосвященство Франческо Какуччи, архиепископ Бари-Битонто, Папский делегат в указанной базилике, подписали настоящий договор.

После исторической встречи Папы Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Гаване 12 февраля 2016 года была достигнута договоренность о временном перенесении значительной части мощей святителя Николая Чудотворца в пределы Русской Православной Церкви.

Святитель Николай, один из наиболее почитаемых святых в Католической и Православной Церквях, равно как и во всем христианском мире, является свидетелем наследия святости, общего для христиан Запада и Востока, как об этом говорится в Совместной декларации Папы Франциска и Патриарха Кирилла: «Благодарим Бога за те дары, которые мы получили через явление в мир Его Единородного Сына. Мы разделяем общее духовное Предание первого тысячелетия христианства. Свидетелями этого Предания являются Пресвятая Матерь Божия, Дева Мария, и святые, которых мы почитаем. Среди них — бесчисленные мученики, явившие верность Христу и ставшие “семенем христианства”» (п. 4).

Мощи великого святого, хранящиеся в Бари на протяжении 930 лет, никогда не покидали этого города. В связи

с этим их временное перенесение в Россию является беспрецедентным жестом и знаком братских отношений между нашими Церквями, связанным с первой встречей между епископом Рима и Патриархом Московским, столь же выдающимся событием.

Для того чтобы позволить верующим Русской Православной Церкви, многие из которых не могут предпринять длительное паломничество к мощам святителя Николая, поклониться этому святому, Папа Франциск дал архиепископу Франческо Какуччи разрешение передать значительную часть его мощей Русской Церкви с 21 мая по 28 июля текущего года. Согласно договоренности, сообщения о данном историческом событии были сделаны 28 апреля одновременно в Москве митрополитом Иларионом и в Бари архиепископом Франческо Какуччи.

В связи с этим драгоценная реликвия – левое ребро Святителя, находящееся со стороны сердца, – была извлечена из его гробницы под алтарем Папской базилики. В настоящий день, по совершении митрополитом Иларионом Божественной Литургии на мощах святителя в крипте Базилики, его преподобие священник Чиро Капотосто, настоятель Базилики святителя Николая, возложил на престол драгоценный ковчег, специально изготовленный в мастерских Русской Православной Церкви, вложил туда частицу мощей и опечатал его. Архиепископ Франческо Какуччи официально вручил ковчег митрополиту Илариону, передавая таким образом на сохранение в Русскую Православную Церковь. После исполнения песнопения в честь святителя Николая был подписан настоящий акт.

В тот же день реликвия, сопровождаемая делегациями Католической Церкви и Русской Православной Церкви, будет перенесена в Москву на борту самолета и далее доставлена в кафедральный соборный Храм Христа Спасителя, где в ходе торжественного Всенощного бдения праздника Перенесения мощей святителя Николая в Бари

ее встретит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Частица мощей будет находиться в Храме Христа Спасителя до 13 июля, а затем перенесена в Санкт-Петербург вплоть до 28 июля, дня памяти святого равноапостольного князя Владимира, когда будет возвращена в Бари.

Множество католических и православных верующих, присутствующих на настоящей церемонии, радуются, поскольку Бари вновь выполняет свою миссию – быть мостом, связывающим Восток и Запад во имя святителя Николая.

Желая, чтобы данное историческое событие укрепило веру в сердцах верующих, усилило желание преодоления разделения между ними и стало знаком мира между народами, присутствующие воздают благодарение Богу Отцу, Сыну и Святому Духу.

21 мая 2017 г.

Отдел внешних церковных связей
Русской Православной Церкви

Евстратова М.В., Колузаков С.В.
ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В БАРИ.
ПРОЕКТ АРХИТЕКТОРА А.В. ЩУСЕВА.
М.: Кучково Поле, 2017

Труд появился в печатном виде, спустя более ста со дня закладки храма, и спустя почти семьдесят лет со дня смерти создателя этого архитектурного шедевра, Алексея Викторовича Щусева (1873–1949).

Настоящее исследование стало возможным благодаря долгому, тщательному и усердному изучению авторами, Марианной Евстратовой и Сергеем Колузаковым, семейного архива наследников Щусева. Именно там сохранился обширный комплекс проектных материалов (чертежи, шаблоны, наброски и рисунки) и значительная часть эпистолярных доку-

ментов, связанных с историей строительства русского паломнического подворья в Бари. Кроме того, часть опубликованных в книге материалов хранится в Музее архитектуры им. А.В. Щусева, Музее Российской академии художеств, Российском государственном историческом архиве, Государственном музее истории религии, Русском музее, Третьяковской галерее, Российском государственном архиве литературы и искусства, Пермской государственной картинной галерее и в ряде частных коллекций.

Следует напомнить и некоторые отдельные важные вехи жизни и творчества А.В. Щусева. Его родиной был Кишинев, но становление его художественного таланта, расцвет творческих сил и воплощение замыслов связаны с Петербургом, Москвой, Центральной и Южной Россией, Средней Азией, Францией и Италией. Именно эти столь разные и удаленные друг от друга регионы с глубокими историческими корнями и архитектурными традициями позволили ему вдохновенно творить. Осуществив во время своего обучения в Императорской Академии художеств поездки по древним русским городам, Средней Азии, а впоследствии и пенсионерскую поездку по Западной Европе и Италии, где художники и архитекторы в течение многих столетий восхищались творениями средневековых мастеров, чтобы впоследствии преломить в своих проектах их гармонию и оригинальность, он сумел пронести эти образы через всё свое творчество и стал, пожалуй, самым выдающимся архитектором нашего государства в первой половине XX века. Он создавал памятники архитектуры, предназначенные для разных общественно-культурных и культовых целей. Все они, его воплощенные в камне замыслы, поражают строгой функциональностью и четкими топографическими ансамблевыми привязками. Напомним, что его первый осуществленный проект связан с Александро-Невской лаврой в Петербурге (1896), в дальнейшем он проектировал и в других лаврах Российской империи: Киево-Печерской (1901–1910) и Свято-Успенской Почаевской (1904–1912).

Представленная книга состоит из 14 глав. Открывает ее, как это и принято в подобного рода изданиях, приветственное слово председателя Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) Сергея Степашина. В своем приветствии он особо подчеркнул, что издание связано с несколькими памятливыми датами, важными для истории России и Святой Земли, для истории паломничества. Степашин напомнил,

что 2017 год — это и 135-летие Общества, а также исполнилось 200 лет со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), много сил отдавшего созданию Русской Палестины. Композиционно и стилистически очень удачно примыкает к слову Степашина введение, написанное ректором Московского архитектурного института вице-президентом Российской академии художеств Дмитрием Швидковским и озаглавленное «Алексей Викторович Щусев и храмовое зодчество России». Основные положения эссе связывают церковно-историческое архитектурное наследие Щусева с эстетикой и художественными направлениями Серебряного века русской культуры начала XX в. Швидковский подчеркивает, что именно накануне революционных событий 1905 и 1917 гг. наибольшего расцвета художественных образов достигло не только светское искусство: проза, поэзия, живопись, архитектура, но и церковное искусство. Более того, автор приводит многие параллели из области церковного наследия с явлениями Православного Возрождения. Тем самым он побуждает читателей книги погрузиться в сложные и до сих пор спорные научные проблемы этой художественной дефиниции.

Переходим к анализу основных положений 14 глав книги. В первой главе «Идея строительства храма святителя Николая в Мирах Ликийских» подробно показана предыстория концепции архитектурного замысла. В ней кратко объясняется история почитания св. Николая Чудотворца от его рождения и до смерти в Мирах Ликийских, описывается известное из устной и последующей историографической традиции его ревностное отношение к христианской вере; подчеркивается традиция существования многочисленных изложений чудес святителя. Напомним, что на Руси уже в конце XI в. (ок. 1091 г.) Русской церковью был установлен праздник перенесения мощей св. Николая из Мир Ликийских

в Бари. В древнерусской письменной традиции сохранились тексты, отражающие эти события: похвальные слова и службы, сказания. И уже тогда, по-видимому, древнерусские книжники чувствовали себя сопричастными общехристианскому пониманию спасения святынь, в данном случае спасению от турок-сельджуков. История русского паломничества свидетельствовала, что и Бари (Барград), и Миры, где изначально была гробница святителя, были местами поклонения, так как там ранее совершались многие чудеса и исцеления. Гробница находилась на территории монастыря Новый Сион в разрушенной базилике VIII в. Усилиями русских путешественников и дипломатов земля с рунированной базиликой была выкуплена. Постепенно в результате археологических изысканий было решено возродить архитектурный памятник. Однако политические проблемы взаимоотношений России и Турции замедлили ход реализации проекта. Авторы книги высказывают предположение, что предшествующие разработки проекта восстановления Ново-Сионского монастыря не убедили великую княгиню Елизавету Федоровну, которая после убийства председателя ИППО великого князя Сергея Александровича стала его руководителем. И, вероятно, наиболее подходящей кандидатурой для осуществления задуманного был Щусев. К этому времени великая княгиня уже хорошо знала творческий потенциал мастера. В повествование этой главы удачно вставлены сведения о творчестве архитектора.

Вторая глава называется: «Предпосылки к строительству храма святителя Николая с подворьем в Бари». В ней описаны события 1910–1911 гг., как для подворья был куплен незастроенный участок на улице Карбонара недалеко от вокзала и в пешеходной доступности от базилики св. Николая. Здесь можно увидеть удивительные воспроизведения акварелей и фотографий XIX–XX вв., иллюстрирующих интерьеры крипты базилики и экстерьеры здания, а также топографию места будущего русского

храмового комплекса. Описывается история создания Барградского комитета, в задачи которого входило курирование строительства храма и подворья.

Последующие третья, четвертая, пятая, шестая главы раскрывают историю воплощения архитектурного замысла А.В. Щусева от первых эскизов 1911 г. и до рабочего проекта подворья 1912–1913 гг. Перед читателем возникает сложный процесс зарождения, возможных вариантов изменения, инженерно-технических усовершенствований памятника в силу особенного грунта земли, возведения стен и сохранения строений в будущем в особых южных европейских широтах. Пятая глава заслуживает особого интереса. Она посвящена созданию эскизного проекта подворья, который был утвержден императором Николаем II. Архитектор замыслил создаваемый храм как акцентирующий, главный элемент подворья. В главе подробно показывается, какие выразительные черты храмовой архитектуры разрабатывал зодчий, показана их эволюция, сравнение с древнейшими памятниками древнерусского зодчества. Авторы отмечают, что этот творческий поиск Щусева можно проследить по авторской графике (чертежи подписаны и датированы мастером). 30 мая 1912 года Николаю II был представлен эскизный проект и предварительная смета. Примечательно, что автограф императора, краткая резолюция, сохранился — «Утверждаю Николай». Он читается на листе с изображением западного фасада (илл. на стр. 54–55). В шестой главе представлен следующий важный этап работы зодчего — составление рабочего проекта подворья. Как замечают авторы издания, именно «в нем продумывались все мельчайшие подробности архитектурного сооружения». Кроме того, Щусев внес в первоначальный замысел отдельные важные изменения. К этому же периоду работы относится и заказ гипсового макета подворья с покраской. Этот макет был основополагающим руководством для помощника архитектора. Из плеяды хорошо известных в то время архитекторов круга

М.С. Ляевича и В.А. Косякова Щусев выбрал в помощники В.А. Субботина. Помимо прочего, тот хорошо знал итальянский язык, столь необходимый при работе с подрядчиком и местными строителями.

В седьмой главе описывается церемония закладки подворья и начало строительства, приуроченное к празднованию дня перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари.

Строительству храма предшествовало строительство временной церкви. Этот необходимый этап в истории создания подворья рассматривается в главе восьмой. Щусев и в этом творческом процессе вместе с Субботиным проявил себя продолжателем развития архитектурных форм псковского зодчества и в то же время подчеркнул стилистическую нейтральность здания. Фотографии временного храма, а также иконостаса, алтаря, церковной утвари и шитья свидетельствуют о скромном и достойном внешнем оформлении и внутреннем убранстве памятника (илл. на с. 84–85).

В главе девятой подробно описывается строительство подворья в 1913–1915 годах. В процессе закладки подворья строители столкнулись с особенностями грунта, его повышенной каменистостью. Кроме того, члены комиссии отвлеклись на многие другие вопросы, связанные с облицовкой сооружения, покрытием купола и др. Многие из этих вопросов были решены только в августе 1913 г., когда Щусев приехал в Бари. Напомним, что именно в это время архитектор был занят проектом Русского выставочного павильона в Венеции. В этой главе очень подробно восстанавливается процесс строительства храмового комплекса, несмотря на трудные обстоятельства, связанные с началом Первой мировой войны. Авторы отмечают, что вчерне строительство было закончено. Отдельный сюжет главы посвящен приезду великого князя Олега Константиновича — представителя императорской фамилии, с целью ознакомления с состоянием строительных работ.

Глава десятая посвящена проектированию мебелировки и интерьеров подворья, относящемуся к 1914–1916 гг. Внутреннее убранство подворья должно было отражать не только красоту многогранного русского прикладного искусства, его самобытность, но в то же время подчеркнуть связи стадияльных заимствований из византийских и общехристианских сюжетов, мотивов. Они должны были нести глубокое эмоциональное воздействие и просвещать паломников... Здесь подробно описываются проекты оформления вестибюля с красочным мозаичным полом и помещений трапезной и жилых помещений. Особое внимание уделялось мебельной обстановке, осветительным приборам и т.п.

В книгу логично встроена глава одиннадцатая «Николо-Александровский (Бар-градский) храм в Санкт-Петербурге. Формирование концепции росписей храма в Бари». Эта глава имеет большое значение для истории храма в Бари и архитектурных поисков, прообразов памятника в ряду богатого наследия средневековой Руси. Особое внимание авторы уделяют росписям храмового пространства, традиции которого уходят в глубь веков христианских богословских, философских и эстетических представлений, сформировавшихся в византийском искусстве и особым образом преломившихся в храмовом зодчестве и живописи древнерусских мастеров и художников Нового времени. Очень уместным в этой главе представляется обращение авторов к сложной истории строительства Никола-Александровского храма в Петербурге в 1913–1915 гг., здесь возникает тема связи замыслов проектов в Петербурге и Бари. Исследователей ожидали архивные открытия из авторского наследия, которые позволили не только четко атрибутировать эскизные материалы петербургского храма, но и лишней раз подчеркнуть многогранность таланта Щусева. Далее авторы в подробностях описывают этапы живописного оформления храма в Петербурге и напоминают читателям имена двух замечательных художников, знатоков традиций древнерусских

росписей: В.А. Плотникова (1866–1917) и В.С. Щербакова (1880–1957). В качестве образцов стилизации они обратились к наследию Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

Глава двенадцатая — «Художественное оформление подворья. Развитие концепции росписей храма, наружные иконы, иконостас, церковная утварь». Эта глава, описывающая события 1913–1917 гг., по мнению авторов издания, также чрезвычайно важна для понимания творческого замысла Щусева. Архивные материалы свидетельствуют об обширной глубоко продуманной программе убранства храмового пространства, формы и ярусов иконостаса, набора иконописных образов, специально приобретаемых в течение нескольких лет, предметов, необходимых для церковного служения и обихода. И если анализ архивных ненарративных материалов, представленных в предыдущей главе, подводит читателей к неоспоримому положению, что именно фресковая живопись Ферапонтова монастыря, стала источником для оформления храма святителя Николая в Бари, то в этой главе подчеркивается, что и росписи, и внутреннее убранство храма — единое целое с архитектурным и художественным замыслом мастера. На наш взгляд, это точка и восклицательный знак проекта.

Вопрос о выборе художника для исполнения храмовой художественной части проекта был также одним из основополагающих. Авторы издания подчеркивают, что А.В. Щусеву было важно, чтобы стилизация в исполнении росписей в первую очередь была бы высокохудожественной, а не слепой формой подражания композициям Дионисия. Щусев мечтал, чтобы работы исполнялись не только известными копиистами, но и художниками-монументалистами. И в ряду этих известных и талантливых живописцев авторы выделяют имя К.С. Петрова-Водкина, который ранее уже имел опыт работы с зодчим. Авторы на основании архивных разысканий и сопоставлений выявили отдельные эскизы

Петрова-Водкина и соотнесли их с чертежами Щусева. И выяснилось, что все они связаны с притвором и папертью храма, т.е. открывали путь паломникам перед предстоящим богослужением. В свое повествование авторы вводят имена А.Е. Яковлева и В.И. Шухаева. На материале архивных сопоставлений обосновываются положения, что концепция оформления подворья в художественных церковных традициях предполагала также и оформление общественных помещений.

К большому сожалению, после февраля 1917 г. и в связи с дальнейшими катастрофическими событиями, происходившими в Российской империи, работы художников, мечтавших творить для храмового комплекса в Бари, прекратились. Это была невосполнимая утрата в истории русской монументальной церковно-исторической архитектуры. Воплощение замысла Щусева в Бари могло стать выдающимся религиозно-художественным явлением в христианской паломнической традиции. Авторы смело утверждают, что этот проект можно также сравнить и с предполагаемым оформлением Казанского вокзала в Москве. Архитектор и там мечтал собрать для работы выдающихся художников своей эпохи. Евстратова и Колузаков подчеркивают: «...но, как и в Казанском вокзале, в этом неосуществленном труде хочется увидеть яркое художественное явление Серебряного века русского искусства».

Глава тринадцатая «Коллекция фотографий церквей (приделов) и икон святителя Николая, собранная Императорским Православным Палестинским обществом для музея в Бари» написана сотрудником Государственного музея истории религии из Санкт-Петербурга П.В. Федотовым. В главе подробно рассказывается о многообразных, неповторимых храмах, посвященных святителю Николаю и его многочисленным иконописным образам. По сведениям автора, в коллекции музея хранится около 2700 экспонатов из собрания ИППО. В настоящее время материалы подробно описываются и изучаются. Даже из краткого

описания сохранившихся фотографий и 12 представленных иллюстраций становится понятно, сколь велико значение собранных материалов, представляющих топографическую и иконографическую ценность для истории почитания святого в древней русской традиции и традиции Нового времени. Это тем более ценно, что многие храмы, часовни, иконы безвозвратно утеряны.

Заключительная четырнадцатая глава «Подворье в Бари после революции в России 1917 года» также представляет несомненный интерес в композиции рассматриваемой книги. В ней кратко, с опорой на известные отечественной науке исторические факты описаны этапы угасания деятельности ИППО, под покровительством которого находилось и строительство в Бари, строго и лаконично в ней представлены трагические страницы разрушения замысла зодчего, знаменитых художников и мастеров-исполнителей, современников, оказавшихся свидетелями эпохи лихолетья. Описаны потери и утраты отдельных частей храмового комплекса, которые в некоторой степени изуродовали архитектурный шедевр. В этой же главе уделено внимание и предпринимаемым попыткам ИППО после Октябрьского переворота сохранить собственность и недвижимое имущество России в новых исторических обстоятельствах. Отмечена деятельность князя А.А. Ширинского-Шихматова после сложения великой княгиней Елизаветой Федоровной обязанностей председателя общества. Отмечена и противоречивая роль князя Н.Д. Жевахова в деле сохранения имущества храмового комплекса. Многие противоречия и неудавшиеся попытки сохранения паломнического подворья отчасти могут быть объяснимы прежде непримиримыми отношениями между Московским патриархом и Зарубежной Церковью. Текст главы также сопровождается рядом интересных иллюстраций, на которых можно увидеть виды русского подворья в конце 1930-х, 1940-х, 1960-х, 1990-х гг. и убранство внутреннего интерьера начала XX в.

Таким образом, четырнадцатой главой заканчивается собственно исследовательская и историко-художественная часть книги. В отдельный раздел выделена часть, которая называется «Архивные материалы». Она занимает страницы со 187-й по 215-ю — это 102 документа! Строго говоря, это выборка архивных материалов, прежде неизвестных, дополненная текстами нескольких опубликованных ранее писем и статьи А.В. Щусева из журнала «Зодчий». В своем предисловии к публикации этих материалов авторы объясняют принципы отбора документов и их воспроизведения. Таким образом, некоторое «упрощение» подачи в основном эпистолографических источников позволяет как можно большему числу читателей-неспециалистов, не историков и не искусствоведов прочесть летопись замысла и строительства памятника.

Выход книги был приурочен к выставке «Итальянские постройки Алексея Щусева», которая открылась в Москве 15 сентября 2016 и продолжалась до 6 декабря 2017 г. Однако она не является ее каталогом — так как посвящена лишь одному из представленных на выставке зарубежных проектов Щусева, в то же время охватывая значительно больший графический и исторический пласт материалов, посвященных ему, чем это могут увидеть посетители Музея. Экспозиция была устроена в помещении Аптекарского приказа усадьбы Талызиных, Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева. В организации и информационном освящении выставки приняло участие ИППО.

Е.К. Пиотровская

**ПРИНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ
ЧУДОТВОРЦА ИЗ БАРИ В РОССИЮ. М.: ОВЦС МП –
«Познание», 2018**

В новую книгу-альбом, на русском и на итальянском языках, включены фотографии и материалы, отражающие основные этапы пребывания ковчега с мощами святителя в Москве и Петербурге – с 21 мая по 28 июля 2017 г. Издание подготовлено совместно Отделом внешних церковных связей Московского патриархата, архиепископии Бари-Битонто и Издательского дома «Познание». В нем центральное место занимают слова и проповеди Патриарха Кирилла, произнесенные им за богослужениями у частицы мощей святителя Николая.

Книга открывается предисловием председателя ОВЦС МП митрополита Волоколамского Илариона, справедливо отмечающего, что принесение мощей в Россию стало возможным благодаря исключительному эпизоду в современной истории, а именно встрече Папы Римского Франциска и Патриарха Кирилла в Гаване 12 февраля 2016 г. Однако такого рода контакты происходили и тысячу лет назад, о чем напомнил Владыка Иларион:

Обложка итальянской версии книги, с византийской иконой св. Николая, подаренной бариийской базилике сербским царем Урошем III (1327 г.)

Согласно летописным свидетельствам, именно на рубеже 1080–1090-х гг. происходил постоянный обмен посольствами между Киевом и Римом. Папа Римский Урбан II (1088–1099), вложивший честные мощи святителя в крипту базилики и учредивший праздник Перенесения мощей в Бари, прилагал усилия по преодолению раскола 1054 г. между Западной и Восточной Церквами. Почувствовав в 1090 г. некоторое затягивание процесса примирения между Церквами со стороны греков, Папа решил действовать через Киевскую митрополию как важную часть Константинопольского Патриархата. В 1091 г. Папа направил в Киев посольство, которое доставило не только подтверждение намерения Рима к примирению, но и драгоценную реликвию – частицу мощей святителя Николая. Митрополит Ефрем II, в то время исполнявший обязанности местоблюстителя Киевского престола, ввел в Русской Церкви западный праздник Перенесения мощей святителя Николая в Бари, по-видимому, в 1092 г., всего лишь через три года после учреждения праздника Папой Урбаном II. К этому же времени относятся написание русской «Повести о перенесении мощей святителя Николая в Бари» и составление специальной службы на 9 мая с упоминанием чудес, связанных с именем святителя на Руси. Таким образом, даже после разделения между Церквами Востока и Запада почитание общего великого святого – святителя Николая Мирликийского – продолжало связывать восточную и западную христианские традиции.

Многие участники Принесения подчеркивали символику даты – 100-летие Русской революции, положившей начало гонениям на христиан в России. Монсеньор Франческо Какуччи, архиепископ Бари-Битонто, вопрошает:

Кто бы мог подумать еще тридцать лет назад в Советском Союзе, что поклониться мощам придут миллионы верующих, что они будут сопровождаться национальной гвардией и пребывать в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя, на месте которого со времени разрушения Сталиным в 1931 году и вплоть до недавнего восстановления находился бассейн?

Патриарх Кирилл, встречая реликвию 21 мая в восстановленном Храме Христа Спасителя, сказал особое Слово, отметив, что событие, которое сейчас происходит на наших глазах и при нашем участии, есть событие по-настоящему историческое, исполненное многих смыслов. Может быть, не в полной мере мы можем все эти смыслы воспринять, но наверняка на жизни нашего Отечества, на жизни нашего народа, на жизни нашей Церкви это историческое событие отразится.

Глава Русской Православной Церкви дал при этом духовную оценку принесению мощей и чаяниям клира и верующих:

Мы верим, что святитель Николай, которого почитает и Восток, и Запад, предстоит в молитве пред Богом за всех нас. Сегодня мы еще разделены, поелику богословские проблемы, пришедшие из древности, не дают нам возможности воссоединиться. Тем не менее, как прозревали многие святые люди, если Господу угодно будет соединить всех христиан, то произойдет это не по их усилиям, не благодаря каким-то церковно-дипломатическим шагам, не по каким-то богословским соглашениям, а только если Дух Святой снова соединит всех, кто исповедует Имя Христово. И верим, что святитель Николай, слышащий молитвы христиан Востока и Запада, предстоит пред Господом, в том числе прося у Него соединить Церкви воедино. Я хотел бы выразить надежду на то, что пребывание мощей святителя и чудотворца Николая поможет многим нашим современникам почувствовать его присутствие в своей жизни. Я особенно молюсь о нашей молодежи, которая сегодня подвергается чрезвычайному давлению ложных и опасных идей на эмоциональном и психологическом уровне. Сегодня нужна особая концентрация мысли, особая сила веры, особая сила христианских убеждений, чтобы сохранить себя как чад Церкви, а для тех, кто таковым еще не является, открыть духовную красоту жизни христианской общины. И верю, что святитель и чудотворец Николай поможет многим и многим найти свой путь к Богу. Его молитвами да хранит Господь народ

наш и Церковь нашу, да помогает в прохождении непростых исторических путей христианам Востока и Запада.

В публикацию вошли следующие тексты Патриарха Кирилла, ставшие центральными: 1) Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече мощей святителя Николая Чудотворца в Храме Христа Спасителя в Москве 21 мая; 2) Обращение Святейшего Патриарха Кирилла по случаю принесения в пределы Русской Православной Церкви мощей святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских; 3) Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти святителя Николая Чудотворца после Литургии в Храме Христа Спасителя в Москве 22 мая; 4) Слово Святейшего Патриарха Кирилла на братской трапезе после литургии 22 мая; 5) Слово Святейшего Патриарха Кирилла в День Крещения Руси после Литургии в Троицком соборе Александро-Невской лавры 28 июля.

Владыка Иларион, в уже упомянутом предисловии, дает итоговую статистику события:

...смогли поклониться, по официальным данным, 2 миллиона 392 тысячи человек не только из российских регионов, но и из Украины, Беларуси, Молдовы, других стран. Желающих приложиться к святыне было, конечно, гораздо больше. Примерно 14 тысяч волонтеров оказывали паломникам необходимую помощь.

Книга, подготовленная при участии священника Алексия Дикарева, выполнила важную задачу – собрать и сделать доступными материалы, которые адекватно реконструируют уникальное событие, в контексте церковных и историко-культурных связей Апулии и России, и шире – Запада и Востока.

МТ

Бирюкова Маргарита Анатольевна, в 1992 г. закончила Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Краевед, библиограф, член Российского союза писателей с 2014 г. Автор более 300 публикаций в периодике (многие из них совместно с писателем А.Н. Стрижевым). Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина за 2015 г.

Громов Михаил Николаевич родился 20 февраля 1943 г. в Костроме. В 1972 г. закончил философский факультет Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Область научных интересов – история русской философской мысли. В настоящее время является главным научным сотрудником сектора истории русской философии Института философии Российской Академии наук. Автор более 20 монографий и более 300 научных статей по истории русской философии.

Жукова Ольга Анатольевна, в 1995 г. закончила факультет искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург), кандидат культурологии, доктор философских наук, профессор. Область научных интересов – история русской мысли, философия культуры и истории, философская антропология, эстетика, история искусства. В настоящее время является профессором факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Академический руководитель магистерской программы «Философская антропология», заместитель заведующего Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ. Автор более 200 публикаций по истории русской мысли и философии русской культуры.

Заика-Войвод, урожд. кнж. Трубецкая, Елизавета Сергеевна (1945, США), с юных лет живет в Канаде, где в 1967 г. закончила факультет искусств Макгильского университета (Монреаль) под руководством проф. Н.В. Первушина (кафедра русского языка, истории и экономики) и проф. Д'Андреа (специалиста по Данте). Выбрала профессию церковного регента. Редактор и переводчик мемуаров дедушки, личного поверенного императора Николая II, кн. Г.Н. Трубецкого – «Русская Дипломатия и Война на Балканах, 1914–1917», (Notes of a Plenipotentiary, Russian Diplomacy and War in the Balkans, 1914–1917; Northern Illinois Press, 2016). Занимается семейными архивами князей Трубецких.

Каприо Стефано, священник, родился в Милане 28 января 1960 г. С декабря 1989 г. капеллан Посольства Италии в Москве. В ноябре 1991 г. становится одним из основателей Московского Института богословия для мирян им. св. Фомы Аквинского, где преподает патрологию и догматическое богословие до 2002 г. В 2000–2002 гг. работает в Российском

Государственном Гуманитарном университете в Москве, где ведет курс «История христианского богословия». В настоящее время служит в Архиепархии Фоджа-Бовино (регион Апулия), где занимает должность руководителя епархиальной экуменической службы. С 2005 г. преподает богословие в Фоджийском Институте религиозных наук им. Иоанна Павла II. С 2007 г. преподает Русскую историю и культуру в Папском Восточном институте в Риме. Автор книг и статей по русскому богословию и философии, и по религиозной истории Апулии.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич родился 17 августа 1956 г. в Москве. В 1978 г. закончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор. Область научных интересов – история русской философской и политической мысли, философия истории и культуры. В настоящее время является заведующим сектором философии российской истории Института философии Российской Академии наук. Автор 30 монографий и более 300 научных статей по истории русской мысли и философии российской истории.

Каратоццо Марко родился 30 декабря 1975 г. Учился в Бергамском университете, на кафедре славистики, основанной Н.М. Каухчишвили; с 2006 г. профессор русского языка и литературы Барийского Государственного университета им. Альдо Моро. Заместитель директора Департамента литературы, языков, искусств, итальянистики и сравнительных культур Барийского университета. Область интересов – русское присутствие во Франции и в Италии, о котором написал две монографии («La Russia allo specchio», L'Harmattan Italia, 2006; «Una voce russa a Parigi tra le due guerre», Stilo Editrice, 2013) и многочисленные статьи. Специалист по русской литературе XIX в.; в 2017 издал новое итальянское критическое издание «Горя от ума» А.С. Грибоедова («Che disgrazia l'ingegno», Marchese Editore, 2017).

Пиотровская Елена Константиновна, в 1970 г. окончила филфак ЛГУ. В 1975 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности (Летописец «вскоре» константинопольского патриарха Никифора)»; в 2000 г. – докторскую диссертацию «Фрагменты Христианской Топографии Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции». Автор ряда монографий и научных статей, педагог, член ИППО.

Талалай Михаил Григорьевич родился в 1956 г. Выпускник Ленинградского Технологического института, изучал «белые пятна» истории Петербурга, участвовал в Самиздате, с 1987 г. штатный сотрудник Советского фонда культуры, с 1993 г. обосновался в Италии, сосредоточившись на исследовании русско-итальянских связей. С 1997 г. в заочной аспирантуре ИВИ РАН; диссертация на тему «Русская Православная Церковь в Италии с начала XIX века до 1917 года» защищена в 2002 г. Монография на базе диссертации получила Макарьевскую премию

в 2013 г. Составитель свода «Российский некрополь в Италии» (2014). Куратор книжных серий: «Русская Италия» при изд-ве «Старая Басманная» (Москва); «Италороссика» и «Русский Афон» при изд-ве «Индрик» (Москва). Член ИППО.

Цуркан Роман, протоиерей, родился в г. Керчь (Крымская обл. СССР) 22 октября 1965 г. В 1999 г. закончил С.-Петербургскую Духовную Академию (ученик И.Ц. Мироновича и протоиерея Аркадия Иванова). Кандидат богословия по кафедре Ветхого Завета (издана книга «Славянский перевод Библии (происхождение, история текста и важнейшие издания)»). С 1999 г. педагог в Нарвской православной школе (15 лет преподавания). С 2000 по 2004 гг. доцент Колледжа прикладного искусства (EKA Rakendus Kunsti Kõlledž, Таллин) по линии славянских текстов и символики икон. С 2004 г. священник Московского Патриархата и капеллан Министерства Юстиции Эстонии. По пенитенциарному профилю дипломированный слушатель ВАК при Академии права и управления в г. Рязань (2016 г.). С 2014 по 2017 гг. заведующий кафедрой богословия Таврической Духовной семинарии (г. Симферополь); ее преподаватель. Автор ряда книг, а также статей в научной и православной периодике.

Чоффари Джерардо, монах-доминиканец, родился в Калитри (провинция Авеллино, регион Кампания) 1 декабря 1943 г. С 1970 г. иеромонах Доминиканского Ордена. В 1973 г. закончил Св.-Владимирскую Богословскую семинарию в Нью-Йорке (его профессора: оо. Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф) и в 1977 г. Папский Восточный институт. Директор Св.-Николаевского исследовательского центра и заведующий Архивом и Библиотекой базилики св. Николая; доцент курсов «История русского богословия», «История Вселенских Соборов» и «История отношений между Римом и Константинополем» в Экуменическом институте г. Бари. Автор многочисленных работ по русской духовности; с конца 1970-х гг. занимается также исследованиями истории различных городов Апулии, в 1990 г. основал альманах «Nicolaus. Studi Storici».

Шкаровский Михаил Витальевич родился 16 августа 1961 г. в Ленинграде. В 1984 г. закончил исторический факультет ЛГУ, доктор исторических наук. В настоящее время профессор Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, главный архивист в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. В 2008–2009 гг. работал специальным приглашенным профессором в Славянском исследовательском центре Хоккайдского университета (Япония). Член Ученого совета при Общецерковной докторантуре и аспирантуре Московского Патриархата и член Церковно-общественного совета по увековечиванию памяти новомучеников и исповедников Российских при Священном Синоде РПЦ. Принял участие в качестве докладчика в 105 международных конференциях, имеет 697 научных публикаций, из них 60 книг.

GIORNATA DI STUDIO

Martedì 11 settembre 2018 ore 14.00

BARI | Università degli Studi "Aldo Moro" - Aula C, Palazzo ex-Lingue - Via Garruba, 6/B

Saluti **Marco Caratozzolo**, Università di Bari

Michail Gromov, Accademia Russa delle Scienze, Mosca. *Aspetti teologici e filosofici del pellegrinaggio*

Aleksej Kara-Murza, Accademia Russa delle Scienze, Mosca.

Messaggeri di Pietro il Grande a Bari negli anni 1697-1698

Michail Talalay, Accademia Russa delle Scienze, Mosca. *La chiesa russa a Bari negli anni '20*

Marco Caratozzolo, Università di Bari. *Pavel Sokolov, professore esule fra la Russia e la Puglia*

Ol'ga Žukova, Università Nazionale di Ricerca 'Scuola Superiore di Economia', Mosca.

Bari: storia della cultura e della santità russa

Natal'ja Kucenko, Accademia Russa delle Scienze, Mosca.

Le attività educative e di pellegrinaggio del santo vescovo Innokentij (Borisov)

Viktorija Lysenko, Istituto di Filosofia, Mosca; **Michael Hulin**, Sorbonne, Parigi.

Pellegrinaggio e asceti: due strategie per realizzare la personalità nella cultura tradizionale indiana

TAVOLA ROTONDA

Mercoledì 12 settembre 2018 ore 10.00

MONOPOLI | Biblioteca Civica

Intervengono: **Michail Talalay**, **Aleksej Kara-Murza**, **Viktorija Lysenko**, **Michael Hulin**, **Michail Gromov**, **Ol'ga Žukova**, **Michail Loktionov**, **Irina Mjurberg**, **Margarita Piljugina**.

Organizzazione tecnica

Associazione
Puglia dei Russi

Media partner

CESVIR

Le attività si svolgeranno
in lingua russa

Nella metà di settembre 2018 in Puglia, a Bari e Monopoli, si è svolta una serie di incontri a cui hanno preso parte studiosi russi e italiani e che ha preso il nome di *Pervye Bargradskie čtenija* (Primi Incontri scientifici di *Bargrad*). Il tema centrale di tali incontri è stato la "Filosofia del pellegrinaggio", e l'appuntamento centrale la giornata di studi che si è tenuta presso l'Università di Bari "Aldo Moro". Il suo svolgimento è stato benedetto dall'arciprete Vjačeslav Bačín, Rettore della Chiesa russa di Bari.

La stessa terra barese, che custodisce una grande e santa reliquia del mondo cristiano, cioè le spoglie di San Nicola Taumaturgo, si è perfettamente prestata alla scelta del tema e alla necessità di una sua elaborazione attraverso un dialogo di sguardi differenti: filosofico, storico, culturologico e spirituale. Accanto alla storia del culto di San Nicola e alla tradizione del pellegrinaggio, durante gli *Incontri* sono state affrontate anche varie questioni legate ai legami storici e culturali tra la Puglia e la Russia.

A tenere a battesimo gli *Incontri* è stato il Comitato Organizzativo, composto da O. Žukova (Università Nazionale di Ricerca «Scuola Superiore di Economia»), A. Kara-Murza (Istituto di Filosofia dell'Accademia delle Scienze di Russia), M. Caratozzolo (Università di Bari), M. Talalay (Istituto di Storia mondiale dell'Accademia Russa delle Scienze). Il Comitato ha intessuto una solida collaborazione scientifica, con la prospettiva di sviluppare i rapporti tra la Russia e l'Italia. Gli *Incontri* hanno avuto una grande risonanza, viva testimonianza del fatto che essi non devono restare un singolo evento, ma diventare un appuntamento fisso nell'ambito del dialogo russo-pugliese, l'inizio di una nuova tradizione scientifica e divulgativa, un punto di riferimento per studiosi e appassionati.

Negli *Atti* che qui si pubblicano, oltre ai saggi degli studiosi che hanno preso parte diretta agli *Incontri*, vengono inclusi anche alcuni lavori di autori che in occasione della preparazione del presente volume hanno deciso di condividere i risultati delle proprie ricerche su temi legati alla città di Bari (*Bargrad*).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БАРГРАДСКИЙ СБОРНИК № 1

Под редакцией *М.Г. Талалая*

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
15,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87